

УДК 343.301"04/08"(47)

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОРМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
XV–XVIII ВЕКОВ**

Губанова Е. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуется становление института уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере политических отношений. Анализируются нормы российского законодательства V–VIII веков, регулирующие вопросы ответственности за совершение преступных деяний, которые мы можем охарактеризовать как политические преступления. Особое место уделяется смертной казни как наиболее часто назначаемому виду ответственности за политические преступления. Исследуется хронология совершенствования системы российского законодательства, регламентирующего ответственность за совершение политических преступлений.

Ключевые слова: политическое преступление, наказание, уголовный закон.

Целью настоящей статьи является исследование норм российского законодательства XV–XVIII веков, регулирующих вопросы ответственности за совершение преступных деяний, которые мы можем охарактеризовать как политические преступления.

Развитие политической преступности на территории нашего государства корнями уходит вглубь вековой истории. Уже в первых нормативно-правовых актах, регулирующих внутригосударственные общественные отношения того времени, имеются упоминания о преступлениях в политической сфере и системе наказаний за них. Одним из первых источников, уделивших внимание вопросу такого рода преступлений, является Судебник Ивана III, изданный в 1497 г. в качестве первоосновы регулирования и систематизации действующих норм права и социальных норм.

Ст. 9 Судебника гласит: «А государскому убойцѣ, и боромолнику, цербовному татю и головному, и подметчику, и зажигальнику, вѣдомому лихому человѣбу живота не дати, казнити его смертною казнью» [1, с. 82].

В данном случае перечисляются лица, совершившие противоправные деяния, наказание за которые предусмотрено в виде смертной казни. Особое внимание в этом списке следует уделить такому виду преступников, как «боромольники», в современной интерпретации данный термин звучит как «крамольник», то есть мятежник, заговорщик, изменщик [2, с. 187].

Также статья 9 данного документа в переводе академика Б. Д. Грекова среди прочих преступлений, карающихся смертной казнью, упоминает передачу секретных сведений [3, с.19–21]. Однако, учитывая давность данного источника и

недостаточность в разработке системы законодательства того времени, ссылка на мотивы передачи секретных сведений в качестве политических отсутствует. Таким образом, следует отметить, что основа регулирования проблематики политических преступлений была заложена уже в 1497 году с принятием Судебника Ивана III.

В Судебнике Ивана IV, изданном в 1550 г., также упоминаются такие преступники, как крамольники. Положения статьи 9 Судебника Ивана III отчасти дублируются в Судебнике Ивана IV. В частности, статья 61 гласит: «А государьскомбойцѣ, и градскому сдавцу, и коромолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику... казнити его смертною казнію» [1, с. 151–152].

Особое внимание регулированию политических преступлений и наказаний за них уделялось в Соборном уложении, принятом в 1649 году Земским собором в период царствования Алексея Михайловича. Данное Уложение предусматривало отдельные группы преступлений, в частности преступления против церкви, порядка управления, политические преступления и др. В тексте уложения имеется глава II под названием «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать», в которой описываются противозаконные деяния, совершенные по политическим мотивам, а также наказания, применяемые за совершение данных деяний.

К политическим преступлениям по Уложению отнесли попытку государственного переворота, попытку военного переворота, сотрудничество с врагами государя и оказание им помощи с целью захвата государственной власти. В отношении лиц, совершивших данные преступления, а также при наличии полной доказанности их вины, применялось наказание в виде смертной казни, об этом гласит статья 2 главы II уложения: «Также будет кто при державе царьского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть и для того своего зловоумышления начнет рать збирать, или кто царьского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом, по его ссылке, Московским государством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщется про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнити смертию» [4, с. 72].

При этом смертной казни подлежали также и близкие родственники заговорщиков и изменников, если они были осведомлены о предстоящем деянии и не сообщили об этом.

Также Соборное уложение 1649 года предусматривало ответственность за сокрытие сведений о готовящемся заговоре против государя. Каждому лицу, которому стало известно о предстоящем заговоре, вменялось в обязанность сообщить об этом самому государю, государевым боярам, ближним людям, а в городской местности такие сведения необходимо было сообщать воеводам или приказчикам. В случае сокрытия такой информации к лицу применялось наказание в виде смертной казни. «А будет кто сведав, или услыша на царьское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл, а государю и его государевым бояром и ближним людем, и в городех воеводам и приказным людем, про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертию безо всякия пощады» [4, с. 74], – гласит статья 19 главы II Уложения. Следует отметить, что система политических преступлений и соответствующих видов наказаний за них в

законодательстве нашего государства получала развитие с каждым последующим принятием законодательного акта и планомерно расширялась, совершенствовалась. Данный процесс, как мы видим, замечен уже в середине XVII века.

Следующим витком в развитии системы законодательства, регулирующего ответственность за совершение политических преступлений, явилось принятие в 1715 году Артикула воинского Петра I.

Данный свод законов существенно расширил систему не только политических преступлений, предусмотрев и систематизировав наказания за совершение подобного рода деяний. Анализируя положения Артикула, можно прийти к выводу о выделении политических преступлений в отдельную самостоятельную группу, однако в тексте такая систематизация не предусматривалась.

Все уголовно наказуемые деяния были сгруппированы в 24 главы, каждая из которых в свою очередь делилась на соответствующие артикулы, регулирующие ответственность за конкретный вид преступления. В данном случае вопросу ответственности за совершение политических преступлений посвящены главы III, XVI, XVII.

Глава III предусматривает ответственность за вооруженный бунт против государя, призыв к свержению государственной власти, покушение на главу государства (артикул 19), оскорбление главы государства (артикул 20).

Глава XVI выделяет следующие составы преступлений: разглашение государственной тайны, сотрудничество с неприятелем (артикул 124), намерение совершить государственную измену (артикул 127), несообщение о государственной измене и о шпионаже (артикул 129).

Глава XVII предусматривает ответственность за участие в собрании, целью которого является обсуждение готовящегося бунта (артикул 133), а также ответственность за бунт, возмущение и упрямство (артикул 137).

Наказание за совершение указанных преступлений предусматривалось в виде смертной казни, при этом ее вид зависел от конкретного состава. Например, за совершение вооруженного бунта либо за призыв к свержению государственной власти к виновному лицу применялась смертная казнь в виде четвертования, за оскорбление главы государства политическому преступнику отсекали голову, а за бунт или иное упрямство виновным лицам грозила виселица. При этом, наряду с основным наказанием в виде смертной казни, к политическим преступникам применялось дополнительное наказание в виде конфискации имущества. Конфискации подлежали пожитки и имения виновного лица. Артикул 19 гласит: «...четвертованы быть, и их пожитки забраны» [5, с. 331]. Аналогичное положение закреплено в артикуле 124: «...пожитков и живота лишен, и четвертован быть» [5, с. 350].

Таким образом, следует отметить, что основы законодательства, регламентирующие ответственность за совершение политических преступлений, были заложены уже в XV веке при правлении Ивана III. Дальнейшая законодательная деятельность российских правителей привела к совершенствованию и детализации правовых актов, регламентирующих ответственность за совершение политических преступлений.

На наш взгляд, развитие законодательства об ответственности за совершение политических преступлений тесно связано с внутригосударственными процессами,

происходящими на территории нашего государства, а также в связи с проводимой политикой централизации. Особый вклад в совершенствование законодательства, касающегося ответственности за совершение политических преступлений, внес Петр I. Именно при его правлении внимание уделялось выработке новых составов политических преступлений, развитию системы наказаний за их совершение, а также становлению законодательной базы.

Следующим шагом к совершенствованию системы законодательства, регламентирующего ответственность за совершение политических преступлений, явилось принятие Свода законов Российской империи, изданного в 1832 г. в период правления Николая I. Принятие Свода законов ознаменовало новый этап не только в развитии уголовного законодательства Российской Империи, но всей системы законодательства того времени в целом.

Особенностью данного труда является кодификация всех действующих законодательных актов Российской империи. Свод законов состоял из 15 томов, алфавитного указателя и 6 томов приложений. Каждый том посвящен регулированию отдельной сферы законодательства либо вопросам регулирования отдельных государственных структур и учреждений. В частности, том I состоял из двух частей, первая часть именовалась «Основные государственные законы», вторая – «Учреждения государственные». В свою очередь, каждая часть была поделена на разделы, а разделы – на статьи. Таким образом, следует отметить довольно сложную структуру Свода законов, которая применяется законодателем и в настоящее время. В 1892 году был издан 16 том – «Судебные уставы».

Особое внимание в разрезе нашей проблематики следует уделить тому пятнадцатому «Законы уголовные». Он представляет собой кодификацию уголовного законодательства и состоит из двух книг: I «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» и II «Законы о судоустройстве по делам о преступлениях и проступках». В первой книге имеется раздел, регулирующий ответственность за совершение политических преступлений. Раздел именуется «О преступлениях государственных» и содержит в себе две главы: первая – «О преступлениях против Священной Особы Государя Императора и членов Императорского Дома», вторая – «О бунтѣ противъ Власти Верховной, и о государственной измѣнѣ».

К преступлениям, закрепленным в первой главе (ст. 275–282), относятся:

- преступления «против жизни и здоровья Государя Императора»;
- умысел на свержение его с престола;
- любые действия, направленные на лишение его свободы, верховной власти либо ее ограничения;
- составление и распространение письменных или печатных сочинений и изображений, целью которых является стимулирование неуважения к царю, его личным качествам или к его методам управления государством.

Также в первой главе закрепляются в качестве преступления, оскорбления, высказанные в адрес царя; умышленное искажение портретов, статуй, бюстов или иных его изображений и другие преступления.

В качестве наказаний, применяемых за совершение указанных преступлений, выделяются:

- лишение всех прав состояния и смертная казнь;
- каторжные работы в крепостях (срок устанавливается в зависимости от конкретного вида преступления);
- наказание плетьюми;
- заключение в крепости (срок устанавливается в зависимости от конкретного вида преступления);
- арест;
- заключение в смиренный дом и другие виды наказаний [6, с. 71–73].

К преступлениям, закрепленным в главе второй (статьи 283–294), относятся:

- бунт против верховной власти;
- составление и распространение письменных или печатных объявлений, воззваний или сочинений и изображений с целью побуждения к бунту или явному неповиновению верховной власти;
- составление и распространение письменных или печатных сочинений, произнесение публичных речей, в которых хоть и без прямого умысла и явного возбуждения к восстанию, но усматривается сомнение в неприкосновенности прав на правление и на престол;
- участие в бунте и заговоре против верховной власти;
- разглашение государственной тайны иностранному государству;
- тайная переписка с иностранными государствами без разглашения государственной тайны;
- тайная переписка с подданными неприязненных государств без намерения разглашения государственной тайны и другие преступления.

В качестве наказаний, применяемых за совершение указанных преступлений, выделяются:

- лишение всех прав состояния и смертная казнь;
- ссылка на каторжные работы в рудниках, заключение в крепость, наказание плетьюми;
- арест;
- передача под надзор полиции;
- ссылка на каторжные работы на заводы;
- конфискация всего родового и приобретенного имущества;
- ссылка на поселение в Сибирь;
- заключение в смиренный дом и другие виды наказаний [6, с. 73–78].

Таким образом, следует отметить, что система политических преступлений и наказаний за их совершение в Своде законов Российской империи получила детальное закрепление. Законодатель старался уделить внимание всем противоправным деяниям, которые могли дестабилизировать действующую политическую обстановку и нарушить порядок управления государством.

Следующим витком в развитии законодательства, регламентирующего ответственность за совершение политических преступлений, является принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Уложение было утверждено императором Николаем I 15 августа 1845 г., однако вступил документ в силу только с 1846 г. Так, в тексте Уложения о наказаниях уголовных и исправительных имеется Раздел III, который называется «О преступлениях государственных». Раздел включает в себя 20 статей, с 263 по 282. Однако содержание статей практически

полностью дублируется содержанием предыдущей редакции, содержащейся в Своде законов Российской империи, изданном в 1832 г., и новшество относительно вопроса регулирования политической преступности не внесло [7].

22 марта 1903 г. было утверждено новое Уголовное уложение, которое хоть и не выделяло политические преступления в отдельный раздел, однако содержало главы, регламентирующие ответственность за совершение указанных преступлений. В частности, в Уголовном уложении 1903 г. имелись две главы, посвященные вопросу регламентирования ответственности за совершение политических преступлений:

– глава 3 «О бунтѣ противъ верховной Власти и о преступныхъ дѣяніяхъ противъ Священной Особы Государя Императора и членовъ Императорскаго Дома»;

– глава 5 «О смутѣ» и др.

Глава 3 включала в себя статьи с 99 по 107. К уголовно наказуемым деяниям, указанным в данной главе, относились:

– посягательство на жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность императора или членов императорского дома;

– деяния, направленные на свержение императора с престола или на лишение последнего власти;

– насильственные посягательства, направленные на изменение установленных законов правления или порядка наследия престола;

– оскорбление императора или членов императорского дома, надругательство над их изображениями с целью возбудить неуважение к последним, распространение и публичное выставление изображений и сочинений с той же целью;

– оскорбление памяти усопших родственников императора, учиненное публично, либо указанное деяние, состоящее в распространении и публичном выставлении произведений печати, писем или изображений и другие преступления.

Среди наказаний, применяемых за совершение вышеперечисленных деяний, указывались: смертная казнь, каторга на определенный срок, ссылка на поселение, заключение в крепости, арест [8, с. 42–45].

Глава 5 включала в себя статьи со 120 по 137. К уголовно наказуемым деяниям, указанным в данной главе, относились:

– неповиновение полицейским на требование прекратить участие в публичном скопище, а также подстрекательство к такому неповиновению;

– участие в публичном скопище, заведомо собравшегося с целью выразить неуважение верховной власти или установленным законам правления;

– участие в сообществе, заведомо воспрещенном в установленном порядке;

– участие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности возбуждение к неповиновению или противодействию закону;

– произнесение, чтение публичной речи или сочинения, целью которого является призыв к бунту, к свержению действующего государственного строя, к неповиновению или противодействию закону, и другие преступления.

Среди наказаний, применяемых за совершение вышеперечисленных деяний, указывались: арест, заключение в тюрьму, заключение в крепость, ссылка на поселение, заключение в исправительном доме, каторга и др.

Также в главе 5 закрепляется условие освобождения от наказания – сообщение, донесение о готовящихся незаконных и противоправных действиях [8, с. 50–57].

Принятие нового Уголовного уложения в 1903 г. способствовало дальнейшему развитию законодательства, регламентирующего ответственность за совершение политических преступлений.

Таким образом, мы видим, что процесс формирования длился не одно столетие. Начиная с XV в., а именно с принятия Судебника Ивана III в 1497 г., можно говорить о начале выделения политических преступлений в особую группу уголовно наказуемых деяний. С каждым последующим принятием новых законодательных актов мы можем наблюдать видоизменение понятия политических преступлений, их видов, видов наказаний за их совершение. Эти отличия во многом зависели от политической обстановки в государстве, экономических и общественных отношений, действовавших в конкретный промежуток времени, а также от самого руководства государства.

Список литературы:

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Киев – СПб.: Н. Я. Оглоблин, 1887. – 240 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 2 / В. Даль. – СПб. – М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. – 807 с.
3. Греков Б. Д. Судебники XV–XVI веков / Греков Б. Д. – М. – Л.: АН СССР, 1952. – 640 с.
4. Соборное уложение 1649 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 431 с.
5. Маньков А. Г. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Маньков А. Г. – М.: Юридическая литература, 1986. – 512 с.
6. Свод законов Российской империи: в 16 т. Т. 15. Книга первая. – СПб.: Типография второго отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – 602 с.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург, в Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. – 898 с.
8. Новое уголовное уложение. – С.-Петербург, Издание Каменноостровского Юридического Книжного Магазина В. П. Анисимова, 1903. – 249 с.

Gubanova Elena. The historical analysis of norms of criminal liability for political crimes in the russian legislation XV – VXIII centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 3 – 9.

In the article investigated becoming of institute of criminal responsibility for committing crime in the field of political relations. The norms of the Russian legislation of V– VIII are analyzed, regulating questions of responsibility for the committing of criminal acts that we can describe as political crimes. The special place is devoting to the death penalty, as the most often appointed type of responsibility for political crimes. The chronology of improvement of system of the Russian legislation regulating responsibility for commission of political crimes is investigated.

Keywords: politicalcrime, punishment, criminallaw.

Spisok literaturyi:

1. Vladimirskiy – Budanov M.F. Hrestomatiya po istorii russkogo prava / M.F.Vladimirskiy – Budanov. - Kiev-SPb.: N.Ya.Ogloblin, 1887. – 240 s.
2. Dal V. Tolkoviy slovar zhivago Velikoruskago yazyika. T. 2/ V.Dal. – SPb. – M.: IzdanIe kni-goprodavtsa–tipografa M.O.Volfa, 1881. – 807 s.
3. Grekov B.D. Sudebniki XV-XVI vekov/ Grekov B.D. – M.-L.: AN SSSR, 1952. – 640 s.
4. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. – 431 s.
5. Mankov A.G. Rossiyskoe zakonodatelstvo X-XX vv.: v 9 t. T. 4. Zakonodatelstvo perioda stanovleniya absolyutizma / Mankov A.G. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1986. – 512 s.
6. Svod zakonov Rossiyskoy Imperii: v 16 t. T. 15. Kniga pervaya. – Spb. : Tipografiya vtorogo ot-deleniya Sobstvennoy ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1857. – 602 s.
7. Ulozhenie o nakazan'yah' ugovolnyih' i ispravitelnyih'. - Sankt-Peterburg', v' Tipografi Vtorago Otd

УДК 340.15

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ В ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Змерзлый Б. В., Таран П. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуется процесс создания и правового оформления основных направлений охраны государственной границы Российской империи в Таврической области. Указано, что ими были вооруженная охрана, производимая воинскими частями (в том числе и с активным применением казачьих подразделений), а по морской границе и силами военно-морского флота; охрана экономических интересов, производимая таможенными учреждениями; санитарно-эпидемиологическая охрана границ, производимая активно создаваемыми и быстро развивающимися на Юге империи карантинными учреждениями.

Дополняли эти меры при охране водных коммуникаций и торговых портов брандвахты, т. е. специально снаряженные военные суда, которые первыми встречали иностранные торговые корабли еще на подступах к портам. Правовые основы этих направлений были закреплены в многочисленных нормативно-правовых актах изучаемого периода, таможенном уставе и карантинном уставе 1800 г.

Ключевые слова: государственная граница, охрана, Таврическая область.

К концу XVIII в. оформились такие основные направления охраны государственной границы в Российской империи, во-первых, это вооруженная охрана, производимая воинскими частями (в том числе и с активным применением казачьих подразделений), а по морской границе и силами военно-морского флота; во-вторых, охрана экономических интересов, производимая таможенными учреждениями; в-третьих, санитарно-эпидемиологическая охрана границ, производимая активно создаваемыми и быстро развивающимися на Юге империи карантинными учреждениями.

Дополняли эти меры при охране водных коммуникаций и торговых портов брандвахты – специально снаряженные военные суда, которые первыми встречали иностранные торговые корабли еще на подступах к портам.

Организация охраны государственной границы при образовании Таврической области, безусловно, строилась на основе уже существовавших к этому времени заделов. Что касается охраны морских рубежей, то эту функцию в первую очередь выполняли силы военно-морского флота, созданные еще до образования Таврической области. Так, как известно, еще в начале 1770 г. на Черном море российские корабли одержали свои первые победы над турецким флотом. 18 июня 1778 г. был основан г. Херсон, вместе с адмиралтейской верфью и речным портом. 17 февраля 1784 г. основан Севастополь, с адмиралтейской верфью, большой

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112.

крепостью и военным поселением. 13 августа 1775 г. произошло утверждение первого штаба Черноморского флота в составе 12 линейных кораблей, 29 фрегатов, 23 вспомогательных судов. В дальнейшем, в связи с продолжавшейся конфронтацией с Турцией, эти силы лишь развивались и в основном успешно, вплоть до Крымской войны, обеспечивали морскую охрану границ.

Можно также указать, что, согласно данным, найденным и опубликованным А. П. Курабцевой, на рубеже XVIII–XIX вв. в Черноморском флоте насчитывалось 100 лодок для брандвахт, а «общее количество служащих на флотах Российской империи, только по найденным нами данным, составляло в этот период 66113 человек» [13, с. 77–78].

Таможенные учреждения Российской империи в регионе также появились еще в период существования независимого Крымского ханства.

С заключением 10 июля 1774 г. Кучук-Кайнаджирского договора России отошли Керчь и Ениколе «с их уездами и пристанями» [1, с. 959], а по «Арт. 19. Крепости: Еникале и Керчи, лежащие в полуострове Крымском, с их пристанями и всем в них находящимся, тож и с уездами, начиная от Черного моря и следуя древней Керченской границе до урочища Бугак и от Бугака по прямой линии кверху даже до Азовского моря, остаются в полное и непрекословное владение Российской империи» [1, с. 963]. Основываясь на Кучук-Кайнаджирском договоре, 5 февраля 1776 г. был принят сенатский указ «О действии нового Тарифа во вновь учрежденных Таможнях: портовой при Азовском море и двух пограничных Никитинской и Миргородской» (№ 14431) [2, с. 345]. В документе впервые упоминаются «малые таможни» в «Яникуле» и «Керчи». 26 мая 1776 г. на его основе было принято «Учреждение в Новороссийской и Азовской Губерниях портовых и пограничных Таможен и застав по прилагаемому у сего штату» (№1 4473), по которому эти заставы подчинялись Таганрогской таможне, а Яникольской заставе предписывалось, останавливая при брандвахте купеческие суда, запечатывать товары, а иногда и, погрузив на транспортные суда, доставлять их в Таганрог, где лишь после карантина проводить их осмотр. В свою очередь, таможенной заставе в Керчи также предписывалось препровождать корабли через Яниколь до Таганрога. Общее таможенное управление в Новороссийской и Азовской губерниях было в ведении генерал-губернатора и губернаторов.

С образованием Таврической области указом 24 апреля 1784 г. «О распоряжениях для открытия Таврической области, об определении в сию область к должностям жителей оной и об употреблении из статных сумм на Присутственные места и другие заведения по усмотрению надобности в оных» (№ 15988) [3, с. 137] предписывалось использовать свободные денежные средства на устройство «...таможен с их магазинами, анбаров, для складки товаров необходимо нужных карантинных домов...» [3, с. 138].

31 мая 1784 г. были назначены директора феодосийской и севастопольской таможен [4, с. 605]. В этом же году формировались штаты таможен козловской, перекопской, еникальской и балаклавской застав [5, с. 127].

Указом от 6 марта 1797 р. (№ 17871) в некоторых губерниях, в том числе и в Новороссийской, был введен институт таможенных инспекторов «Для осмотра таможен, свидетельствования таможенной цепи по границе, и наблюдения за точным исполнением должности по сей части...» [6, с. 510–511]. Второй, весьма

важной попыткой оживить торговлю в регионе, стало дарование Крыму, по образцу Одессы, порто-франко – прав свободной экономической зоны на 30 лет. Манифест, провозгласивший это, был принят 13 февраля 1798 г. (№ 18373). Практически все таможенные учреждения Крыма были закрыты [7, с. 64].

В 1799 г. были утверждены штаты Козловской, Ахшиарской и Кефийской таможням Крыма. Таможенный присмотр на Таврическом полуострове осуществляли всего 68 чел., из них 3 надзирателя и 65 объездчиков [7, с. 370–371].

Однако к концу этого же 1799 г. было принято решение о восстановлении ранее закрытых таможен в регионе [7, с. 920].

В XVIII в. было начато и устройство карантинных учреждений. Одной из причин к тому было то, что основные эпидемии этого периода истории приходили в Европу с Востока, в том числе с земель, принадлежащих Турции.

Так, еще в 1747 г. был создан Таганрогский карантин (№ 9462) [8, с. 803]. Указом от 24 апреля 1784 г. (№ 15988) уже предусматривалось финансирование строительства карантинных домов [3, с. 138]. Свое развитие данное направление получило только через 9 лет, в указе от 7 июня 1793 г. «О устройении карантинных домов в Екатеринославской Губернии и Таврической Области» (№ 17131). Данным документом предусматривалось создание портовых карантинных домов вместо Херсона в Очакове и расширение карантина в Таганроге. В Таврической области создавались карантинные пункты в Севастополе, Феодосии, Керчи и Тамани. Базовым нормативным актом их деятельности стал устав для карантина, расположенного на острове Сескар (от 1786 г.).

Начальники карантинных пунктов утверждались Сенатом по представлению наместнического правления, а прочие чины – наместническим правлением по представлению начальников карантинных пунктов [9, с. 436–437]. Создавались карантинные пункты в Феодосии, Евпатории, Керчи и Севастополе.

В 1795 г. было принято решение об усилении карантинных пунктов в Новороссийской и Азовской губерниях. В связи с чем в каждый из 8 карантинных пунктов (по штату 1776 г.) было добавлено по 1 лекарю, подлекарю, цирюльнику и копиисту. Выделялись средства на постройку необходимых помещений, обеспечивалась соответствующая охрана [9, с. 239].

Принятие в 1800 г. первого в истории Российской империи карантинного устава, целиком ориентированного на обслуживание Юга империи вообще и Крыма в частности, придало новый импульс в этом деле.

Как уже указывалось, решение об открытии карантинных пунктов в Крыму было принято еще в 1784 г., но на практике было сделано весьма немного, а сам процесс создания и становления деятельности карантинных пунктов затянулся на несколько десятилетий [10]. Несколько последовательных именных указов 1803 г. посвящены проблемам развития карантинной сети.

27 января в наставлении для Дюка де-Ришелье царь требовал немедленно заняться устройством карантинных пунктов [11, с. 443–445].

В феврале 1803 г. в указе Александра I николаевскому военному губернатору Беклешеву, которому подчинялась и Таврическая область, царь писал, что еще только «нужно будет приступить к построению там в непродолжительном времени карантинных пунктов». Более детально развитием Крыма и устройением карантинной сети занимался специально созданный в 1802 г. комитет об устройении Новороссийского

края. Желая ускорить постройку карантина в Феодосии, Александр I поручил Беклешеву «сделать все распоряжения к заготовлению материалов для построения карантина в Кефе» [11, с. 482–483].

Для ускорения запланированных преобразований, а также более точного их исполнения и контроля был использован институт градоначальства. 23 февраля 1804 г. был издан указ генералу Феньшу «О принятии ему под свое управление города Феодосии и об устройстве онаго» (№ 21172). В этом же указе подчеркивалась возможность выделения заранее средств на строительство карантинных строений [12, с. 148].

Продолжился этот процесс указом от 7 марта 1805 г. «О строениях в городе Феодосии» [12, с. 888–889] и указом от 20 апреля 1806 г. «Об устройстве карантинных в портах Черноморского и Азовского морей» [13, с. 178–182]. Последний указ содержал в себе комплекс мер по развитию сети карантинных учреждений на Юге империи, которым также устанавливался порядок их деятельности, предусматривались пересмотр штатов, достройка необходимых зданий и т. д.

Все эти и применяемые позже меры были не напрасны, так как еще долгие годы сохранялась опасность заноса различных эпидемий из-за рубежа. Так, к примеру, 26 апреля 1811 г. Керченская застава приступила к освидетельствованию выброшенного из моря тела. В августе этого же года в Керчь пришло русское купеческое судно из Мингрелии, на нем оказались больные лихорадкой. Были умершие, они сразу хоронились заставой.

Таким образом, можно сделать следующий вывод о том, что организация охраны государственных границ в Таврической области происходила по следующим основным направлениям: во-первых, это вооруженная охрана, производимая воинскими частями (в том числе и с активным применением казачьих подразделений), а по морской границе и силами военно-морского флота; во-вторых, охрана экономических интересов, производимая таможенными учреждениями; в-третьих, санитарно-эпидемиологическая охрана границ, производимая активно создаваемыми и быстро развивающимися на Юге империи карантинными учреждениями.

В данном случае все упоминаемые выше и задействованные в охране госграниц государственные органы, кроме карантинных учреждений, были созданы много ранее и имели хорошо проработанную нормативную базу. Карантинный же устав 1800 г. был совершенно новым консолидированным актом для Российской империи, вызванным в первую очередь необходимостью санитарно-эпидемиологической защиты границ на Юге страны.

К особенностям охраны государственных границ в данном регионе можно отнести также и то, что сама граница проходила водным, т. е. морским путем.

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XIX. 1770–1774. – СПб., 1830. – 1081 с.

2. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XX. 1775–1780. – СПб., 1830. – 1034 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXII. С 1784 по 1788. – СПб., 1830. – 1168 с.
4. Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). – Одесса: Типография А. Шульца, 1889. – Т. 15. – С. 605.
5. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII века / Д. А. Прохоров // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 4. – С. 123–138.
6. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXIV с 6 ноября 1796 по 1798. – СПб., 1830. – 869 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXV. 1798–1799. – СПб., 1830. – 933 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. С 1649. Т. XII. 1744–1748. – СПб., 1830. – 960 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. С 1649. Т. XXIII. С 1789 по 6 ноября 1796 г. – СПб., 1830. – 969 с.
10. Змерзлый Б. В. Правовые основы создания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Таврической губернии) / Б. В. Змерзлый, Е. О. Воронина. – Симферополь, 2014. – 261 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXVII. 1802–1803. – СПб., 1830. – 1122 с.
12. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXVIII. 1804–1805. – СПб., 1830. – 1328 с.
13. Дьяченко А. П. К определению численного состава флотов Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв., подсудного военно-морским судам / А. П. Дьяченко // Сучасні проблеми правової системи України: збірник матеріалів III Міжнародної наук.-практич. конф. (24 листопада 2011 р., м. Київ) / Київський ун-т права НАН України. – Випуск 3. – К.: Вид-во Європейського університету, 2011. – С. 77–78.

Zmerzly Boris. Organization of guard of state boundaries is in the Tavricheskoy area // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 10 – 15.

In the article the process of creation and legal registration of basic directions of guard of state boundary of the Russian empire is probed in the Tavricheskoy area. It is indicated that by them it was been the armed guard, producible military parts (including with active application of cossack subdivisions), and on a marine border and by forces of navy; guard of economic interests, producible custom establishments; sanitary-epidemiology guard of scopes, producible actively created and quickly developing on South of empire quarantine establishments.

Complemented these measures at the guard of water communications and point-of-sale ports of guard-ship are the specially equipped soldiery ships which the first was meet foreign point-of-sale ships yet on approaches to ports. Legal frameworks of these directions were fastened in the numerous normatively-legal acts of the studied period.

Keywords: state boundary, guard, Tavricheskaya area.

Spisok literaturyi:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XIX. 1770 – 1774. – SPb., 1830. – 1081 s.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XH. 1775 – 1780. – SPb., 1830. – 1034 s.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XHII. S 1784 po 1788. – SPb., 1830. – 1168 s.
4. Zapiski Odesskogo obschestva istorii i drevnostey (ZOOID). – Odessa: Tipografiya A. Shultsa, 1889. – T. 15. – s. 605.
5. Gosudarstvennyie uchrezhdeniya Tavricheskoy oblasti v kontse XVIII veka / D.A. Prohorov // Kultura narodov Prichernomorya. – 1998. – № 4. – S. 123 – 138.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XHIV s 6 noyabrya 1796 po 1798. – Spb, 1830. – 869 s.
7. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XHV. 1798 – 1799. – SPb., 1830. – 933 s.

8. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649. T. XII. 1744 – 1748. – SPb., 1830. – 960 s.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649. T. XXIII. S 1789 po 6 noyabrya 1796 g. – SPb., 1830. – 969 s.
10. Zmerzlyiy B. V. Pravovyye osnovyi sozdaniya i deyatelnosti karantinnyih uchrezhdeniy v Ros-siyskoy imperii v kontse XVIII – nachale XX vv. (na materialah Tavricheskoy gubernii) / B.V. Zmerz-lyiy, E.O. Voronina. – Simferopol, 2014. – 261 s.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XHVII. 1802 – 1803. – Spb, 1830. – 1122 s.
12. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 g. T. XXVIII. 1804 – 1805. – SPb, 1830. – 1328 s.
13. Dyachenko A.P. K opredeleniyu chislennogo sostava flotov Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – na-chale XIX vv., podsudnogo voenno-morskim sudam / A.P. Dyachenko // Suchasni problemi pravovoYi sistemi UkraYi-ni: zbirnik materIalIv III MizhnarodnoYi nauk.-praktich. konf. (24 listopada 2011 r., m. KiYiv) / KiYivskiy un-t prava NAN UkraYini. – Vipusk 3. – K.: Vid-vo Evropeyskogo unIversitetu, 2011. – S. 77 – 78.

УДК 341.24: [616-002.5]

**ДОГОВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С
ТУБЕРКУЛЕЗОМ В XXI В.**

Клименко Е. П., Клименко П. М.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Настоящее исследование посвящено ключевым аспектам сотрудничества государств в сфере борьбы с туберкулезом посредством заключения международных договоров на современном этапе. История знает примеры международного сотрудничества в борьбе с инфекционными заболеваниями, начиная с середины XIX в. Именно с 1851 г. представители мировой общественности активно заключали конвенции по холере, желтой лихорадке и чуме. Что изменилось по прошествии полутора сотни лет? Современные реалии диктуют новые проблемы и вызовы человечеству. Туберкулезу, как одному из самых опасных инфекционных заболеваний, уделяется немало внимания на международных встречах. А подписанные международные договоры регулируют такие вопросы: способы ликвидации и меры профилактики, лекарственное и финансовое обеспечение, защита и помощь наиболее пострадавшим от заболевания странам и др. Автор статьи акцентирует внимание на целях подписания международных соглашений в сфере борьбы с туберкулезом, а также дает развернутую характеристику принятым документам. В работе выделены два основных блока международных соглашений: первый представляет собой основополагающие документы по туберкулезу, заключенные в рамках деятельности ООН и ВОЗ, а второй – межгосударственные договоры по установлению единой системы мониторинга, оценки и ликвидации рассматриваемого заболевания.

Ключевые слова: туберкулез, право, международный договор, международное сотрудничество, инфекционные заболевания, декларация, эпидемия.

Туберкулез (далее – ТБ) существует на протяжении тысячелетий и остается одной из основных глобальных проблем здравоохранения. Он приводит к ухудшению состояния здоровья миллионов людей каждый год, в 2015 г. вошел в список 10 основных причин смерти во всем мире, занимая место выше ВИЧ/СПИДа и малярии в списке причин смерти от инфекционных заболеваний [1].

В 2015 г. были зарегистрированы 10.4 миллиона новых случаев ТБ во всем мире. Шесть стран составили 60 % общего бремени туберкулеза: Индия, взявшая на себя главный удар, а также Индонезия, Китай, Нигерия, Пакистан и Южная Африка. Приблизительно 1.8 миллиона человек умерли от ТБ в 2015 г., из них 0.4 миллиона были одновременно заражены ВИЧ [2].

В целях ликвидации и профилактики туберкулеза во всех странах мира проходит оперативная деятельность по реагированию не только на национальном, но и международном уровнях. Такая деятельность включает в себя разработку комплекса правовых мер. Международное сотрудничество в сфере борьбы с инфекционными заболеваниями на современном этапе проходит в рамках работы международных организаций в сфере здравоохранения, а также заключения международных договоров.

Историография данного вопроса представлена работами, посвященными международно-правовому регулированию вопросов здравоохранения, а также борьбе с эпидемиями. Из отечественных следует выделить труды Михайлова В. С.,

Сильченко Н. П., Смоленского В. Ю., Симоновой А. Е., Сандахчиева Л. С., Мартынюка Р. А., Горлинского А. И., Медведевой М. А., Бартенева Д. Г. Из зарубежных – Хендель Н. В., Fidler D. P., Gostin O., Aginam O., Cliff A., Clarke L., Basch P. F. и др. [3–17]. Необходимо отметить, что работ, комплексно посвященных нормативному сотрудничеству государств в сфере борьбы с туберкулезом на современном этапе, выявить не удалось. Однако существенная приоритетность исследования такого вопроса очевидна ввиду необходимости реализации главной цели – обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности и охраны здравоохранения во всем мире.

Для лучшего обзора нашей работы следует выделить основные понятия. Международный договор – это соглашение между двумя или несколькими государствами или иными субъектами международного права относительно установления, изменения или прекращения их взаимных прав и обязанностей в политических, экономических или иных сферах. Это основной источник международного права. Международный договор – родовое понятие, охватывающее договоры, соглашения, пакты, трактаты, конвенции, декларации, коммюнике, протоколы и т. п. [18]. К 2016 г. на всей планете заключено более 500 000 различных соглашений и договоров. В число источников данного вида права входят не только межгосударственные нормативные акты, но также и те, что были заключены при участии международных организаций [19].

Принятие Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций (далее – ООН) открывает международное договорное сотрудничество по туберкулезу XXI в. 8 сентября 2000 г. резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН (Саммит тысячелетия) была принята Декларация тысячелетия, которую подписали представители 189 стран, в том числе 147 глав государств.

Было выделено восемь основных взаимосвязанных целей развития, стоящих на повестке дня развития мира, которые в дальнейшем получили название «Цели развития тысячелетия» («Millenium Development Goals», MDG) на 2000–2015 гг. Цель № 6 относится к борьбе с туберкулезом и другими основными заболеваниями.

В том числе документом выделены задачи, которые необходимо решить для достижения поставленных целей. Раздел III декларации провозглашает намерение остановить и положить начало тенденции к сокращению масштабов распространения основных болезней, от которых страдает человечество. А также в разделе VII документа указывается на готовность помочь Африке создать свой потенциал для обуздания пандемии инфекционных заболеваний [20].

Спустя 15 лет – 25 сентября 2015 г. – Генеральной Ассамблеей ООН принята Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. В ней объявлены 17 целей устойчивого развития и 169 связанных с ними задач на период 2016–2030 гг. Цель № 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» включает в себя 13 задач. Одна из них – задача 3.3 – прекращение глобальной эпидемии туберкулеза к 2030 г. Она включает в себя разработку новых эффективных мер, направленных на сокращение заболеваемости туберкулезом [21].

Стратегия Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) «Остановить туберкулез» (2006 – 2015 гг.) преследует цель значительно снизить глобальное

бремя туберкулеза к 2015 г. и добиться значительного прогресса в исследованиях и разработках, необходимых для ликвидации ТБ [22].

Сменившая ее стратегия «Остановить туберкулез» (2016–2035 г.), утвержденная Всемирной ассамблеей здравоохранения в 2014 г., провозглашает задачу сократить на 95 % смертность от туберкулеза и на 90 % заболеваемость туберкулезом к 2035 г. по сравнению с 2015 г. [23].

Названные основополагающие международные соглашения между членами ООН и ВОЗ в сфере регулирования вопросов ликвидации и профилактики туберкулеза стали правовым фундаментом для дальнейшего заключения договоров между государствами.

24 марта 2000 г., во Всемирный день борьбы против туберкулеза, в Амстердаме (Нидерланды) прошла конференция по туберкулезу и устойчивому развитию, собравшая министров из 20 стран, наиболее страдающих от бремени этого заболевания. В ходе ее проведения была подписана Амстердамская декларация, которую обозначили как «Призыв к активизации действий против туберкулеза».

Принимающие участие в конференции представители заявили о настоятельной необходимости принятия активных мер борьбы против туберкулеза, который является главным «убийцей» народов и выступает как серьезное препятствие на пути развития наций.

Участники декларации признали, что чрезвычайная ситуация в мире по поводу туберкулеза – это не только проблема здравоохранения. Это сложная социально-экономическая проблема, препятствующая гуманитарному развитию, с которой не может справиться в одиночестве один сектор здравоохранения. Борьба с туберкулезом требует сотрудничества всех государственных секторов и объединения действий всего общества. Расширение борьбы против заболевания должно опираться на современные технические стратегии.

Подписавшиеся стороны приняли на себя обязательство обеспечить активизацию мер, направленных против туберкулеза, на основе:

- расширенного охвата населения стран рекомендованной ВОЗ стратегией по борьбе с туберкулезом, обеспечивающей выявление по крайней мере 70 % инфекционных случаев;

- обеспечения достаточных кадровых и финансовых ресурсов на устойчивой основе, чтобы решить проблему и остановить распространение туберкулеза;

- обеспечения необходимого потенциала при рациональном и эффективном использовании ресурсов;

- осуществления мониторинга и оценки наших национальных программ по туберкулезу в соответствии с принятыми международными стандартами ВОЗ;

- улучшения систем поставок и распределения противотуберкулезных препаратов для обеспечения качества, доступности, открытости и своевременности поставок;

- увеличения основных мер по результатам лечения туберкулеза в качестве показателей результативности для деятельности всего сектора здравоохранения;

- обеспечения становления национальных и международных партнерств с целью остановить туберкулез со всеми, кто в этом заинтересован в обществе, включая государственные учреждения и организации, частный сектор в

здравоохранении, отрасли промышленности, неправительственные организации и общины;

– активного участия в разработке и последующем осуществлении глобального партнерского соглашения «Остановить туберкулез», призванного содействовать ответственности и подотчетности.

Страны-участники призвали партнеров в вопросах международного развития из учреждений ООН, учреждений Бреттон Вудс, агентств помощи на двусторонней основе, неправительственных организаций и фондов к увеличению поддержки мер борьбы против туберкулеза, с тем чтобы:

- обеспечить развитие и/или укрепление национальных планов развития, которые включают развитие здравоохранения и борьбу с туберкулезом в качестве своих важнейших компонентов;
- содействовать разработке новых международных подходов для обеспечения универсального доступа, а также создания эффективных национальных систем поставок и распределения противотуберкулезных препаратов;
- обеспечить ускорение основных и оперативных научных исследований;
- обеспечить учреждение Глобального фонда по туберкулезу для мобилизации и инвестирования новых, дополнительных ресурсов [24].

Амстердамская декларация призвала коллег со всего мира присоединиться к инициативе «Остановить туберкулез» ввиду того, что проблемы в сфере здравоохранения объединяют всю мировую общественность на поиск стратегически верных путей решения для обеспечения нормальной жизнедеятельности населения.

Исследуя вопросы туберкулеза, нельзя обойти стороной такую форму заболевания, как туберкулез с множественной лекарственной устойчивостью и широкой лекарственной устойчивостью (далее – МЛУ/ШЛУ-ТБ). Названные формы туберкулеза не поддаются стандартному лечению и являются увеличивающейся глобальной проблемой, в большинстве случаев являющейся результатом соединения ошибок врачей и несоблюдения пациентом лечения [25]. Ежегодно регистрируется полмиллиона новых случаев заболевания МЛУ-ТБ. ТБ с лекарственной устойчивостью характеризуется более высокими показателями смертности, при том что лечить его намного труднее и дороже, чем ТБ, подверженный воздействию лекарственных средств [26]. Степень и бремя МЛУ-ТБ варьируются значительно от страны к стране и регион в регион. Как и с самим ТБ, подавляющее высокое бремя МЛУ-ТБ ложится на бедные страны [25]. Глобальную угрозу МЛУ-ТБ и ШЛУ-ТБ можно остановить, если принять в рамках всей системы здравоохранения срочные меры по борьбе с ТБ. Если страны этого не сделают, то в будущем им придется столкнуться с еще более масштабной эпидемией М/ШЛУ-ТБ [26]. А так как туберкулез передается воздушно-капельным путем, то мировая общественность заинтересована в том, чтобы обеспечить надлежащую систему профилактики заболевания. Так, 1–3 апреля 2009 г. было созвано совещание в Пекине (Китай) для рассмотрения вызывающей тревогу угрозы МЛУ/ШЛУ-ТБ. В нем приняли участие государства-члены ВОЗ и других организаций: Армения, Азербайджан, Бангладеш, Беларусь, Болгария, Китай, Демократическая Республика Конго, Эстония, Эфиопия, Грузия, Индия, Индонезия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Республика Молдова, Мьянма, Нигерия, Филиппины, Российская

Федерация, Пакистан, Южная Африка, Таджикистан, Украина, Узбекистан, Вьетнам.

На заседании был принят Пекинский «Призыв к действиям» по борьбе с туберкулезом и оказанию помощи пациентам, которые подписали представители всех 27 государств.

В этой связи участвующие взяли на себя обязательство ускорить работу по профилактике МЛУ/ШЛУ-ТБ посредством эффективного лечения ТБ и борьбы с ним и расширить масштабы диагностики и лечения МЛУ/ШЛУ-ТБ. Это будет осуществляться путем разработки и реализации стратегических, учитывающих соблюдение прав человека, планов и политики в области МЛУ/ШЛУ-ТБ как части национальных планов борьбы с ТБ и мерами по укреплению систем здравоохранения в целом, должно включать следующие действия:

a) Принятие неотложных мер по обеспечению всеобщего доступа к диагностике и лечению МЛУ/ШЛУ-ТБ;

b) Обеспечение устранения финансовых барьеров с тем, чтобы все пациенты, страдающие ТБ, имели справедливый доступ к противотуберкулезной медицинской помощи, защите их прав, а также уважительному и достойному отношению к ним;

c) Обеспечение разработки комплексной системы лечения и ухода за больными МЛУ/ШЛУ-ТБ;

d) Обеспечение наличия достаточно подготовленных и заинтересованных сотрудников для проведения диагностики, лечения и ухода за больными ТБ и МЛУ/ШЛУ-ТБ в рамках общих усилий по развитию кадровых ресурсов здравоохранения;

e) Укрепление лабораторных систем путем наращивания потенциала и обеспечения адекватных кадровых ресурсов, ускорения доступа к более оперативным диагностическим тестам гарантированного качества;

f) Обеспечение сотрудничества между всеми министерствами, участвующими в процессе оказания противотуберкулезной помощи;

g) Обеспечение разработки и осуществления в каждом медицинском учреждении и других местах, связанных с высоким риском, национальной политики борьбы с инфекцией;

h) Обеспечение достаточного объема поставок лекарственных препаратов первого и второго ряда для лечения ТБ;

i) Оказание поддержки развивающимся странам в создании предприятий по производству комбинированных противотуберкулезных лекарственных препаратов;

j) Укрепление механизмов, обеспечивающих предоставление противотуберкулезных лекарственных средств только по рецепту, их назначение и отпуск только государственными и аккредитованными частными провайдерами;

k) Укрепление гармонизированных систем эпиднадзора, мониторинга и оценки с тем, чтобы в максимально возможной степени обеспечить выявление и регистрацию случаев МЛУ/ШЛУ-ТБ;

l) Выявление социальных детерминант, лежащих в основе ТБ и МЛУ/ШЛУ-ТБ, и принятие мер в целях воздействия на них;

m) Обеспечение включения эффективных инициатив в области информационно-пропагандистской работы, коммуникации и социальной мобилизации в отношении МЛУ/ШЛУ-ТБ [27].

Такой призыв может стать мировым руководством к лечению и профилактике туберкулеза как для правительственных структур, так и гражданского общества в целом.

Обратимся к еще одной проблеме, волнующей мировую общественность. Следует отметить, что туберкулез – это заболевание, которое поражает, прежде всего, уязвимые и маргинальные группы населения. К ним относятся мигранты и беженцы, группы национальных меньшинств, дети, люди, имеющие слабую иммунную систему в результате ВИЧ-инфекции или наркомании, а также заключенные. Распространенность туберкулеза в тюрьмах выше в 100 раз, чем у остального населения [28]. Уровень смертности от туберкулеза среди заключенных очень высок. Для тюрем по всему миру характерны скученность, плохая вентиляция, неудовлетворительное состояние гигиены и скудный рацион питания. Такие условия содержания обеспечивают идеальную передачу туберкулеза и увеличивают вероятность развития активной формы заболевания у заключенных. Контроль над ТБ в тюрьмах имеет решающее значение не только для борьбы с туберкулезом в целом всего населения, но и разработки эффективных стратегий и программ. Одним из шагов на пути к становлению единой системы контроля над заболеваемостью и профилактикой туберкулеза в тюрьмах стало принятие Эдинбургской декларации Всемирной медицинской ассоциации (ВМА) об условиях содержания заключенных в тюрьмах и распространении туберкулеза и других инфекционных заболеваний. Она была принята на 52-ом заседании Генеральной Ассамблеи ВМА (г. Эдинбург, Шотландия) в октябре 2000 г. и пересмотрена на 62-ом заседании Генеральной Ассамблеи ВМА (Монтевидео, Уругвай) в октябре 2011 г.

Всемирная медицинская ассоциация (ВМА) считает необходимым как для общественного здравоохранения, так и по гуманитарным соображениям, что особое внимание следует уделять:

1. Защите прав заключенных в соответствии с различными документами ООН, касающихся условий заключения. Заключенные должны пользоваться теми же правами, что и другие пациенты;
2. Не допускать игнорирования или признание недействительными прав заключенных, поскольку у них выявлено инфекционное заболевание;
3. Обеспечение того, чтобы условия, в которых задержанные и заключенные содержатся, будь то во время расследования преступления или же в ожидании судебного разбирательства, или после вынесения приговора, не способствовали развитию, ухудшению или передаче заболевания;
4. Обеспечение того, чтобы лица, задержанные при прохождении иммиграционного контроля, содержались в условиях, которые не содействуют распространению болезни, хотя для размещения таких лиц тюрьмы, как правило, не должны использоваться;
5. Обеспечение координирования медицинских услуг в тюрьме и за ее пределами, чтобы способствовать непрерывному лечению и эпидемиологическому контролю больных заключенных, когда они будут освобождены из мест лишения свободы;

6. Обеспечение того, чтобы заключенные не были изолированы или помещены в одиночную камеру без надлежащего доступа к медицинской помощи и надлежащего медицинского лечения из-за их инфицирования туберкулезом;

7. Обеспечение того, чтобы при поступлении или передаче в другую тюрьму состояние здоровья заключенных оценивалось в течение 24 часов после прибытия, чтобы гарантировать непрерывность лечения;

8. Обеспечение предоставления последующего лечения для заключенных, которые во время освобождения все еще больны, особенно туберкулезом или любым другим инфекционным заболеванием;

9. Признавая, что механизмы общественного здравоохранения, которые в самых редких и исключительных случаях могут предусматривать обязательное содержание под стражей лиц, представляющих серьезную опасность инфицирования широкой общественности, должны быть эффективными, необходимыми, оправданными и соразмерными рискам;

10. Эта модель должна быть использована при рассмотрении всех мер по предотвращению перекрестного заражения и для лечения уже зараженных лиц, находящихся в тюремной среде;

11. Врачи, работающие в тюрьмах, обязаны сообщать органам здравоохранения и профессиональным организациям своей страны о любом недостатке медицинской помощи, предоставляемой заключенным и любой ситуации, связанной с высокой эпидемиологической опасностью. Национальные медицинские ассоциации обязаны попытаться защитить врачей от возможных репрессий;

12. Врачи, работающие в тюрьмах, должны следовать национальным руководящим принципам общественного здравоохранения, где это этически уместно, особенно касающихся обязательного представления информации об инфекционных и заразных заболеваниях [29].

Названные принципы должны стать основой для разработки национальных правовых основ гарантирования прав заключенных, инфицированных туберкулезом, а также другими инфекционными заболеваниями в странах повсеместно.

Среди многочисленных международных договоров, направленных на выработку совместных действий по ликвидации инфекционных заболеваний, важное значение приобретают заключенные в рамках Европейского региона. Это связано с большим количеством стран, входящих в Европу, а также с возможностью реализации различных непростых задач в сфере здравоохранения ведущими странами мира.

Итак, Европейское региональное бюро ВОЗ провело Европейский форум ВОЗ на уровне министров по борьбе с туберкулезом «Все против туберкулеза» 22 октября 2007 г. в Берлине. Цель совещания – ускорить прогресс на пути к достижению глобальных целей борьбы с туберкулезом (ТБ) в Европейском регионе и выполнить восьмую задачу из перечня Целей развития тысячелетия ООН, «остановить и положить начало тенденции к сокращению заболеваемости» туберкулезом к 2015 г. Более 300 участников приняли участие в форуме, в том числе министры здравоохранения, министры юстиции и 49 уполномоченных из 53 государств-членов Европейского региона ВОЗ, принимающих решения на высоком уровне, наряду с представителями других органов ООН, межправительственных учреждений и неправительственных организаций.

Форум принял предложение о партнерстве с более чем 45 организациями гражданского общества. А также участники подписали Берлинскую декларацию по туберкулезу, чтобы стимулировать дальнейший прогресс в борьбе с туберкулезом в Европейском регионе ВОЗ.

В начале форума участники отметили, что, несмотря на некоторый прогресс, имевший место в последнее десятилетие, необходимо усовершенствовать меры по контролю и ликвидации ТБ в регионе. А также то, что в регионе наблюдается высокий показатель неблагоприятных исходов лечения в связи с недостаточной реализацией принятых на международном уровне стратегий по борьбе с ТБ.

Форум признал, что профилактика, включающая контроль за инфекцией, – это фактор, который продолжает сохранять свою важность в борьбе с туберкулезом, особенно среди уязвимых групп. Поэтому своевременный сбор, передача, проверка правильности и анализ качественных эпидемиологических данных о туберкулезе – это необходимое условие для проведения надлежащих мер, направленных на борьбу и ликвидацию туберкулеза.

Для реализации поставленных задач необходимы достаточные финансовые ресурсы, а также соответствующий кадровый состав. Принимавшие участие в форуме государства-члены Европейского региона ВОЗ пришли к выводу о том, что смогут внести значительный экспертный и финансовый вклад в разработку новых схем и средств диагностики, лечения а также вакцинации от ТБ.

На форуме был разработан ряд принципов, которые помогут устранить пробелы для полной и эффективной реализации стратегии «Остановить туберкулез». Так, в частности:

1) всеобщий доступ к стратегии «Остановить туберкулез» следует обеспечивать путем укрепления сектора здравоохранения и привлечения всех категорий поставщиков медицинских услуг;

2) гражданское общество и пораженные этой болезнью группы населения следует рассматривать как важнейших партнеров и вовлекать в борьбу с туберкулезом;

3) нехватку финансовых средств следует устранить путем увеличения на национальном и международном уровнях финансирования, которое должно быть устойчивым, целенаправленным и надлежащим образом приоритизированным;

4) в национальных планах развития, предусматривающих привлечение внешнего финансирования, вопросам борьбы с ТБ следует уделять большее внимание;

5) следует создавать новые диагностические средства, лекарства и вакцины, основываясь на фундаментальных исследованиях и методах разработки продуктов;

6) борьба с туберкулезом должна стать неотъемлемой частью программ лечения и помощи при ВИЧ-инфекции;

7) особые усилия следует предпринять для обеспечения того, чтобы мигранты и другие уязвимые группы имели доступ к адекватным службам, оказывающим высококачественную противотуберкулезную помощь;

8) следует содействовать усилению партнерских отношений и координации работы служб здравоохранения, служб исполнения наказаний и служб социального обеспечения, а также развитию международного сотрудничества.

Подписавшиеся стороны обязались принять неотложные меры для улучшения нынешней ситуации. В частности, укрепление политической приверженности по работе с ликвидацией туберкулеза, а также упрочнение системы общественного здравоохранения и социального обеспечения; усиление кадровых ресурсов, развитие сотрудничества между программами по борьбе с туберкулезом и программами по борьбе с ВИЧ/СПИДом; сотрудничество с частным сектором; координация на национальном и международном уровнях; участие гражданского общества [30].

Берлинская декларация внесла весомый вклад в разработку последующих нормативно-правовых актов, направленных на усиление контроля за туберкулезом и стала краеугольным камнем европейского межправительственного сотрудничества в сфере борьбы с инфекционными заболеваниями на современном этапе.

Среди разнообразия отраслей промышленности и производства важное значение для проведения мониторинга за заболеваемостью туберкулезом является горнодобывающая промышленность. Особенно в местах сосредоточения горнодобывающих предприятий и компаний, подземных горных пород, а также густонаселенных районах. Горная промышленность – важная промышленность в Африке, поскольку 52 из 54 стран в Африке добывают полезные ископаемые. Большая часть добывающей деятельности происходит в Южной Африке, насчитывающей более чем 2,000 шахт и приблизительно 500,000 шахтеров. Эти шахты также привлекают сотрудников из соседних стран. Приблизительно 40 % шахтеров в Южной Африке из Лесото, Свазиленда и Мозамбика. Многие шахтеры подвергнуты многократным факторам риска ТБ, включая ВИЧ, нарушения охраны здоровья, скученное проживание и напряженные производственные условия. Их миграция может также облегчить передачу ТБ остальному населению. Сексуальные услуги остаются распространенными вокруг хостелов на шахтах, увеличивая риск передачи ВИЧ, который в свою очередь увеличивает риск активного ТБ [31].

Уровень ТБ среди шахтеров оценивается в три – восемь раз выше, чем в населении, из которого они происходят. Недавнее исследование Всемирного банка установило чрезвычайно высокий уровень: 2,500–3,000 случаев ТБ на 100,000 человек среди шахтеров в Южной Африке. Уровень заболеваемости ТБ среди населения в этом регионе в целом – 950 случаев ТБ на 100,000 жителей [31].

Проблема ТБ в горнодобывающем секторе сложна вследствие того, что: 1) ТБ – вопрос здравоохранения; 2) горная промышленность регулируется отдельными органами власти, отвечающими за полезные ископаемые; 3) горная промышленность – ведомый частный сектор; 4) шахтеры приезжают из разных стран с переменными системами здравоохранения. Поэтому обращение к ТБ в горнодобывающем секторе требует инновационных, совместных подходов среди государственных и частных секторов, а также гражданского общества [31].

Признавая экономическую важность горнодобывающей промышленности и связанного с ней негативного воздействия ТБ на здоровье шахтеров и их сообществ, главы государств Сообщества развития Юга Африки (САДК) 18 августа 2012 г. в Мапуту (Мозамбик) подписали декларацию, направленную на борьбу с ТБ в горнодобывающем секторе.

Документ подписали 15 глав государств и правительств: Республики Ангола, Республики Ботсвана, Демократической Республики Конго, Королевства Лесото,

Республики Малави, Республики Мадагаскар, Республики Маврикий, Республики Мозамбик, Республики Намибии, Республики Сейшельские острова, Южно-африканской Республики, Королевства Свазиленд, Объединенной Республики Танзания, Республика Замбия, Республика Зимбабве.

Участники подтвердили свою приверженность к окончательной ликвидации туберкулеза в регионе и совершенствованию практики и стандартов охраны окружающей среды, здоровья и безопасности труда в горнодобывающей отрасли в регионе как способ борьбы с ТБ в горной промышленности. А также приняли на себя обязательство упорно двигаться в направлении достичь нулевых показателей новых инфекций, смертей в результате туберкулеза, ВИЧ-инфекции, силикоза и других профессиональных заболеваний органов дыхания, а также подавить дискриминацию и стигмы.

В рассматриваемой декларации выделены приоритетные области, требующие пристального внимания и действий:

а) Усиление учета, координации и сотрудничества по профилактике туберкулеза, ВИЧ, силикоза и других профессиональных заболеваний органов дыхания в горнодобывающей отрасли на национальном и региональном уровнях;

б) Создание благоприятных политических и правовых условий по контролю за туберкулезом, ВИЧ-инфекцией, силикозом и другими профессиональными заболеваниями органов дыхания в горнодобывающей отрасли путем обеспечения:

– принятия законодательства об обязательном предоставлении информации по туберкулезу, силикозу и другим профессиональным заболеваниям органов дыхания, которое обеспечивает конфиденциальность, достоинство и отсутствие дискриминации;

– разработки, пересмотра и внедрения политики и законодательства по вопросам туберкулеза, ВИЧ, силикоза и других профессиональных заболеваний органов дыхания в горнодобывающей отрасли, не противоречащих минимальными стандартами САДК и лучшей международной практике;

– развития и укрепления нормативно-правового обеспечения, которое поддерживает выплаты компенсации шахтерам и бывшим шахтерам, получившим профессиональное заболевание;

– разработки и внедрения минимальных стандартов для организации контроля над инфекцией в жилых и производственных условиях шахтеров;

– гармонизации политики лечения и основных направлений в регионе;

в) Увеличение программных мероприятий по профилактике туберкулеза, ВИЧ, силикоза и других профессиональных заболеваний органов дыхания в горнодобывающей отрасли;

г) Укрепление системы эпидемиологического надзора над туберкулезом, ВИЧ, силикозом и другими профессиональными заболеваниями органов дыхания в горнодобывающей отрасли;

д) Усиление Программы по мониторингу и оценке (M&O);

е) Увеличение финансирования туберкулеза, ВИЧ-инфекции, силикоза и других профессиональных заболеваний дыхательных путей в шахтах [32].

Кодекс поведения по туберкулезу в горнодобывающем секторе, сопутствующий данной Декларации, был согласован в 2015 г. Он предназначен для усиления подотчетности и сотрудничества на национальном и региональном уровнях, а также

для облегчения контроля над заболеваниями, мониторинга и оценки программ и финансирования мероприятий [33].

У большинства подписываемых международных договоров по туберкулезу есть одно сходство – это цель ликвидировать и прекратить передачу данного заболевания в принципе. Одна из деклараций так и именуется – Декларация по достижению нулевых показателей случаев ТБ, которая побуждает к использованию новых методов по профилактике и лечению туберкулеза.

Она была подписана на встрече в Кембридже, штат Массачусетс, 30 мая – 1 июня 2012 г. с целью сосредоточить всемирную борьбу против туберкулеза (ТБ) на достижении нулевых случаев смерти от ТБ, нулевых случаев заражения ТБ, а также нулевых страданий от туберкулеза. В подписании участвовали группы политических деятелей, государственных служащих, активистов, ученых, врачей, исполнителей и сотрудников предприятий и учреждений из более 50 стран во всего мира.

А конкретнее: США, Великобритания, Франция, Испания, Австралия, Индия, Япония, Бразилия, Англия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Саудовская Аравия, РФ, Украина, Армения, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Молдова, Филиппины, Гаити, Намибия, Уганда, Бангладеш, Эстония, Пакистан, Литва, Камерун, Южно-Африканская Республика, Румыния, Малави, Бразилия, Замбия, Кения, Катар, Гана, Замбия, Словения, Бельгия, Аргентина, Нигерия, Македония, Сьерра-Леоне, Перу, Мозамбик, Бенин, Танзания, Непал, Македония, Пакистан, Латвия, Сомали, Шри-Ланка, Саудовская Аравия, Таиланд, Норвегия, Мексика, Канада.

Участники взяли на себя обязательство достичь нулевых показателей смертности, новых инфекций и страданий от ТБ и стигмы, аргументировав это тем, что 1) ТБ можно предупредить и излечить; 2) основным драйвером сегодняшних смертей от ТБ, а также новых случаев инфицирования туберкулезом, страданий и стигмы является отсутствие политической воли; 3) каждая страна в мире имеет потенциал, чтобы достичь цели нулевой смертности от ТБ, нулевого показателя новых инфекций ТБ, нулевых страданий и стигмы.

Представители международной общественности назвали свое заявление мольбой о глобальных действиях против туберкулеза.

Делегация провозгласила, что нужен новый глобальный подход в борьбе с болезнью. Необходимо изменить направление своих мыслей и деятельности. Для достижения наилучших результатов следует правильно оказывать сопротивление этой биосоциальной болезни, которая убивает миллионы, подрывает и разрушает жизнь человечества.

Декларация закрепляет правило о том, что необходимо покончить со старыми подходами, которые не смогли рационально использовать наиболее эффективные меры для борьбы с болезнью, и мобилизовать достаточную политическую волю и ресурсы, чтобы предотвратить излишнюю передачу, болезни и смерть. А также обязательство работать со странами, политическими деятелями, руководителями служб здравоохранения и программ, научными работниками и активистами для достижения политической воли, необходимой для наиболее быстрого и устойчивого снижения новых случаев инфицирования туберкулезом и смертности как взрослых,

так и детей с целью получения нулевых показателей случаев заболевания и смерти от ТБ.

Представители стран-участниц декларации с уверенностью провозгласили, что достижение нулевой смертности от ТБ находится в пределах их досягаемости, и определили регламентированный порядок действий по борьбе с заболеванием.

В документе содержится четыре важнейших требования для достижения нулевых показателей смертности, новых инфекций и страдания. Во-первых, разработка и тестирование дешевого, точного безаппаратного диагностического теста для всех форм туберкулеза; во-вторых, безопасные и доступные краткосрочные схемы для лечения всех форм инфицирования туберкулезом; в-третьих, хорошая противотуберкулезная вакцина; и в-четвертых, все эти рекомендации должны быть обеспечены обязательством социальной справедливости и борьбой с экономическим неравенством и неравенством в области медицинского обслуживания, которые способствуют распространению ТБ во всем мире.

Правительствам развитых стран и странам с большими показателями заболеваемости туберкулезом было рекомендовано усилить свои инвестиции в исследования и разработки по вопросам ТБ. Безусловно, участвующие признали, что цель по достижению нулевых показателей новых инфекций и смертей от туберкулеза усиливает неотложность увеличения инвестиций и более быстрого развития новых схем лечения туберкулеза, диагностических тестов и вакцин.

Кембриджская декларация содержит положения о том, что требуется сделать для выявления нулевых случаев нового заражения туберкулезом. Прежде всего, люди с ТБ нуждаются в недорогих, доступных диагностических тестах для выявления ТБ и лекарственной устойчивости в семьях и сообществах. Поэтому следует увеличивать возможности использования новых перспективных быстрых диагностических тестов, сделав их дешевыми и доступными в районах, где отсутствует электричество. Кроме того, срочно требуется безаппаратный неэлектрический тест для диагностики всех форм ТБ у взрослых и детей, независимо от лекарственной устойчивости ТБ и ВИЧ-инфекции.

Для достижения нулевых показателей страданий и боли в декларации закреплено следующее обязательство участвующих стран. Необходимо обеспечить, чтобы ВИЧ-инфицированные лица, которые подвергаются опасности заражения и заражены туберкулезом (но не в активной форме), получали спасательное профилактическое лечение изониазидом (ИРТ) для предотвращения активного ТБ.

В заключении документа содержится перечень исходных элементов, которые партнеры сочли как особенно важные для достижения нулевых показателей больных туберкулезом, новых инфекций и смертности:

- I. Политическая воля и обязательства правительств и объединений.
- II. Активное выявление случаев заболевания и устранение передачи ТБ.
- III. Семейный и общинный уход и профилактическая терапия дальнейшей передачи инфекции.
- IV. Усиление профилактики, ухода и лечения туберкулеза для женщин и детей, которые во много раз более уязвимы [34].

Детский туберкулез – еще одна серьезная проблема, которая требует совместных согласованных действий международной общественности. По оценке

Всемирной организации здравоохранения (2015 г.), 1 миллион детей в настоящее время страдает от ТБ во всем мире (в возрасте до 15 лет), более чем 136, 000 умирают каждый год. Именно этому вопросу была посвящена еще одна важная международная встреча.

5–6 декабря 2013 г. в Душанбе прошел симпозиум «Расширение и совершенствование доступа к амбулаторному лечению и уход за детьми, больными туберкулезом, в регионе Центральной Азии и Восточной Европы». На нем присутствовали представители министерств здравоохранения, организации «Врачи без границ» и партнерских организаций ВОЗ, KNCV, Проект HOPE, ПРООН, USAID, Педиатрической европейской сети по лечению СПИДа (PENTA) из Армении, Грузии и Абхазии, Казахстана, Кыргызстана, Российской Федерации, Таджикистана, Украины и Узбекистана. В ходе проведения встречи была подписана Душанбинская декларация. Делегаты поделились опытом и достижениями в сфере противотуберкулезной помощи, а также мерами, направленными на искоренение этого заболевания в регионе, но признали, что многое еще предстоит сделать.

Участники выступили с тремя всеобъемлющими призывами:

1. Рационализация ресурсов не должна привести к сокращению бюджета противотуберкулезной службы, но должна восполнить существующие пробелы в финансировании противотуберкулезной помощи.

2. Необходимо быстрое расширение применения амбулаторной модели лечения лекарственно-чувствительного и лекарственно-устойчивого туберкулеза.

3. Необходимо срочно усовершенствовать диагностику и лечение детей с туберкулезом, особенно с МЛУ туберкулезом, путем внедрения модели семейной помощи, ориентированной на пациента.

Кроме того, участники симпозиума определили и согласовали перечень конкретных условий и мер в направлении последующих шагов для расширения масштабов и обеспечения комплексного лечения туберкулеза для всех, включая детей, и разработки более коротких, эффективных и менее токсичных режимов лечения для пациентов в регионе:

1. Политическая воля.

Декларацией поставлена задача продемонстрировать политическую волю и установку на сведение к нулю смертности от туберкулеза через реализацию измеримой правительственной программы инвестиций в противотуберкулезную службу, оборудование и обучение персонала.

2. Обеспечение комплексной амбулаторной помощи.

Эта миссия включает в себя оказание социальной поддержки пациентам, это раз; внедрение амбулаторного лечения пациентов на как можно более ранней стадии в соответствии с моделью, ориентированной на пациента, это два. И укрепление сотрудничества между ВИЧ-службой и противотуберкулезной службой с тем, чтобы остановить рост распространения этой сочетанной патологии, это три.

3. Совершенствование лечения детского туберкулеза.

Прежде всего, участниками была поставлена цель разработать, принять, распространить и внедрить Руководство по лечению детского туберкулеза в масштабах региона и включение его в учебные планы медицинских учебных заведений.

Кроме того, была выделена необходимость организации помощи с питанием как неотъемлемой части всех программ по лечению детского туберкулеза. Для проведения эффективного и доступного лечения была подчеркнута значимость продолжения разработок и исследования альтернатив для создания доступных и недорогих, удобных для детей и медиков педиатрических лекарственных форм.

4. Новые препараты.

Участствующими было принято решение об усилении контроля над продажей лекарственных препаратов без рецепта и ужесточении регулирующего законодательства в отношении лекарственных препаратов с целью минимизации риска развития ранней устойчивости к новым препаратам.

В свою очередь, было рекомендовано развить политическую волю к разработке новых эффективных режимов в случае необходимости с включением новых препаратов – менее токсичных, более коротких, по возможности на основе оральных препаратов, более простых и действенных.

5. Вовлечение общества.

Вести работу, направленную на преодоление социально-культурных барьеров, проведение кампаний и мер по снижению стигматизации.

Этой декларацией участвующие выразили решимость развивать успехи, достигнутые в сфере противотуберкулезной помощи за последнее десятилетие, расширять доступ к лечению, совершенствовать методы экспресс-диагностики и улучшать качество лечения для всех пациентов в регионе Центральной Азии и Восточной Европы [35].

Подводя итоги настоящего исследования, следует указать, что на современном этапе международное договорное сотрудничество в сфере борьбы с туберкулезом развивается довольно активно посредством заключения международных договоров. Сферы регулирования таких соглашений различны. Подписаны декларации о борьбе с детским и лекарственно-устойчивым туберкулезом, с туберкулезом в тюрьмах, с туберкулезом у шахтеров и др. Существует два взаимосвязанных блока таких соглашений. Первый представляет собой основополагающие документы по туберкулезу, заключенные в рамках деятельности ООН и ВОЗ, а второй – межгосударственные договоры по установлению единой системы мониторинга, оценки и ликвидации рассматриваемого заболевания. Декларация тысячелетия ООН 2000 г., Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. ООН, Стратегия ВОЗ «Остановить туберкулез» 2005 г. и 2014 г. входят в первую группу соглашений. В свою очередь, Амстердамская декларация 2000 г., Эдинбургская декларация об условиях содержания заключенных в тюрьмах и распространении туберкулеза и других инфекционных заболеваний 2000 г., Берлинская декларация по туберкулезу 2007 г., Пекинский «Призыв к действиям» по борьбе с туберкулезом и оказанию помощи пациентам» 2009 г., Декларация по туберкулезу в горнодобывающем секторе 2012 г., Кембриджская декларация по достижению нулевых показателей случаев ТБ 2012 г. и др. входят во вторую группу соглашений. По нашему мнению, нормативное сотрудничество в сфере борьбы с инфекционными заболеваниями, в частности с туберкулезом, имеет большие перспективы развития. И связаны они с главной целью такой межгосударственной работы – разработкой комплекса правовых и организационных мер по достижению нулевых показателей смертности и инфицирования туберкулезом.

Список литературы:

1. Global tuberculosis report 2016. – Geneva: World Health Organization, 2016.
2. WHO report warns global actions and investments to end tuberculosis epidemic are falling far short [electronic resource] // official website of WHO. – URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2016/tuberculosis-investments-short/en/> (дата обращения: 02.11.2016).
3. Михайлов В. С. Международно-правовое регулирование здравоохранения: автореферат дис. на соискание учен. степени д. ю. н.: спец. 12.00.10 «Международное право; Международное частное право» / В. С. Михайлов. – Л., 1973. – 34 с.
4. Сильченко Н. П. Международно-правовые механизмы обеспечения права на охрану здоровья в контексте эпидемий, представляющих глобальную угрозу: автореферат дис. на соискание учен. степени к. ю. н.: спец. 12.00.10 «Международное право, европейское право» / Н. П. Сильченко. – М., 2012. – 38 с.
5. Смоленский В. Ю. Проблемы формирования международного сотрудничества в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения: дис. на соискание учен. степени к. мед. н.: спец. 14.02.02 «Эпидемиология» / В. Ю. Смоленский; Федеральное государственное бюджетное учреждение «Научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии». – М., 2012. – 149 с.
6. Симонова А. Е. Международно-правовые аспекты борьбы с биотерроризмом: дис. на соискание учен. степени к. ю. н.: спец. 12.00.10 «Международное право, европейское право» / А. Е. Симонова. – М., 2007. – 215 с.
7. Сандахчиев Л. С., Мартынюк Р. А. Необходимость международного сотрудничества для успеха борьбы с инфекционными заболеваниями и биотерроризмом / Л. С. Сандахчиев, Р. А. Мартынюк // Химическая и биологическая безопасность. – 2004. – № 1–2 (13–14). – 197 с.
8. Горлинский А. И. Международное политическое сотрудничество в области борьбы с глобальными эпидемиями на современном этапе : дис. на соискание учен. степени к. полит. н.: спец. 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития» / А. И. Горлинский; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2008. – 158 с.
9. Медведева М. А. Роль международного права в борьбе с инфекционными болезнями [Электронный ресурс] / М. А. Медведева // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И. А. Алешковский, П. Н. Костылев. – М.: Издательский центр факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2007. – Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/25/madved1@i.com.ua.pdf.
10. Бартенев Д. Г. Право на охрану здоровья в международном праве: дис. на соискание учен. степени к. ю. н.: спец. 12.00.10 «Международное право, европейское право» / Д. Г. Бартенев. – Санкт-Петербург, 2006. – 193 с.
11. Хендель Н. В. Міжнародно-правове регулювання співробітництва держав у сфері охорони здоров'я: автореферат дис. на соискание учен. степени к. ю. н.: спец. 12.00.11 «Международное право» / Н. В. Хендель – Одеса, 2014. – 20 с.
12. Fidler D. P. International law and infectious diseases. – Oxford: Clarendon Press, 1999. – 412 p.
13. Gostin O. International infectious disease law: revision of the World Health Organization's International Health Regulations // Journal of the American Medical Association. – 2004. – Vol. 291, No. 21. – p. 2623 – 2627.
14. Aginam O. Globalization of infectious diseases, international law and the World Health Organization: opportunities for synergy in global governance of epidemics // New England Journal of International and Comparative Law. – 2005. – № 11 (1). – p. 59 – 74.
15. Andrew Cliff, Matthew Smallman-Raynor. Oxford Textbook of Infectious Disease Control: A Geographical Analysis from Medieval Quarantine to Global Eradication. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 193 p.
16. Lisa Clarke. Public-Private Partnership and Responsibility Under International Law: A Global Health Perspective. – Routledge: Abingdon, 2014. – 270 p.
17. Paul F. Basch. Textbook of International Health. – Second edition. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 555 p.
18. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. – М.: Инфра-М, 2003.
19. Виды международных договоров [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международной торговой палаты на рус. яз. – URL: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/vidy-mezhdunarodnykh-dogovorov/> (дата обращения: 02.11.2016).
20. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 02.11.2016).
21. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 02.11.2016).

22. The Stop TB Strategy. – Geneva: WHO, 2006.
23. The End TB Strategy. – Geneva: WHO, 2015.
24. Амстердамская декларация «Остановить туберкулез» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Партнерства «Остановить туберкулез». – URL: http://www.stoptb.org/assets/documents/events/meetings/amsterdam_conference/DAM-DECLArussian.pdf (дата обращения: 02.11.2016).
25. L. P. Ormerod. Multidrug-resistant tuberculosis (MDR-TB): epidemiology, prevention and treatment // *Medicine & Health British Medical Bulletin*. – 2005. – Volume 73 – 74, Issue 1. – P. 17 – 24.
26. М/ШЛУ-ТБ – смертельная инфекционная болезнь, которая не знает границ [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. – URL: http://www.who.int/tb_beijingmeeting/mxdr_tb/ru/ (дата обращения: 02.11.2016).
27. Пекинский «Призыв к действиям» по борьбе с туберкулезом и оказанию медицинской помощи пациентам [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. – URL: http://www.who.int/tb_beijingmeeting/media/call_for_action_ru.pdf?ua=1 (дата обращения: 02.11.2016).
28. Tuberculosis in prisons [electronic resource] // official website of WHO. – URL: <http://www.who.int/tb/areas-of-work/population-groups/prisons-facts/en/> (дата обращения: 02.11.2016).
29. WMA Declaration of Edinburgh on Prison Conditions and the Spread of Tuberculosis and Other Communicable Diseases [electronic resource] // official website of World Medical Association. – URL: <http://www.wma.net/en/30publications/10policies/p28/> (дата обращения: 02.11.2016).
30. Берлинская декларация по туберкулезу [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. Европейское региональное бюро. – URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0003/68187/E90833R.pdf (дата обращения: 03.11.2016).
31. A framework for the harmonized management of tuberculosis in the mining sector SADC, March 2014 [electronic resource] // official website of World Health Organization in Africa. – URL: http://www.afro.who.int/index.php?option=com_docman&task=doc_download&gid=9285&Itemid=2593 (дата обращения: 02.11.2016).
32. Declaration on tuberculosis in the mining sector [electronic resource] // official website of Stop TB Partnership. – URL: <http://www.stoptb.org/assets/documents/news/Declaration%20on%20Tuberculosis%20in%20the%20Mining%20Sector2012English.pdf> (дата обращения: 02.11.2016).
33. Code of conduct on tuberculosis in the mining sector [electronic resource] // official website of Southern African Development Community (SADC). – URL: https://extranet.sadc.int/files/2014/6056/0144/Code_of_Conduct_on_TB_in_Mining_15_jan_2015.docx (дата обращения: 03.11.2016).
34. Zero Declaration [electronic resource] // official website of Treatment Action Group. – URL: <http://www.treatmentactiongroup.org/tb/advocacy/zero-declaration> (дата обращения: 02.11.2016).
35. Душанбинская декларация [Электронный ресурс] // Официальный сайт международной организации «Врачи без границ». – URL: http://msf-tb-symposium.org/files/6513/8999/4189/DUSHANBE_DECLARATION_FINAL_RUS.pdf (дата обращения: 03.11.2016).

Klimenko K. P., Klimenko P. M. Contractual states cooperation in the sphere of the fight against tuberculosis in the 21st century // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 16–33.

The present study is devoted to key aspects of state cooperation in the sphere of the fight against tuberculosis by means of the conclusion of international treaties at the present stage. The history knows the examples of the international cooperation in the fight against infectious diseases, since the middle of the 19th century. Since 1851 the representatives of world community actively signed conventions on cholera, yellow fever and plague. What has changed after one hundred fifty years? The modern realities dictate the new problems and calls to mankind. A lot of attention at the international meetings is paid to tuberculosis as one of the most dangerous infectious diseases. And the signed international treaties are regulated such questions as the ways of elimination and the measures of prevention, the medicinal and financial security, the protection and an assistance to the countries which are the most injured from a disease, etc. The author of the article focuses a rapid attention on the purposes of signing of the international treaties in the sphere of fight against tuberculosis, and also gives the comprehensive characteristic to the accepted documents. In the paper two main units of the international agreements are allocated: the first represents the fundamental documents on tuberculosis concluded within activity of the UN and WHO, and the second devoted to interstate contracts on the establishment of uniform system of monitoring, assessment and elimination of the considered disease.

Keywords: tuberculosis, law, international treaty, international cooperation, infectious diseases, declaration, epidemic.

Spisok literatury:

1. Global tuberculosis report 2016. – Geneva: World Health Organization, 2016.
2. WHO report warns global actions and investments to end tuberculosis epidemic are falling far short [electronic resource] // official website of WHO. – URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2016/tuberculosis-investments-short/en/> (data obrashcheniya: 02.11.2016).
3. Mihajlov V. S. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie zdavoohraneniya : avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni d. yu. n. : spec. 12.00.10 «Mezhdunarodnoe pravo; Mezhdunarodnoe chastnoe pravo» / V. S. Mihajlov. – L., 1973. – 34 c.
4. Sil'chenko N. P. Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy obespecheniya prava na ohranu zdorov'ya v kontekste ehpidemij, predstavlyayushchih global'nyu grozu: avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni k. yu. n. : spec. 12.00.10 «Mezhdunarodnoe pravo, evropejskoe pravo» / N. P. Sil'chenko. – M., 2012. – 38 s.
5. Smolenskij V. YU. Problemy formirovaniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti sanitarno-ehpidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya : dis. na soiskanie uchen. stepeni k. med. n. : spec. 14.02.02 «EHpidemiologiya» / V. YU. Smolenskij ; Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie «Nauchno-issledovatel'skij institut ehpidemologii i mikrobiologii». – M., 2012. – 149 s.
6. Simonova A. E. Mezhdunarodno-pravovye aspekty bor'by s bioterrorizmom : dis. na soiskanie uchen. stepeni k. yu. n. : spec. 12.00.10 «Mezhdunarodnoe pravo, evropejskoe pravo» / A. E. Simonova. – M., 2007. – 215 c.
7. Sandahchiev L. S., Martynyuk R. A. Neobhodimost' mezhdunarodnogo sotrudnichestva dlya uspekha bor'by s infekcionnymi zabolevanijami i bioterrorizmom / L. S. Sandahchiev, R. A. Martynyuk // Himicheskaya i biologicheskaya bezopasnost'. – 2004. – № 1 – 2 (13 – 14). – 197 s.
8. Gorlinskij A. I. Mezhdunarodnoe politicheskoe sotrudnichestvo v oblasti bor'by s global'nymi ehpidemijami na sovremennom ehstape : dis. na soiskanie uchen. stepeni k. polit. n. : spec. 23.00.04 «Politicheskie problemy mezhdunarodnyh otnoshenij i global'nogo razvitiya» / A. I. Gorlinskij; Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. – Sankt-Peterburg, 2008. – 158 s.
9. Medvedeva M. A. Rol' mezhdunarodnogo prava v bor'be s infekcionnymi boleznyami / M. A. Medvedeva // Materialy dokladov XIV Mezhdunarodnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Lomonosov» / Otv. red. I. A. Aleshkovskij, P. N. Kostylev. – M.: Izdatel'skij centr Fakul'teta zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova. – 2007. [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2007/25/madved1@i.com.ua.pdf
10. Bartenev D. G. Pravo na ohranu zdorov'ya v mezhdunarodnom prave: dis. na soiskanie uchen. stepeni k. yu. n. : spec. 12.00.10 «Mezhdunarodnoe pravo, evropejskoe pravo» / D. G. Bartenev. – Sankt-Peterburg, 2006. – 193 s.
11. Hendl' N. V. Mizhnarodno-pravove reguljuyannya spivrobotnictva derzhav u sferi ohoroni zdorov'ya: avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni k. yu. n. : spec. 12.00.11 «Mezhdunarodnoe pravo» / N. V. Hendl' – Odesa, 2014. – 20 s.
12. Fidler D. P. International law and infectious diseases. – Oxford: Clarendon Press, 1999. – 412 p.
13. Gostin O. International infectious disease law: revision of the World Health Organization's International Health Regulations // Journal of the American Medical Association. – 2004. – Vol. 291, No. 21. – p. 2623 – 2627.
14. Aginam O. Globalization of infectious diseases, international law and the World Health Organization: opportunities for synergy in global governance of epedemics // New England Journal of International and Comparative Law. – 2005. – № 11 (1). – p. 59 – 74.
15. Andrew Cliff, Matthew Smallman-Raynor. Oxford Textbook of Infectious Disease Control: A Geographical Analysis from Medieval Quarantine to Global Eradication. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 193 p.
16. Lisa Clarke. Public-Private Partnership and Responsibility Under International Law: A Global Health Perspective. – Routledge: Abingdon, 2014. – 270 p.
17. Paul F. Basch. Textbook of International Health. – Second edition. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 555 p.
18. Bol'shoj yuridicheskij slovar' / Pod red. A. YA. Suhareva. – M.: Infra – M., 2003.
19. Vidy mezhdunarodnyh dogovorov [ehlektronnyj resurs] // ofic. sajт Mezhdunarodnoj torgovoj palaty na rus.yaz. – URL: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/vidy-mezhdunarodnykh-dogovorov/> (data obrashcheniya: 02.11.2016).
20. Deklaraciya tysyacheletiya Organizacii Ob'edinennyh Nacij [ehlektronnyj resurs] // ofic. sajт OON. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (data obrashcheniya: 02.11.2016).
21. Celi v oblasti ustojchivogo razvitiya [ehlektronnyj resurs] // ofic. sajт OON. – URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (data obrashcheniya: 02.11.2016).
22. The Stop TB Strategy. – Geneva: WHO, 2006.
23. The End TB Strategy. – Geneva: WHO, 2015.

24. Amsterdamskaya deklaraciya «Ostanovit' tuberkulez» [ehlektronnyj resurs] // ofic. sajt Partnerstva «Ostanovit' tuberkulez». – URL: http://www.stoptb.org/assets/documents/events/meetings/amsterdam_conference/DAM-DECLArussian.pdf (data obrashcheniya: 02.11.2016).
25. L. P. Ormerod. Multidrug-resistant tuberculosis (MDR-TB): epidemiology, prevention and treatment // *Medicine & Health British Medical Bulletin*. – 2005. – Volume 73 – 74, Issue 1. – P. 17 – 24.
26. M/SHLU-TB – smertel'naya infekcionnaya bolezn', kotoraya ne znaet granic [ehlektronnyj resurs] // ofic. sajt VOZ. – URL: http://www.who.int/tb_beijingmeeting/mxdr_tb/ru/ (data obrashcheniya: 02.11.2016).
27. Pekinskij "Prizyv k dejstviyam" po bor'be s tuberkulezom i okazaniyu medicinskoj pomoshchi pacientam [ehlektronnyj resurs] // ofic. sajt VOZ. – URL: http://www.who.int/tb_beijingmeeting/media/call_for_action_ru.pdf?ua=1 (data obrashcheniya: 02.11.2016).
28. Tuberculosis in prisons [electronic resource] // official website of WHO. – URL: <http://www.who.int/tb/areas-of-work/population-groups/prisons-facts/en/> (data obrashcheniya: 02.11.2016).
29. WMA Declaration of Edinburgh on Prison Conditions and the Spread of Tuberculosis and Other Communicable Diseases [electronic resource] // official website of World Medical Association. – URL: <http://www.wma.net/en/30publications/10policies/p28/> (data obrashcheniya: 02.11.2016).
30. Berlinskaya deklaraciya po tuberkulezu [ehlektronnyj resurs] ofic. sajt VOZ. Evropejskoe regional'noe byuro. – URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0003/68187/E90833R.pdf (data obrashcheniya: 03.11.2016).
31. A framework for the harmonized management of tuberculosis in the mining sector SADC, March 2014 [electronic resource] // official website of World Health Organization in Africa. – URL: http://www.afro.who.int/index.php?option=com_docman&task=doc_download&gid=9285&Itemid=2593 (data obrashcheniya: 02.11.2016).
32. Declaration on tuberculosis in the mining sector [electronic resource] // official website of Stop TB Partnership. – URL: <http://www.stoptb.org/assets/documents/news/Declaration%20on%20Tuberculosis%20in%20the%20Mining%20Sector2012English.pdf> (data obrashcheniya: 02.11.2016).
33. Code of conduct on tuberculosis in the mining sector [electronic resource] // official website of Southern African Development Community (SADC). – URL: https://extranet.sadc.int/files/2014/6056/0144/Code_of_Conduct_on_TB_in_Mining_15_jan_2015.docx (data obrashcheniya: 03.11.2016).
34. Zero Declaration [electronic resource] // official website of Treatment Action Group. – URL: <http://www.treatmentactiongroup.org/tb/advocacy/zero-declaration> (data obrashcheniya: 02.11.2016).
35. Dushanbinskaya deklaraciya [ehlektronnyj resurs] // Ofic. sajt mezhd. organizacii «Vrachi bez granic». – URL: http://msf-tb-symposium.org/files/6513/8999/4189/DUSHANBE_DECLARATION_FINAL_RUS.pdf (data obrashcheniya: 03.11.2016).

УДК 347.79

СОЗДАНИЕ В 1933 Г. ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЕДИНОЙ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ СССР

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе анализируется деятельность Центрального управления единой гидрометеорологической службы СССР, созданного в 1933 году для централизации гидрометеорологического дела в СССР и улучшения его работы. Рассматривается его структура, полномочия, правовые основы функционирования как важного звена в обеспечении безопасности торгового судоходства в СССР. Освещаются вопросы финансирования деятельности Центрального управления единой гидрометеорологической службы СССР, а также всех его общесоюзных, республиканских и местных органов, полномочия, состав вошедших после создания Центрального управления единой гидрометеорологической службы СССР органов, вопросы непосредственного ведения, вопросы назначения руководителя службы, функционирования межведомственного гидрометеорологического совета по взаимодействию с различными отраслями народного хозяйства, культурного строительства и обороны страны.

Ключевые слова: Центральное управление единой гидрометеорологической службы, торговое судоходство, правовое регулирование, гидрометеорологическая служба, метеорологическая станция.

Безопасность торгового судоходства в государстве является ключевым фактором для его благополучия и успешного экономического развития. В связи с этим исследование всего комплекса вопросов, связанных с функционированием и взаимодействием служб, обеспечивающих безопасность торгового судоходства, приобретает особую актуальность. Важнейшая роль в таком функционировании и взаимодействии отводится правовому регулированию их деятельности. Основы существующей системы безопасности судоходства на всем постсоветском пространстве были заложены еще в 20-е – 30-е годы прошлого века, и совершенствование сложившейся системы безопасности торгового судоходства невозможно без анализа и учета исторического опыта. Важное место в таком историческом анализе отводится по праву Центральному управлению единой гидрометеорологической службы СССР, созданному в 1933 году для централизации гидрометеорологического дела в СССР и улучшения его работы.

Целью работы является изучение созданного в 1933 году Центрального управления единой гидрометеорологической службы СССР, его структуры, полномочий, правовых основ функционирования как важного звена в обеспечении безопасности торгового судоходства в СССР.

При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: А. Ю. Егоров, В. Д. Смоленцов, А. Д. Кейлин, В. Н. Гуцуляк, С. А. Гурьев, Б. В. Змерзлый, А. Л. Колодкин и др. В работах данных авторов исследование данного вопроса в обозначенных нами временных рамках не проводилось.

С целью дальнейшей централизации гидрометеорологического дела в СССР и улучшения его работы 23 февраля 1933 г. было принято постановление «Об организации Центрального управления единой гидрометеорологической службы СССР при Народном комиссариате земледелия СССР» (ст. 82). Им предусматривалось преобразовать Гидрометеорологический комитет СССР и РСФСР (при Народном комиссариате земледелия (далее – НКЗ) СССР) в Центральное управление единой гидрометеорологической службы СССР, состоящее при НКЗ СССР.

Гидрометеорологические комитеты при народных комиссариатах земледелия союзных и автономных республик, при краевых и областных земельных управлениях преобразовывались в управления единой гидрометеорологической службы СССР при соответствующих НКЗ, краевых и областных земельных управлениях. В то же время при НКЗ РСФСР управление единой гидрометеорологической службы СССР не создавалось.

Все краевые и областные управления единой гидрометеорологической службы на территории РСФСР, республиканские управления других союзных республик и Среднеазиатское управление непосредственно подчинялись Центральному управлению единой гидрометеорологической службы СССР.

Сохранение в других ведомствах и организациях гидрометеорологических учреждений, станций и постов допускалось, кроме случаев, предусмотренных специальными законами, лишь при невозможности для единой гидрометеорологической службы удовлетворить потребности этих ведомств и организаций и не иначе как по согласованию с Центральным управлением единой гидрометеорологической службы СССР.

Для общего направления деятельности единой гидрометеорологической службы СССР в соответствии с нуждами и запросами различных отраслей хозяйства страны, культурного строительства и обороны образовывался при Центральном управлении единой гидрометеорологической службы СССР Гидрометеорологический совет с участием представителей заинтересованных ведомств.

Расходы по содержанию Центрального управления единой гидрометеорологической службы СССР, а также всех его общесоюзных, республиканских и местных органов относились на общесоюзный бюджет по самостоятельной смете.

При этом поручить СНК СССР: а) утвердить положение о Центральном управлении единой гидрометеорологической службы СССР и его органах; б) внести в действующее законодательство СССР изменения, вытекающие из настоящего постановления. Правительствам же союзных республик следовало в месячный срок привести законодательство республик в соответствие с данным постановлением [1].

Срок в 1 месяц был поставлен потому, что уже 10 марта 1933 г. было принято постановление «Об утверждении положения о Центральном управлении единой гидрометеорологической службы СССР и его органах», согласно которому, были признаны утратившими силу постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1929 г. об объединении гидрологической и метеорологической; постановление СНК СССР от 9 февраля 1932 г. о слиянии гидрометеорологических комитетов СССР и РСФСР; положение о Гидрометеорологическом комитете СССР и РСФСР и введено

«Положение о Центральном управлении единой гидрометеорологической службы СССР и его органах» [2].

Центральное управление единой гидрометеорологической службы (далее – ЦУЕГС) СССР при НКЗ СССР объявлялось самостоятельным общесоюзным органом, централизованно руководящим: а) изучением метеорологического, гидрологического и геомагнитного режима СССР и омывающих его морей; б) обслуживанием всех отраслей народного хозяйства, культурного строительства и обороны страны в отношении метеорологии, гидрологии, океанографии и земного магнетизма.

Органами ЦУЕГС СССР стали:

а) главные управления единой гидрометеорологической службы союзных республик при НКЗ союзных республик;

б) управления единой гидрометеорологической службы автономных республик при народных НКЗ автономных республик;

в) краевые и областные управления единой гидрометеорологической службы при краевых и областных земельных управлениях;

г) управление единой гидрометеорологической службы Средней Азии при Среднеазиатском экономическом совете;

д) управления единой гидрометеорологической службы морей: 1) северных, 2) восточных, 3) Чёрного и Азовского, 4) Каспийского;

е) гидрометеорологические станции, в том числе районные, и посты.

В РСФСР главное управление единой гидрометеорологической службы не создавалось, и функции его выполняло ЦУЕГС. По вопросам обслуживания народного хозяйства РСФСР, в гидрометеорологическом отношении, ЦУЕГС отчитывалось перед СНК РСФСР. Планы и программы работ ЦУЕГС в части обслуживания народного хозяйства РСФСР утверждались, в соответствии с директивами СНК РСФСР, в составе общесоюзных планов и программ.

В непосредственном ведении ЦУЕГС состояли:

а) центральные научно-исследовательские институты;

б) Центральное бюро службы погоды, гидрорежима и урожая СССР;

в) Московский гидрометеорологический институт с рабфаком и техникумом;

г) опытный завод гидрометеорологических приборов.

ЦУЕГС и его органы опирались в своей работе на сеть гидрометеорологических станций, производящих наблюдения по программам и методам, утверждаемым ЦУЕГС. При этом все органы службы погоды, гидрорежима и урожая составляли единую систему, руководимую в оперативном отношении централизованно Центральным бюро службы погоды, гидрорежима и урожая СССР.

Всякого рода гидрометеорологические учреждения, станции и посты на территории СССР входили в систему единой гидрометеорологической службы, возглавляемую ЦУЕГС.

Сохранение в других ведомствах и организациях гидрометеорологических учреждений, станций и постов допускалось, кроме случаев, предусмотренных специальными законами, лишь при невозможности для единой гидрометеорологической службы удовлетворить потребности этих ведомств и организаций и не иначе как по согласованию с ЦУЕГС. При этом

Гидрометеорологические учреждения, станции и посты, еще не переданные в состав ЦУЕГС, подлежали, по требованию ЦУЕГС, передаче в его ведение со всем оборудованием, имуществом и кредитами.

Методы производства метеорологических, гидрологических, океанографических, геомагнитных наблюдений и работ, устанавливаемых ЦУЕГС, были обязательны для всех ведомств, учреждений и организаций, производящих соответствующие наблюдения и работы.

Ведомства, учреждения и организации обязывались, по требованию ЦУЕГС и его органов, представлять:

а) программы и планы своих работ в области метеорологии, гидрологии, океанографии и земного магнетизма;

б) все имеющиеся у них материалы по метеорологическим, гидрологическим и океанографическим наблюдениям и работам;

в) имеющиеся у них материалы по земному магнетизму, необходимые для составления геомагнитной съёмки.

г) экземпляры публикуемых ими материалов и отчётов по метеорологическим, гидрологическим, океанографическим и геомагнитным наблюдениям и работам;

д) все имеющиеся у них сведения о погоде и гидрорежиме, необходимые для обслуживания народного хозяйства, культурного строительства и обороны страны в устанавливаемые Центральным управлением единой гидрометеорологической службы и его органами сроки как непосредственно им, так и по указанным ими адресам.

ЦУЕГС и его республиканским, краевым и областным органам принадлежит право самостоятельно входить в высшие правительственные органы СССР, союзных и автономных республик, краевые и областные исполнительные комитеты, по принадлежности, с докладами и предложениями по всем вопросам, связанным:

а) с обслуживанием отраслей народного хозяйства, культурного строительства и обороны страны в отношении метеорологии, гидрологии, океанографии и земного магнетизма;

б) с изучением гидрометеорологического режима и земного магнетизма страны и омывающих ее морей (ст. 10).

Что касается ЦУЕГС СССР, то для выполнения указанных выше задач на него возлагалось:

а) общее методологическое руководство всеми метеорологическими, гидрологическими и океанографическими учреждениями на территории СССР и дача им заданий оперативного и научно-исследовательского характера;

б) общее руководство работами по геомагнетизму;

в) проведение водного, ветрового и солнечного кадастров, а также геомагнитной и лимнологической съёмки СССР;

г) разработка и осуществление через всю систему единой гидрометеорологической службы мероприятий по обслуживанию всех отраслей народного хозяйства, культурного строительства и обороны страны в отношении метеорологии, гидрологии, океанографии и земного магнетизма;

д) учёт всех работ, ведущихся в СССР по метеорологии, гидрологии, океанографии и земному магнетизму;

е) утверждение, по соглашению с заинтересованными ведомствами и организациями, описки гидрометеорологических учреждений, имеющих общесоюзное и всероссийское значение;

ж) проверка исполнения всеми органами, единой гидрометеорологической службы директив, заданий и инструкций Центрального управления и инспектирование этих органов;

з) созыв в установленном порядке съездов, совещаний и конференций по вопросам компетенции ЦУЕГС;

и) утверждение положений об учреждениях единой гидрометеорологической службы, определение их функций и задач;

к) публикация отдельных работ в области метеорологии, гидрологии, океанографии и земного магнетизма и издание периодических органов (журналов, бюллетеней, справочников) и т. п. в установленном порядке;

л) популяризация среди трудящихся СССР гидрометеорологических знаний и новейших достижений в области гидрометеорологического обслуживания народного хозяйства СССР;

м) установление и поддержание связи с международными и иностранными организациями, работающими в области гидрологии, метеорологии, океанографии и земного магнетизма и в других смежных с ними областях (ст. 11).

ЦУЕГС распределяло все изготовляемые в СССР метеорологические, гидрологические, океанографические и по земному магнетизму (кроме разведывательных геомагнитных) приборы и оборудование (ст. 12).

Все метеорологические, гидрологические, океанографические и по земному магнетизму приборы как изготовляемые в СССР, так и ввозимые из-за границы подлежали проверке и клеймению в соответствующих специальных институтах единой гидрометеорологической службы СССР по правилам, утверждаемым ЦУЕГС. Продажа не клейменных и использование клейменных институтами единой гидрометеорологической службы СССР приборов не по тому назначению, которое указывалось в сертификатах к приборам, выдаваемых институтами единой гидрометеорологической службы, воспрещалось (ст. 13).

Во главе ЦУЕГС СССР стоял начальник, назначаемый СНК СССР по представлению народного комиссара земледелия СССР. В таком же порядке назначались его заместители, кроме двух, из которых один назначается СНК СССР по представлению СНК РСФСР и один – по представлению народного комиссара по военным и морским делам. При начальнике Центрального управления состояла коллегия, в состав которой, кроме заместителей начальника, входят члены коллегии, назначаемые СНК СССР по представлению НКЗ СССР (ст. 14).

Руководство ЦУЕГС осуществлялось его начальником на основе единоначалия, а его начальник руководил всей гидрометеорологической службой СССР и нес полную ответственность за надлежащую организацию и правильное её функционирование.

Все должностные лица общесоюзных и всероссийских учреждений единой гидрометеорологической службы, кроме лиц, порядок назначения которых устанавливался данным положением, назначались начальником ЦУЕГС СССР или в порядке, им установленном (ст. 15).

Для общего направления деятельности единой гидрометеорологической службы СССР, в соответствии с нуждами и запросами различных отраслей народного хозяйства, культурного строительства и обороны страны, при ЦУЕГС состоял под председательством его начальника межведомственный гидрометеорологический совет в составе коллегии ЦУЕГС и представителей: два от Народного комиссариата по военным и морским делам, два от НКВД и по одному от Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов, НКПС, НКЗ и НКП РСФСР, комиссариатов связи, снабжения СССР, тяжёлой промышленности, лёгкой промышленности СССР, лесной промышленности, Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства при ЦИК СССР, Главного управления гражданского воздушного флота, Главного управления северного морского пути, Всесоюзного центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта. При этом директора Центрального бюро погоды и научных учреждений, имевших общесоюзное значение, являлись членами совета на должности.

Совет созывается начальником ЦУЕГС по мере надобности, но не реже четырех раз в год, для рассмотрения планов работ, отчётов о работе единой гидрометеорологической службы и для разрешения особо важных вопросов обслуживания народного хозяйства, культурного строительства и обороны страны (ст. 16).

Что касается главных управлений единой гидрометеорологической службы союзных республик, управления единой гидрометеорологической службы автономных республик, краёв, областей, морей, то их задачи и функции определяются ЦУЕГС применительно к его задачам и функциям (ст. 17). Во главе главных управлений единой гидрометеорологической службы союзных республик стоят начальники, которые, как и их заместители, назначались СНК соответствующих республик по представлению начальника ЦУЕГС, согласованному с НКЗ соответствующей союзной республики (ст. 18).

Во главе управлений единой Гидрометеорологической службы автономных республик стояли начальники, назначаемые СНК этих республик по представлению начальника главного управления единой гидрометеорологической службы соответствующей союзной республики (а в РСФСР – по представлению начальника ЦУЕГС), согласованному с НКЗ автономной республики. В таком же порядке назначались заместители начальника (ст. 19).

Во главе краевых и областных управлений стояли начальники, назначаемые краевыми и областными дополнительными комитетами по представлению начальника главного управления единой гидрометеорологической службы соответствующей союзной республики (а в РСФСР — по представлению начальника ЦУЕГС), согласованному с заведующим соответствующим земельным управлением. В таком же порядке назначались заместители начальников краевых и областных управлений (ст. 20).

Для направления деятельности гидрометеорологической службы отдельных союзных и автономных республик, краёв и областей в соответствии с общими запросами хозяйства, культурного строительства и обороны СССР и с местными особенностями при управлениях единой гидрометеорологической службы создавались межведомственные советы. Состав и функции советов определялись ЦУЕГС по согласованию с правительствами союзных республик (ст. 22).

Директивы, задания и распоряжения ЦУЕГС были для его республиканских и местных органов обязательными и могли быть приостановлены СНК соответствующей союзной республики лишь в исключительных случаях, при явном несоответствии конституции и законодательству СССР или союзной республики, с

немедленным сообщением о том СНК СССР и начальнику ЦУЕГС СССР (ст. 23). Начальники управлений единой гидрометеорологической службы морей и их заместители назначаются начальником Центрального управления (ст. 24).

ЦУЕГС предоставлялось право объединять управления единой гидрометеорологической службы морей с соответствующими республиканскими и краевыми управлениями единой гидрометеорологической службы (ст. 25). Планы работ органов единой гидрометеорологической службы утверждались в порядке, устанавливаемом ЦУЕГС. Работы, не предусмотренные этими планами, могли выполняться лишь при условии, если заинтересованные учреждения и организации обеспечивали эти работы необходимыми средствами и кадрами (ст. 26) [3].

Таким образом, создание ЦУЕГС, безусловно, было необходимым шагом в деле централизации управления и деятельности гидрометеорологической службы в СССР. В то же время существенно повлиять на деятельность региональных (уже действовавших) морских гидрометеорологических служб практически не могло, так как таковые давно сложились в единый механизм, изменять в работе которого что-либо существенно не было серьезной необходимости. Впрочем, последующее регулирование в данной сфере лишь подтверждает данное утверждение.

Список литературы

1. «Об организации Центрального управления единой гидрометеорологической службы Союза ССР при Народном комиссариате земледелия Союза ССР» постановление ЦИК СССР № 59, СНК СССР № 167 от 23.02.1933 // Собрание законов СССР. – М. 1933, № 14, – ст. 82.
2. «Об утверждении Положения о Центральном управлении единой гидрометеорологической службы Союза ССР и его органах» постановление СНК СССР от 10.03.1933., № 421 // Собрание законов СССР. – М. 1933, № 20, – ст. 114а.
3. «Положение о Центральном управлении единой гидрометеорологической службы Союза ССР и его органах» постановление СНК СССР от 10.03.1933., № 421 // Собрание законов СССР. – М. 1933, № 20, – ст. 114б.

Sharmoyants A. About the creation of Central Department of Unified Hydrometeorological Service of the USSR in 1933. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 34–40.

The article deals with the activities of the Central Department of Unified Hydrometeorological Service of the USSR, created in the USSR in 1933 to centralize the hydrometeorological affairs in the Soviet Union and improve its performance. It considers its structure, powers and legal bases of functioning as an important link in ensuring the safety of merchant shipping in the USSR. Deals with the problems of financing the activities of the Central Department of Unified Hydrometeorological Service of the USSR, as well as all of its parts, republican and local bodies, authorities, composition included after the creation of a unified central management of the Hydrometeorological Service of the USSR authorities, the issues of direct reference, the service manager appointment issues of functioning hydrometeorological interdepartmental council for cooperation with the various sectors of the economy, cultural development and national defense .

Keywords: Central Department of Unified Hydrometeorological Service, commercial shipping, legal regulation, hydro-meteorological service, meteorological station.

Spisok literatury

1. “Ob organizacii Central'nogo upravlenija edinoj gidrometeorologicheskoj sluzhby Sojuza SSR pri Naronom komissariate zemledelija Sojuza SSR” postanovlenie CIK SSSR № 59, SNK SSSR No. 167 ot 23.02.1933, Sobranie zakonov SSSR, M, 1933, No. 14, st. 82.
2. “Ob utverzhdenii Polozhenija o Central'nom upravlenii edinoj gidrometeorologicheskoj sluzhby Sojuza SSR i ego organah” postanovlenie SNK SSSR ot 10.03.1933., No. 421, Sobranie zakonov SSSR, M, 1933, No. 20, st. 114a.
3. “Polozhenie o Central'nom upravlenii edinoj gidrometeorologicheskoj sluzhby Sojuza SSR i ego organah” postanovlenie SNK SSSR ot 10.03.1933., No. 421, Sobranie zakonov SSSR, M, 1933, No. 20, st. 114b.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.9

**ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРРОРИЗМА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Бугаев В. А., Волков Ф. М.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются отдельные аспекты и особенности терроризма в современной России. Основное внимание уделено религиозному и этническому терроризму. Экономические и социальные проблемы, обрушившиеся после распада СССР на многонациональную Россию, отсутствие государственной идеологии и другие негативные политические и социальные проблемы послужили благоприятным фоном для проявления религиозного терроризма, охватившего не только Кавказ, но и выплеснувшиеся за его пределы. Грань между этническим и религиозным терроризмом в Российской Федерации размыта, поскольку в его основе лежит цель жить в отдельном, национально-ориентированном государстве и исповедовать одну религию. В таком случае цели терроризма взаимообусловлены. Одним из серьёзных факторов формирования терроризма в Российской Федерации является его международный характер. Как видно из современной политической ситуации, сложившейся особенно на Ближнем Востоке, международный терроризм представляет угрозу не только для России, но и для остального мира.

В рамках противодействия терроризму, в том числе этническому и религиозному, необходимо особое внимание уделять пропаганде позитивных патриотических идей, правового и религиозно-культурного воспитания населения, особенно молодёжи. Наряду с этим необходимо обеспечить контрпропаганду экстремистским, националистическим и псевдорелигиозным идеям, а также бороться с их носителями.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, этнический, религиозный терроризм, религиозная идентификация, национальность.

Терроризм как негативное и крайне опасное социально-правовое явление в Российской Федерации активизировался в начале девяностых годов прошлого века и достиг пика к концу девяностых – началу нулевых годов. Основным его признаком в тот период следует считать религиозный подтекст и обусловленность. В этой связи распад Советского Союза послужил неким катализатором комплекса негативных последствий.

Атеизм и интернационализм, пропагандировавшиеся в СССР на государственном уровне, минимальные социальные гарантии, доступные абсолютно всему населению страны, доминирование одной коммунистической идеологии и т. п. эффективно предупреждали проявление данного типа терроризма. В государстве был выстроен серьёзный барьер для искажённой идентификации личности по национальному и религиозному признакам, что существенно упрощало решение национального вопроса в пределах СССР.

Экономические и социальные проблемы, обрушившиеся после распада СССР на многонациональную Россию, отсутствие государственной идеологии и другие негативные политические, экономические и социальные проблемы послужили благоприятным фоном для проявления религиозного терроризма, охватившего не только Кавказ, но и выплеснувшиеся за его пределы.

Стабилизация современной внутривнутриполитической ситуации в России существенно снизила уровень данного типа терроризма. Создание четко выверенной антитеррористической политики подготовило Россию к противодействию будущим проявлениям терроризма. Однако полностью искоренить это явление, к сожалению, не удается.

В рамках данного исследования необходимо определиться с терминами и развести понятия «терроризм» и «террористический акт». Согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму», терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1].

Следовательно, ключевыми моментами религиозного терроризма в этом контексте следует считать желание преступников воздействовать на принятие решений органами государственной власти в их интересах, связанных с извращённым пониманием религиозных основ, и устрашение населения. В качестве рычага давления на власть используется неспровоцированное насилие или угроза его применения. Целью такого давления является выполнение государством необоснованных противозаконных требований террористов, противопоставляющих своё религиозное мировоззрение мировоззрению и интересам подавляющего большинства населения страны.

Понятие террористического акта закреплено в УК РФ. Согласно ч. 1 ст. 205 УК, террористический акт – это совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [2]. Таким образом, террористический акт – это форма выражения терроризма в конкретном действии в указанных целях.

С. Ланцов в зависимости от целей террористов выделил несколько типов терроризма, в перечень которых входят религиозный и этнический [3, с. 12]. В современной России, исходя из анализа совершённых террористических актов, можно сделать вывод, что граница между этими двумя типами терроризма несколько размыта. К террору, как правило, прибегают одиозные личности – представители отдельных южных этносов, традиционной религией которых является ислам. В этой связи истинные мотивы террористов маскируются ортодоксальными религиозными требованиями, а в их фактической основе лежит финансово-экономический и политический интерес зарубежных покровителей.

Причём религиозный терроризм – наиболее распространенный тип терроризма в современном мире. В его основе лежит религиозный фактор, хотя цели террористов чаще всего носят конкретно-политический характер. Мотивация террористов, непосредственно совершающих насильственные действия, также базируется на религиозной основе [3, с. 121].

Что касается терроризма этнического, то есть национального, – его целью является изменение государственного строя, административно территориального устройства и так далее. В случае с Чеченской Республикой девяностых годов прошлого столетия – основной движущей идеей террористов являлось создание независимого исламского национального государства. Таким образом, в указанном случае произошло слияние этнического и религиозного терроризма.

Следует отметить, что борьба против радикального исламизма в исламских регионах России стала более эффективной, чему способствовала экономическая и политическая стабилизация ситуации в государстве в целом и правильное выстраивание отношений между федеральным центром и региональными властями.

Как результат этой политики – среди субъектов Российской Федерации наиболее успешно с преступлениями террористического характера и экстремистской направленности как раз борются в Кавказском регионе. В 2013 году наблюдалось серьёзное снижение преступлений террористической направленности (Ингушетия – 17 %, Чечня – 19 %, Карачаево-Черкесия – 16 %) [4, с. 178], и в последующие годы эта тенденция стабильно прослеживается.

Религиозный терроризм в России обуславливается многообразием вероисповеданий. Радикалы любого вероисповедания воинственно относятся к инакомыслию. Как уже отмечалось, грань между этническим и религиозным терроризмом в Российской Федерации размыта, поскольку в его основе лежит цель жить в отдельном, национально-ориентированном государстве и исповедовать одну религию. В таком случае цели терроризма взаимообусловлены.

Кроме того, обращает на себя внимание ещё одна особенность. Террористические акты 90-х – начала 2000-х в нашей стране сопровождались, как правило, захватом заложником с последующим выдвижением религиозно-политических требований, в связи с чем идентифицировать тип данного вида терроризма не составляло труда. В последнее же время специфика этого явления изменилась. Террористические акты стали осуществляться в форме посягательства на жизнь представителей региональной власти и духовенства, реже – поджогов и взрывов отдельных строений без предъявления каких-либо конкретных требований. Целью этих действий является устрашение населения, но мотивы не конкретизируются, что затрудняет идентификацию терроризма. Однако, как представляется, его подоплёкой всё чаще являются частно-корыстные финансово-экономические интересы, маскируемые под религиозные или национальные.

Одним из серьёзных факторов формирования терроризма в Российской Федерации является его международный характер. Как видно из современной политической ситуации, сложившейся особенно на Ближнем Востоке (Сирия, Ирак, Ливия, Йемен и т. д.), международный терроризм представляет угрозу не только для России, но и для остального мира. В этой части достаточно вспомнить резонансные теракты во Франции, Бельгии и других странах, удалённых от указанных регионов.

Из этого мы можем сделать вывод, что терроризм, изначально формируясь на той или иной территории как национальный, выходит за границы государств и приобретает интернациональный характер. Как результат, он проявляется в государствах, в которых казалось бы изначально не было необходимой почвы для него. В этом свете мы делаем вывод, что преступления террористической направленности значительно обусловлены внешними факторами – деятельностью международных террористических организаций (и иных субъектов их поддерживающих и спонсирующих), связанной с вовлечением наших граждан в свои ряды.

Правовой основой противодействия терроризму в нашей стране является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму». В соответствии с ним был создан Национальный антитеррористический комитет, в задачи которого входит обеспечение координации деятельности федеральных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию терроризму. Ведущим государственным институтом борьбы с терроризмом является Федеральная служба безопасности.

В рамках противодействия терроризму, в том числе этническому и религиозному, необходимо особое внимание уделять пропаганде позитивных патриотических идей, правовому и религиозно-культурному воспитанию населения, особенно молодёжи. Важно отметить, что такая политика, направленная на сближение (не на смешение) народов, поиск общих точек соприкосновения между различными национальностями никак не нарушает религиозную идентификацию, а лишь является основой для сплочения всего населения нашего государства.

Наряду с этим необходимо активизировать контрпропаганду экстремистским, националистическим и псевдорелигиозным идеям, а также бороться с их носителями, в соответствии с требованиями действующего антиэкстремистского и антитеррористического законодательства активнее применять запрещение руководителям общественных или религиозных объединений, ранее признанных экстремистскими или террористическими, возглавлять или входить в органы других юридических лиц в течение 10 лет.

Таким образом, Российский терроризм явление достаточно сложное и неоднородное. Его искоренение должно являться первоочередной задачей Российской Федерации. Для её решения нужен многоплановый, комплексный подход, который включает политическую и социально-экономическую деятельность государства, нормативно-правовое регулирование, работу специальных служб, государственных органов и религиозных организаций.

Список литературы:

1. Федеральный закон N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 (ред. от 31.12.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Москва: Проспект, КноРус, 2014. – 224 с.
3. Ланцов С. А. Политическая конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Питер.: ил. – (Серия «Учебное пособие»), 2008. – 319 с.
4. Эминов В. Е. Криминология. – Проспект (ТК Велби), 2015. – 367 с.

Bugaev V. A., Volkov V. V. Separate features of terrorism in modern Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2016. – Т. 2 (68). – № 3. – P. 41–45.

Separate aspects and features of terrorism are investigated in modern Russia. The main attention is paid to religious and ethnic terrorism. The economic and social problems which fell after collapse of the USSR upon multinational Russia, absence of the state ideology and other negative political and social problems served as a favorable background for manifestation of the religious terrorism which captured not only the Caucasus, but also splashed out of its limits. A verge between ethnic and religious terrorism is washed out in the Russian Federation, as the purpose to live in the separate, nationally oriented state and practise one religion. In that case, the purposes of terrorism are interdependent. One of the serious factors of the formation of terrorism in the Russian Federation is its international character. As you can see from the modern political situation that developed especially in the Middle East, the international terrorism constitutes a menace not only for Russia but also for the rest of the world.

Within the framework of counter-terrorism, including ethnic and religious, it is necessary to give special attention to propaganda of positive patriotic ideas, legal, religious and cultural education of the population, especially young people. In addition, it is necessary to provide counter-propaganda of extremist, nationalist and pseudo-religious ideas and to fight against their carriers.

Key words: terrorism, act of terrorism, ethnic, religious terrorism, religious, identification, nationality.

Spisok literaturyi

1. Federalnogozakona N 35-FZ "O protivodeystvii terrorizmu" ot 06.03.2006 (red. ot 31.12.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/
2. Ugolovnyy kodeks RF ot 13.06.96 №63-FZ. – Москва: Проспект, КНОРус, 2014. – 224 с.
3. S. A. Lantsov. Politicheskaya konfliktologiya: Uchebnoe posobie. — SPb.: Piter.:il. — (Seriya «Uchebnoeposobie»), 2008. — 319 s.
4. V. E. Eminov. Kriminologiya. — Prospekt (TK Velbi)., 2015. – 367 s.

УДК 351.759+316.776

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены актуальные вопросы информационного обеспечения деятельности личного состава правоохранительных органов и воинских формирований при усложнении оперативной обстановки. Проанализирована система научных взглядов на проблематику информационного сопровождения деятельности органов охраны правопорядка, в том числе при предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций различного происхождения. Сформулированы текущие и стратегические задачи руководителей сводных отрядов, групп боевого порядка и их оперативных штабов по организации деятельности вверенных им подразделений в информационной сфере.

Ключевые слова: информационное обеспечение, оперативный штаб, органы охраны правопорядка, особые условия, средства массовой информации, чрезвычайные обстоятельства.

В последнее время государственным органам все чаще приходится выполнять повседневные задачи в чрезвычайных ситуациях социального, техногенного и природного характера, последствия которых представляют опасность для жизни и здоровья их личного состава и посторонних лиц, нарушают права и свободы граждан, ограничивают законные интересы общества и государства. Тем не менее организация правоохранительной и правозащитной деятельности в таких условиях не всегда соответствует масштабам и последствиям этих негативных явлений. Именно поэтому теория и практика предъявляют повышенные требования не только к правовому обеспечению и научному мониторингу такой деятельности, но и к управленческим аспектам, касающимся тактики и стратегии действий ведомств, служб и подразделений привлеченных сил и средств по предупреждению и реагированию на указанные угрозы.

Деятельность органов охраны правопорядка в особых (чрезвычайных, экстремальных, экстраординарных) условиях требует создания принципиально другой системы управления задействованными силами и средствами. Это обусловлено сложностью возникающих угроз и выполняемых заданий, быстрыми и неожиданными изменениями оперативной обстановки, высокой концентрацией сил и средств различных правоохранительных органов и воинских формирований, их специфической группировкой, что обуславливает необходимость реализации в сжатые сроки значительного объема управленческих функций [1, с. 312–313]. В таких условиях необходимо максимально централизовать управление, незамедлительно принимать оптимальные решения, своевременно доводить их до исполнителей и организовывать реализацию в установленные сроки путем поэтапного выполнения всех запланированных мероприятий, не выходя за рамки правового поля.

Как указано в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, которая, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности. То есть национальная безопасность нашего государства существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость возрастает [2].

Зарубежный и отечественный опыт деятельности органов охраны правопорядка в особых условиях, в том числе по ликвидации внутренних вооруженных конфликтов [3, с. 59–61], противодействию террористической и экстремистской деятельности [4, с. 34–35; 5, с. 306–308], формированию информационной культуры будущих правоохранителей [6, с. 223–225], также свидетельствует о том, что одним из важнейших и специфических видов всестороннего обеспечения их действий и мероприятий становится информационное.

Отдельные аспекты информационного обеспечения различных сфер государственного управления и деятельности органов государственной власти были предметом научных разведок Р. Ф. Абдеева, И. В. Аристовой, С. Н. Бурдова, И. Д. Казанчук, Р. А. Калюжного, А. А. Караваева, В. Я. Кикотя, Н. Н. Ковалевой, А. Г. Комиссарова, И. И. Костюка, Н. И. Костюченко, Д. В. Огородова, О. А. Федотовой и др. Однако вопросы информационного сопровождения деятельности органов охраны правопорядка при усложнении оперативной обстановки в данных работах освещались фрагментарно или односторонне, что повлияло на выбор цели и предмета нашего исследования, а также подчеркивает их значимость, актуальность и научно-прикладной характер.

Как утверждает Ю. В. Дубко, информационное обеспечение в крупномасштабных операциях органов охраны правопорядка осуществляется с помощью механизма государственного контроля над информационной политикой путем влияния через средства массовой информации на общественное сознание в стране и за ее пределами. В операциях меньшего масштаба, проводимых исключительно силами одного министерства или ведомства, информационное обеспечение возлагается на подразделения информации и общественных связей, действующих под непосредственным руководством соответствующих оперативных штабов. При этом влияние на общественное сознание через средства массовой информации должно осуществляться на всех этапах развития кризисной ситуации – при ее возникновении, проведении специальной операции (мероприятия), по ее завершении и после нормализации оперативной обстановки [7, с. 215–217].

Не секрет, что в ряде зарубежных стран использование средств массовой информации – неотъемлемая часть планов (сценариев) организации боевых действий, полицейских и армейских операций [8, с. 254–255]. Однако в странах постсоветского пространства до недавнего времени в технологиях информационного сопровождения широко применялся только односторонний подход, при котором распространяемые ответственными лицами и подразделениями сведения носили характер информирования о результатах работы.

Подчеркнем, что возможности целенаправленного информационного и психологического влияния на сознание, психику, мораль человека, группы людей или общества постоянно возрастают и расширяются [9, с. 79–80]. В первую очередь

это влияние направлено на тех, кто обеспечивает национальную безопасность государства, в том числе сотрудников и военнослужащих органов охраны правопорядка. Вместе с тем организация «бархатных» революций в странах постсоветского пространства в последние годы свидетельствует о том, что ей присущи все признаки психологической войны: во-первых, массовые беспорядки являются обычно заранее спланированной, профинансированной и высокоорганизованной акцией; во-вторых, их организаторы имеют в своем распоряжении собственные средства массовой информации и/или ангажированных журналистов; в-третьих, такие акции могут поддерживаться зарубежными средствами массовой информации или инспирироваться из-за границы; в-четвертых, инициатива в развязывании информационной войны обычно принадлежит организаторам беспорядков, использующим с этой целью реально существующие или искусственно созданные социальные, политические, экономические, межнациональные, межэтнические, межконфессиональные противоречия с применением всех форм и методов психологического влияния на общественное сознание.

Вместе с тем взаимоотношения органов охраны правопорядка с журналистами при проведении специальных операций представляют достаточно сложную проблему. Речь не идет об ограничении свободы слова, прессы или введении цензуры, но средства массовой информации в чрезвычайных обстоятельствах должны путем внутреннего самоконтроля ограничиваться ролью наблюдателей и не выходить за рамки эмоционально нейтральной информации. А оперативный штаб и все участники специальной операции должны иметь четкое представление о негативных последствиях, которые могут наступить в результате неконтролируемого предоставления информации журналистам. Например, специальные операции по ликвидации массовых беспорядков и контртеррористические операции всегда приобретают значительный общественный резонанс и могут иметь явных противников в лице политиков, правозащитников и журналистов, в том числе заранее ангажированных. Оценивая их, некоторые международные организации и государства могут использовать двойные стандарты в зависимости от конъюнктуры и собственных геополитических интересов.

Именно поэтому важные составляющие информационного сопровождения деятельности органов охраны правопорядка в особых условиях – воздержанность их личного состава от общения со средствами массовой информации до проведения комплексного анализа чрезвычайных обстоятельств, разработки алгоритма информационного обеспечения в ней и его доведения при инструктажах; обучение руководителей поведению при экстренном брифинге и самостоятельному общению со средствами массовой информации. Учитывая данные обстоятельства, сведения в области оперативно-розыскной деятельности и противодействия терроризму, в том числе о силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах, финансировании этой деятельности, лицах, сотрудничающих (сотрудничавших) на конфиденциальной основе, составляют государственную тайну [10]. То есть в данном случае необходимо найти грань между соблюдением принципа конфиденциальности информации о специальных средствах, технических приемах, тактике проведения специальных мероприятий, составе их участников и подачей открытых, общедоступных, информативно насыщенных сведений о деятельности

органов охраны правопорядка, в том числе размещаемых в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (см., например, Указ Президента Российской Федерации от 10.08.2011 № 1060).

По мнению А. Г. Комиссарова, осуществляя информатизацию в системе охраны общественного порядка, государство не только обеспечивает реализацию прав и свобод граждан в данной сфере, гармоничное, справедливое и равноправное развитие общества, цифровую солидарность на национальном и международном уровнях, но и контролирует деятельность соответствующих сегментов системы охраны общественного порядка, обеспечивает делегирование отдельных полномочий субъектам хозяйствования, вводит ограничение или запрет (в том числе временный) определенных видов информационной деятельности, осуществляет привлечение виновных к ответственности [11, с. 28]. Бесспорно, в таких условиях к первоочередным мерам по информационному обеспечению деятельности органов охраны правопорядка должно быть отнесено формирование и функционирование единой межведомственной информационной системы всех задействованных субъектов. При этом технология информационного сопровождения должна предполагать систематизацию и детальный анализ информации в трех базовых плоскостях – правовой, психологической и информационной. Комплексность такой деятельности заключается в том, что при сборе и обработке информации используются приемы и способы, являющиеся характерными для трех отраслей наук – юриспруденции, психологии и журналистики. Благодаря этому создается «пространственное» представление о ситуации, в которой действуют органы охраны правопорядка, их заданиях, а также формах и методах выполнения последних [12, с. 61–62].

Согласны с А. Н. Игнатовым в том, что эффективное информационно-аналитическое обеспечение противодействия преступности невозможно без решения ряда проблем, касающихся сбора, структуризации, хранения, обобщения, анализа криминологической информации с целью оперативной и правильной оценки криминогенной обстановки, формирования криминологических прогнозов и планирования превентивной деятельности [13, с. 114]. Соответственно, информационное обеспечение деятельности органов охраны правопорядка при ликвидации чрезвычайных ситуаций социального характера должно включать: профессиональный сбор и детальный анализ сведений о состоянии правопорядка в районе (на объекте); информацию об оперативной обстановке, в которой будут действовать данные правоохранительные органы и воинские формирования; оценку правомерности и целесообразности их пребывания на месте происшествия; распространение необходимых данных с целью формирования позитивного общественного мнения.

На наш взгляд, к органам управления, наиболее полно отвечающим указанным выше требованиям, можно отнести оперативные штабы. В частности, функционирование органов охраны правопорядка в особых условиях подтверждает, что развертывание деятельности таких временных межотраслевых управленческих структур в значительной мере содействует интенсификации принятия и реализации управленческих, процессуальных, юрисдикционных и иных решений, предупреждает несогласованность и непоследовательность действий привлеченных

сил и средств разной ведомственной принадлежности или дублирование их функций при предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Оперативный штаб как межведомственный орган управления специальными операциями (мероприятиями) должен создаваться и функционировать для координации совместных действий, а также непосредственного руководства силами и средствами органов охраны правопорядка по предупреждению и ликвидации (минимизации) последствий чрезвычайных ситуаций определенного генезиса. В том числе: непрерывного получения, анализа и обобщения данных об оперативной обстановке; принятия решений и доведения задач подчиненным; поддержания надлежащего морально-психологического обеспечения групп оперативного построения (боевого порядка), их боевой и мобилизационной готовности к выполнению возникающих задач; организации внутреннего и внешнего взаимодействия; постоянного контроля за выполнением поставленных задач, всестороннего обеспечения деятельности групп боевого порядка и сводного специализированного отряда.

Учитывая ведущую роль оперативного штаба в информационном обеспечении, целесообразно создание и функционирование в составе его рабочего аппарата подгруппы по связям с общественностью. Последняя должна: изучать, обобщать и анализировать сообщения, которые готовятся средствами массовой информации, об оперативной обстановке и действиях органов охраны правопорядка; готовить информацию для населения и препятствовать разглашению сведений ограниченного доступа и/или провокационного характера; опровергать недостоверную и сфальсифицированную информацию; осуществлять подготовку выступлений, обращений руководителей подразделений и/или оперативного штаба в средствах массовой информации.

По нашему убеждению, сегодня информационное обеспечение деятельности органов охраны правопорядка в особых условиях как одно из приоритетных направлений всестороннего обеспечения должно осуществляться на двух взаимосвязанных уровнях:

1) стратегическом (долгосрочные ориентиры), цели которого совпадают с общими задачами соответствующих правоохранительных органов и воинских формирований (см., например, ст. 2 Федерального закона «О полиции»);

2) оперативно-тактическом, цели которого определяются конкретными специальными операциями (мероприятиями), не противоречащими общим целям «public relations». Так, использование дезинформации в тактических целях может негативно отразиться на достижении стратегических целей, навредить позитивному имиджу органов охраны правопорядка, поскольку противоречит принципам достоверности, доступности и открытости информации для общественности. Поэтому, когда дезинформация (легендирование) необходима в оперативных интересах, применять ее необходимо так, чтобы полностью исключить какие-либо негативные последствия для повседневной деятельности органов охраны правопорядка.

Итак, современное управление в органах охраны правопорядка основывается на непрерывном оперативном поиске, получении, переработке, упорядочении, анализе, осмыслении и использовании значительных массивов статистических данных и информации, которые невозможно быстро и качественно подготовить без

надлежащего информационного обеспечения. Огромные массивы информации, циркулирующие между органами охраны правопорядка, должны систематизироваться, анализироваться и передаваться без искажения. Также, выполняя задания по обеспечению общественной безопасности и борьбе с преступностью, органам охраны правопорядка необходимы поддержка и понимание их деятельности обществом, сотрудничество с отдельными гражданами. Поэтому разделяем выводы В. Г. Крысько в том, что организация информационного обеспечения должна включать проведение специальных психологических операций, предусматривающих: их предварительное планирование; формирование рабочих целей; определение и изучение объекта влияния; выбор конкретных видов, форм, методов, способов и приемов психологического влияния; разработку содержания (технологии применения) психологического влияния; определение ее коммуникативных контуров и условий осуществления, а при необходимости и их создания; обеспечение контроля проведения конкретных операций (мероприятий) [14, с. 48].

То есть информационное обеспечение как совокупность систем классификации и кодирования информации, унифицированных документов и информационных баз данных составляет основу для отображения содержания соответствующих сведений. А его организация предусматривает: определение содержания и изучение характеристик информации, необходимой для реализации функций управления; анализ и целенаправленное формирование структуры данных в соответствии с потребностями органов управления; синтез или выбор технологии получения информации, ее обработку и обобщение, доведение до исполнителей и использование для своевременного и обоснованного принятия решений, контроль за их исполнением.

Таким образом, информационное обеспечение деятельности органов охраны правопорядка в особых условиях – комплекс мероприятий, направленных на получение, обработку и использование данных, необходимых для реализации их функций в чрезвычайных обстоятельствах. Система такого обеспечения включает: объекты и субъекты (источники и пользователи); информацию, полученную при обработке и использовании определенных данных и сведений; установленные приемы, способы, формы и методы обращения с информацией; требования к информационному обеспечению и др. То есть основной функцией системы информационного обеспечения является предоставление управленческой информации, удовлетворяющей требованиям полноты и объективности данных и сведений для принятия, доведения и выполнения соответствующих решений.

Первоочередными задачами такого обеспечения должны стать: моральное одобрение действий органов охраны правопорядка, включая поддержку мер силового воздействия (в случае необходимости их применения); недопущение разжигания вражды между конкретными социальными слоями, этническими группами, религиозными конфессиями и т. п.; информирование о возможных последствиях антиобщественных поступков, юридической ответственности за их совершение; проведение конкретных действий по дискредитации экстремистски настроенных лидеров в глазах граждан собственной страны и мировой общественности; разъяснение причин и правовых оснований принятия органами

государственной власти мер для разрешения возникших противоречий, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и др.

Список литературы

1. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами на современном этапе // Общество и право. – 2015. – № 3 (53). – С. 311–315.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 // Российская газета. – 2000. – № 187.
3. Бельский В. Ю. Роль ОДКБ в обеспечении информационной безопасности и противодействия современным вызовам и угрозам глобального мира // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Глобализация как многомерный процесс и ее влияние на национальную безопасность Российской Федерации» (Москва, 22 мая 2011 г.) – М.: Пограничная академия ФСБ России, 2012. – С. 59–65.
4. Рудик М. В. Современные информационные технологии в террористической деятельности // Материалы V Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовной политики» (Краснодар, 3 октября 2014 г.). – Краснодар: КрУ МВД России, 2014. – Т. III. – С. 34–36.
5. Иванов С. И. Оперативно-розыскное обеспечение контртеррористических операций и операций по противодействию экстремизму // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общ. ред. С. А. Буткевича. – Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015. – С. 266–274.
6. Смирнова М. И. Развитие критического мышления как основы информационной культуры курсантов образовательных организаций системы МВД России в условиях информационной войны // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общ. ред. С. А. Буткевича. – Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015. – С. 223–234.
7. Дубко Ю. В. Освещение специальных операций в средствах массовой информации // Вестник Национального университета внутренних дел: Спец. выпуск. – 2002. – С. 214–219.
8. Журавленко Н. И., Тутова О. В., Шведова Л. Е. Актуальные проблемы борьбы с использованием информационных технологий в террористических целях // Евразийский юридический журнал. – 2015. – Вып. 7 (86). – С. 254–256.
9. Миронова О. А. Влияние средств массовой информации на психическое здоровье населения // V национальный конгресс по биоэтике. – К., 2013. – С. 79–80.
10. О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 41.
11. Комиссаров А. Г. Административно-правовые основы информатизации в системе охраны общественного порядка: автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.07. – Днепропетровск, 2012. – 36 с.
12. Комиссаров А. Г. Информационное сопровождение служебно-боевой деятельности сил охраны правопорядка // Материалы круглого стола «Проблемы совершенствования служебно-боевой деятельности органов внутренних дел» (Симферополь, 12 октября 2010 г.). – Симферополь: КЮИ ОГУВД, 2010. – С. 61–63.
13. Игнатюк А. Н. Информационно-аналитическое обеспечение противодействия преступности // *Legea și Viața*. – 2014. – № 2/2 (266). – С. 110–114.
14. Крысько В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). – Минск: Харвест, 1999. – 448 с.

Butkevich S. Features of information maintenance of activity of law enforcement organs in specific conditions // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 46–53.

The article deals with current issues of information provision of law enforcement and military units with complication of operative conditions. Analyzed the system of scientific views on the problems of information maintenance of the activities of law enforcement agencies for prevention and elimination of emergency situations, which includes legal, psychological and informational components.

It is proved that modern management in law enforcement organs is based on the clock operative finding, obtaining, processing, ordering, analysis, understanding and using large arrays of statistical data and

information, which quickly and accurately done without proper information support is impossible. Thus the main function of information maintenance system is to provide management information to meet the requirements of completeness of the data and information for decision and implementation of the relevant decisions.

The tactical and strategic objectives of leaders of the consolidated units, groups of military order and its operational headquarters for organization the activities under its command in the information sphere are formulated. Proposals for areas of cooperation of authorized officers and units with the media and creation of unified interdepartmental information database are developed.

Keywords: information maintenance, operational headquarter, law enforcement organs, special conditions, emergencies.

Spisok literatury

1. Kostyuchenko N.I. Problemy teorii i praktiki upravleniya sotsialnyimi sistemami na sovremennom etape // *Obschestvo i pravo*. – 2015. – № 3 (53). – S. 311–315.
2. Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii 9 sentyabrya 2000 g. № Pr-1895 // *Rossiyskaya gazeta*. – 2000. – № 187.
3. Bel'skiy V. Yu. Rol' ODKB v obespechenii informatsionnoy bezopasnosti i protivodeystviya sovremennym vyizovam i ugrozam globalnogo mira // materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Globalizatsiya kak mnogomernyy protsess i ee vliyanie na natsionalnyuyu bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii» (Moskva, 22 maya 2011 g.) – M.: Pgranichnaya akademiya FSB Rossii, 2012. – S. 59–65.
4. Rudik M. V. Sovremennyye informatsionnyye tehnologii v terroristicheskoy deyatel'nosti // materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sovremennyye problemy ugolovnoy politiki» (Krasnodar, 3 oktyabrya 2014 g.). – Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2014. – T. III. – S. 34–36.
5. Ivanov S.I. Operativno-rozysknoe obespechenie kontrterroristicheskikh operatsiy i operatsiy po protivodeystviyu ekstremizmu // *Protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu v Krymskom federal'nom okruge: problemy teorii i praktiki: monografiya / pod obsch. red. S.A. Butkevicha*. – Simferopol: KF KrU MVD Rossii, 2015. – S. 266–274.
6. Smirnova M. I. Razvitie kriticheskogo myshleniya kak osnovy informatsionnoy kultury kursantov obrazovatelnykh organizatsiy sistema MVD Rossii v usloviyakh informatsionnoy voyni // *Protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu v Krymskom federal'nom okruge: problemy teorii i praktiki: monografiya / pod obsch. red. S.A. Butkevicha*. – Simferopol: KF KrU MVD Rossii, 2015. – S. 223–234.
7. Dubko Yu. V. Osveschenie spetsialnykh operatsiy v sredstvakh massovoy informatsii // *Vestnik Natsionalnogo universiteta vnutrennih del: Spets. vyipusk*. – 2002. – S. 214–219.
8. Zhuravlenko N. I., Tutova O. V., Shvedova L. E. Aktualnyye problemy bor'by s ispol'zovaniem informatsionnykh tehnologiy v terroristicheskikh tselyakh // *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. – 2015. – Vyp. 7 (86). – S. 254–256.
9. Mironova O.A. Vliyaniye sredstv massovoy informatsii na psikhicheskoye zdorovye naseleniya // *V natsionalnyy kongress po bioetike*. – K., 2013. – S. 79–80.
10. O gosudarstvennoy tayne: Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. № 5485-1 (red. ot 08.03.2015) // *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*. – 1997. – № 41.
11. Komissarov A. G. Administrativno-pravovyye osnovy informatizatsii v sisteme ohrany obschestvennogo poryadka: avtoref. dis. ... doktora yurid. nauk: 12.00.07. – Dnepropetrovsk, 2012. – 36 s.
12. Komissarov A. G. Informatsionnoe soprovozhdenie sluzhebno-boevoy deyatel'nosti sil ohrany pravoporyadka // materialy kruglogo stola «Problemy sovershenstvovaniya sluzhebno-boevoy deyatel'nosti organov vnutrennih del» (Simferopol, 12 oktyabrya 2010 g.). – Simferopol: KYuI OGUVD, 2010. – S. 61–63.
13. Ignatov A. N. Informatsionno-analiticheskoye obespecheniye protivodeystviya prestupnosti // *Legea și Viața*. – 2014. – № 2/2 (266). – S. 110–114.
14. Krys'ko V. G. Sekrety psikhologicheskoy voyni (tseli, zadachi, metody, formy, opyt). – Minsk: Kharvest, 1999. – 448 s.

УДК 343.914

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Волошин И. А., Акмоллаева А. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Преступление в целом – это явление, которое крайне негативно влияет на общество. Применительно к женской преступности следует отметить, что кроме общих оно имеет и дополнительные негативные последствия, которые важны для здорового развития социума в связи с существенным влиянием женщин на важнейший социальный институт семьи, воспитание детей. Определенные особенности, связанные с социальной ролью и функциями женщин в обществе, различными аспектами профессиональной деятельности и исторического положения, позволяют выделить из общих криминологических исследований причины исключительно женской преступности. Ввиду определенных социально-экономических особенностей развития общества, с каждым днем тенденция развития данного феномена возрастает. Поэтому данное явление заслуживает отдельного исследования, выявления особенностей и причин их совершения. Для этого необходимо определить категории преступлений, в которых чаще всего участвуют женщины. Статья приводит краткий анализ женской преступности, ее влияние на общество, категории преступлений, с участием женщин, основные социально-экономические причины женской преступности и пути ее предупреждения.

Ключевые слова: женская преступность, составляющие женской преступности, значение женской преступности, влияние женской преступности на общество, категории преступлений, совершаемые женщинами.

Женская преступность является важной составляющей общего понятия преступности и заслуживает особого внимания со стороны криминологов России. Российское общество на протяжении долгого времени сильно менялось и предавалось метаморфозам, соответственно менялась и женская преступность, ее характер и численность. На данном этапе развития общества это понятие представляет собой важнейшую область криминологического исследования. В обоснование этого можно сказать, что именно женщина непосредственно влияет на психологическое здоровье всего общества посредством воздействия на семью и воспитания будущего поколения. Изучив особенности женской преступности, можно выделить основные ее составляющие и уже исходя из этого искать пути к противостоянию с ней. Так, можно заметить тенденцию возрастания женской преступности в российском обществе.

Данная работа направлена на исследование основных причин и путей борьбы с женской преступностью. Исходя из этого, нужно определить, как влияет женская преступность на современное общество, отметить основные направления в изучении женской преступности, выделить, прежде всего, социально-экономические ее факторы, а также предложить пути предупреждения женской преступности.

Женская преступность всегда пагубно влияет на общество. Так, еще начиная с древности, женщина всегда считалась хранительницей домашнего очага, символом

тепла и уюта в доме, несла ответственность за воспитание детей и т. д. Мать-преступница чаще всего пагубно влияет на ребенка, его воспитание и развитие. Последствиями этого может стать соответствующая преступная деятельность несовершеннолетних либо нездоровая психика ребенка с малых лет и последующее нарушение им уголовного законодательства.

В последние годы в России наблюдается тенденция роста женской преступности. Объяснить эти факты можно чрезвычайно просто – меняется общество, нравы, статус женщины, возрастает социальная напряженность, конфликты все чаще встречаются в современном российском обществе. Кроме того, статистика гласит, что с каждым годом темпы прироста числа женщин, совершивших преступления, опережают соответствующий показатель мужской преступности. Поэтому научно и практически обоснованные исследования женской преступности именно как составной части общего явления преступности впервые получили свое развитие в рамках криминологической науки [1, с. 31].

Изучением причин совершения женщинами преступлений занималось множество ученых. Изначально интерес к этому понятию возник в конце XIX – начале XX веков. Однако криминалисты в своем большинстве излагали мысли в публицистическом стиле, новые знания и теории не носили научный характер. Среди них можно выделить работы Н. В. Рейнгарда, Н. Зеланда, Н. В. Давыдова. В их работах было поставлено несколько проблем, в частности вопросы о причинах меньшей преступности женщин по сравнению с мужчинами и о специфике их девиантного поведения.

Весомый вклад в эту деятельность внесли работы Ч. Ломброзо и его последователей, которые полагали, что истоки существования рассматриваемого феномена следует искать в биологической «неполноценности», «недоразвитости» женщин по сравнению с мужчинами. Главенствующую роль в определении причин преступности сторонники антропологической школы отводили анатомическим и физиологическим свойствам человеческого организма. Социальные условия при этом признавались лишь второстепенным фактором, создающим некий фон для реализации преступных женских наклонностей [2, с. 90].

Попытки конструктивно и упорядоченно определить некоторые причины этого феномена и дать им объяснение предпринимались также в конце XIX — начала XX веков ученым М. Н. Гернетом на основе статистических данных того времени. Отмечая рост женской преступности в промышленно-развитых странах, ученый констатировал зависимость данного явления от возрастающей социальной активности женщин, их роли и положения в обществе [3, с. 32].

Комплексное изучение данного феномена также осуществлялось уже в последующие годы. Появляется большое количество статей и монографий на эту тему. Автором ряда исследований являлся известный российский криминалист Е. Н. Тарновский, составлявший ежегодно издававшиеся Министерством юстиции «Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных». Большая часть его трудов была посвящена анализу динамики преступности в Российской империи в последней трети XIX – начала XX вв. Он изучал влияние хлебных цен и урожаев, введения винной монополии на движение преступности против собственности, времени года на правонарушения мужчин и женщин.

Крупным исследователем преступности был Н. М. Гернет, выдающийся российский юрист, доктор государственных и правовых наук. Он одним из первых сделал историографический обзор работ о дореволюционной преступности. В многочисленных статьях и работах Н. М. Гернет исследовал вопросы динамики, видов, мотивов женских преступлений, выяснял отличие женских правонарушений от мужских. Несколько его статей было посвящено проблеме детоубийства и плодоизгнания.

Многие авторы исследовали воздействие отдельных факторов социального, религиозного, политического характера на динамику правонарушений. Так, Н. И. Григорьев, В. В. Машинцев, С. Пывцов, Я. Берман изучали влияние алкоголизма на повышение уровня женской преступности.

Проанализировав научные работы некоторых из вышеперечисленных авторов, можно прийти к выводу, что для выявления причин возникновения женской преступности следует обратить внимание на отдельные категории преступлений, в которых женщины чаще всего принимают участие.

Прежде всего, отметим преступления корыстно-насильственного характера. Среди преступников, совершивших грабежи или разбойные нападения, доля женщин отводится к 18–20 %, причем этот показатель преимущественно растет. Также следует отметить и роль женщин в организованных группировках и организациях. Если раньше слабый пол выполнял только второстепенные работы, например роль пособника, то сейчас все чаще встречаются случаи, когда хрупкие женщины становятся во главе целых банд и успешно ими руководят.

Должностные преступления тоже имеют место в числе наиболее «популярных» среди женщин. В качестве яркого примера можно привести взяточничество. Изначально в данном виде правонарушения женщины либо давали взятки, либо участвовали в нем в качестве посредника. Теперь все чаще женщины и сами берут взятки. В частности, это связано с возрастанием активности и роли женщины в правоохранительной сфере – это касается женщин-судей, работников прокуратуры и других сфер судебной и правоохранительной деятельности.

Криминологов все больше удивляет изобретательность женщин, занимающихся мошенничеством. Так, множество научных работ, касающихся этой тематики, выделяют излишнюю хитроумность и выдумку преступниц. В результате этого раскрываемость таких преступлений значительно ниже остальных.

Особое место в исследовании данного вопроса следует отвести к особо тяжким и насильственным преступлениям среди слабой половины человечества. Все чаще мамы лишают жизни своих новорожденных детей. Статистические данные показали, что в 2015 году практически каждая четвертая заключенная колонии отбывает наказание за какое-то насильственное преступление. Чаще всего они совершаются в бытовой среде на фоне конфликтов в семье.

Исходя из вышесказанного, можно выделить основные социально-экономические причины совершения женщинами правонарушений в российском обществе:

- Активизация участия женщин в различных сферах жизни общества.
- Ослабление основополагающего социального института – семьи.
- Пропаганда антисоциального образа жизни.
- Рост алкоголизма, проституции, наркомании, бродяжничества.

- Низкий уровень жизни отдельных категорий граждан.

Современное российское общество постепенно отходит от прежнего понятия женщины как «хранительницы семейного очага». Все чаще они занимают главенствующие и ведущие должности на предприятиях, в учреждениях, возглавляют крупные компании. С одной стороны, это нормально ввиду равенства прав мужчин и женщин, к которому множество лет стремилось все международное сообщество. Однако, с другой стороны, доступ к материальным ценностям при ослаблении институтов контроля и надзора, направленных на повышение ответственности, позволяют женщинам, имеющим искаженную морально-волевую сферу, чаще идти на уккрытие доходов от налогообложения, соглашаться на сомнительные сделки, чреватые мошенническими действиями [5, с. 376].

Семья в большей степени имеет влияние на возникновение женской преступности. Это связано с высокой ролью этого института в жизни женщины. К сожалению, институт брака и семьи в современном обществе подвергнут распаду и искажению. На возникновение женской преступности может влиять неблагоприятная как родительская семья, так и собственная. В этом аспекте следует отметить возрастание конфликтности среди супругов, что влияет и на поведение детей в том числе. Довольно часто встречаются случаи совершения преступлений женщинами на фоне бытового конфликта из-за негативного влияния супруга. Или же неблагоприятная семья с частыми конфликтами, возможным бытовым насилием со стороны мужчины, приводит к тому, что женщина перестает дорожить семьей и работой, часто бросает или теряет их, на фоне этого может подвергаться алкогольной или наркотической зависимости, вести антиобщественный и противоправный образ жизни и получать нелегальный доход.

Если говорить о влиянии родительской семьи, то следует отметить, что оно может проявляться в двух аспектах. Во-первых, формирование у ребенка определенных моральных устоев и определенных принципов поведения. Во-вторых, навязывание ребенку такого образа жизни, который является типичным для данной семьи. Часто это влияние проявляется в негативных факторах, что и влияет на появление и развитие женской преступности.

Женская преступность также неразрывно связана с различного рода пропагандами в обществе. В частности, речь идет о пропаганде насилия, жестокости, доступности женщин и мужчин, простоты их отношений в личной жизни. Эти факторы важно подчеркнуть в связи с тем, что в процессе подобного общения происходит криминогенное заражение женщин, особенно молодых, усвоение ими негативных установок и стереотипов, приобщение к асоциальному образу жизни. Они нередко завязывают тесные связи с преступниками и полностью подпадают под их влияние (особенно под влияние лидеров криминальной среды), что является предпосылкой их длительной преступной деятельности [5, с. 377].

Отдельное внимание следует уделить женщинам из числа беженцев, которые в силу стечения определенных жизненных обстоятельств вынуждены вести преступный образ жизни. Причинами этого становятся отсутствие жилья и сложности при устройстве на работу. Это толкает их на бродяжничество, проституцию и попрошайничество.

В отдельную категорию причин следует отнести алкоголизм и наркоманию. Вследствие особенностей женщины на психологическом уровне они все больше

подвергаются наркомании и алкоголизму, что и становится причиной совершения преступлений женщинами и их антисоциального образа жизни. Речь идет о повышенной эмоциональной чувствительности, более низких волевых качествах и т. д.

Молодые девушки и женщины из неблагоприятных семей также чаще всего совершают корыстные преступления ввиду их низкой материальной обеспеченности. Использование их на тяжелых, малоквалифицированных работах приводит к тому, что им почти полностью закрыт доступ к модным предметам одежды, парфюмерии, косметики и другим вещам, делающим женщину привлекательной и элегантной. Информированность об этих «земных благах», благодаря телевидению, средствам массовой информации, социальной мобильности, довольно высока, а поэтому столь значительны у этой категории населения чувства зависти, ущемленности, выброшенности. Это в отдельных случаях является и поводом, и причиной совершения краж, грабежей, разбоев. Проявляемые при этом женщинами жестокость, агрессивность служат средством психологической компенсации пережитых ими унижений, их ущербности и неполноценности [5, с. 378].

Методы предупреждения женской преступности – важная часть исследования данного вопроса. Борьба с женской преступностью должна производиться все же в русле предупреждения преступности в целом. Но при этом стоит учитывать социологические характеристики женщин, добавляя в обычные методы специфические черты. Так, стоит обратить особое внимание на создание различных социальных программ для поддержки семьи как основополагающей составляющей общества; стабилизацию политической и экономической ситуации в стране; обратить внимание на опыт зарубежных стран в решении данной проблемы.

Женская преступность, несомненно, заслуживает внимания со стороны общества и ученых-криминологов. Это поможет вовремя предупредить и снизить уровень женской преступности, что станет залогом здорового развития российского общества.

Список литературы

1. Ломброзо Ч., Ферреро Г. Женщина преступница и проститутка. — Минск: АБАН, 2000.
2. Викторов К. Б. Ретроспективный анализ преступлений, совершаемых женщинами // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 9.
3. Кирюшина Л. Ю. Личность женщины в механизме преступления и ее значение для криминалистической методики расследования преступлений отдельного вида. — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014.
4. Статистические данные: Официальный сайт МВД России. URL: // mvd.ru.
5. Малков В. Д. Криминология: Учебник. – ЗАО Юстицинформ., 2006.

Voloshin I. A., Akmollaeva A.D. Features of female crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 54–59.

Crimes in general – is a phenomenon which is extremely negative impact on society. With regard to female criminality should be noted that apart from the general, it also has an additional negative consequences, which are important for the healthy development of society due to the significant influence of women in the most important social institution of the family, the education of children. Specific features associated with social roles and functions of women in society, the various aspects of professional activity, and historical

position, allow to allocate from the general criminological research into the causes of crime exclusively female. In view of the specific socio-economic characteristics of the development of society, every day the development trend of this phenomenon increases. Therefore, this phenomenon deserves a separate study, to identify the characteristics and reasons for their occurrence. To do this, you must define the categories of offenses in which women participate more often, which increases gradually their role. The article provides a brief analysis of female crime, its impact on society, the category of offenses involving women, the main socio-economic causes of female crime and ways of its prevention.

Keywords: female criminality, the components of female criminality, the value of female crime, the influence of female crime on society, the category of crimes committed by women.

Spisok literaturyi

1. Lombrozo Ch., Ferrero G. Zhenschina prestupnitsa I prostitutka. — Minsk: AVAN, 2000.
2. Viktorov K. B. Retrospektivniy analiz prestupleniy, sovershaemyih zhenschinami // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 9.
3. Kiryushina L. Yu. Lichnostzhenschiny v mehanizme prestupleniya ieeznachenie dlya kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy otdelnogo vida. — Barnaul: Izd-voAltayskogogos. un-ta, 2014.
4. Statisticheskie dannye: Ofitsialnyiysayt MVD Rossii. URL: // mvd.ru

УДК 343.914

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ЗА ХИЩЕНИЯ

Герасименко В. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В науке уголовного права на всем протяжении её развития заслуженно уделялось большое внимание проблемам наказания. Характерной особенностью при этом было исследование понятия, видов, принципов, признаков, целей, эффективности и роли наказания в борьбе с преступностью, которые обуславливались социальными задачами на различных этапах развития общества.

Данная статья ставит целью дальнейшее исследование одной из проблем наказания, суть которой в том, что наказания в виде лишения свободы за некоторые преступления против собственности не соответствует такой цели наказания, как социальная справедливость. В Уголовном кодексе Российской Федерации за все корыстные преступления предусматривается наказание в виде лишения свободы как реализация его цели – восстановление социальной справедливости. Но достижение данной цели вызывает сомнение и потребность отменить или изменить применение лишения свободы за многие корыстные преступления, а указанные в Уголовном кодексе для каждого вида наказания три его цели не соответствуют действительности, что требует указать в законе дифференцированно, для каждого вида наказания, соответствующие ему цели.

Ключевые слова: цели уголовного наказания, социальная справедливость, лишение свободы, хищения.

Уголовный закон определяет наказание как меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных Уголовным кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица (ч. 1 ст. 43 УК). По действующему Уголовному кодексу РФ предусмотрены 13 видов наказания: 1) штраф; 2) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 3) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; 4) обязательные работы; 5) исправительные работы; 6) ограничения по военной службе; 7) ограничение свободы; 8) принудительные работы; 9) арест; 10) содержание в дисциплинарной воинской части; 11) лишение свободы на определенный срок; 12) пожизненное лишение свободы; 13) смертная казнь [1, ст. 43–59].

Все указанные меры наказания имеют определенные принципы, признаки и цели, часть из которых законодательно закреплены в статье 43 УК РФ. В указанной статье фиксируются понятие и цели наказания, а именно: «1. Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица. 2. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [1, ст. 43]. Из законодательного

положения о наказании вытекают его признаки, определяющие его юридическую сущность и отличающие его от других мер правового принуждения. При этом каждый признак имеет определенные особенности.

Среди указанных видов наказаний лишение свободы является одним из наиболее суровых наказаний. И одновременно оно относится к наиболее распространенным санкциям статей Особенной части УК РФ, а за совершение хищений и других преступлений против собственности предусмотрено во всех статьях Уголовного кодекса РФ.

К числу признаков наказания в виде применяемого за хищения лишения свободы относятся следующие. Во-первых, наказание носит публичный характер. Оно назначается лицу, виновному в совершении хищения, от имени государства и в интересах всего общества, а не в интересах отдельных лиц, органов или организаций. Во-вторых, наказание носит строго личный характер, потому что может быть назначено только лицу, которое судом признано виновным в совершении конкретного хищения. В-третьих, единственной процессуальной формой назначения наказания может быть только обвинительный приговор суда, в соответствии с которым лицо признается виновным в совершении определенного преступления в виде хищения. В-четвертых, лишение свободы является обладающей карательной сущностью мерой государственного принуждения. Это означает, что оно заключается в лишении или ограничении прав и свобод, т. е. способно принудить его к законопослушному поведению. Лишение свободы влечет ущемление не только личной свободы осужденного, но также некоторых политических, трудовых, гражданских и иных прав. В-пятых, лишение свободы, как и любое наказание, – это единственная форма государственного принуждения, исполнение которой влечет за собой судимость как специфическое правовое состояние лица, полностью или частично отбывшего назначенное судом наказание [3, с. 103].

По мере развития общества и юридической науки менялись взгляды общества и юристов на виды и цели наказания как реакция общества на совершение индивидом деяния, запрещенного законом. Современные теории наказания сочетают в себе элементы всех теорий в различных соотношениях [4, с. 260, 5, с. 102]. Как правило, признается, что наказание является возмездием за совершенное преступление, возмещением вреда, причиненного личности или обществу (восстановление социальной справедливости), средством удержания самого преступника от совершения новых преступлений (как путем устранения такой возможности, так и путем его исправления); что применение наказания оказывает устрашающее воздействие на общество.

В Российской Федерации цели уголовного наказания за совершенное преступление законодательно сформулированы в указанной выше ч. 2 ст. 43 УК.

В первую очередь на современном этапе государство отдает приоритет наказанию как справедливому воздаянию преступнику, снижению и сдерживанию преступности (в том числе путем устрашения), защите общества от вреда, причиняемого преступлением, как средству защиты общества, исправлению и реабилитации преступника и, наконец, возмещению преступником вреда причиненного потерпевшему и государству.

Однако в ст. 1 Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации (УИК РФ) цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации предусматривает следующее: «1. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» [2, ст. 1].

Учитывая то, что уголовное законодательство устанавливает цели назначения наказания, а уголовно-исполнительное законодательство – цели исполнения наказания, выявляется их несовпадение [11, с. 29].

При назначении наказания ставится цель – восстановление социальной справедливости, а при исполнении наказания в виде лишения свободы такая цель не ставится, реализация этой цели не предусмотрена; как она достигается, результаты её не указываются. А эффективность применения и исполнения наказания в виде лишения свободы за преступления против собственности не исследована. Эти проблемы требуют дальнейшего профессионального обсуждения.

Говоря о сущности социальной справедливости, необходимо, прежде всего, сказать следующее. Исторически первым является понимание наказания как воздаяния или возмездия – принцип, в силу которого зло оплачивается злом, а добро – добром. Наказание исходило из принципа талиона – возмездие равным за равное («око за око, зуб за зуб»). Воздаяние или возмездие с древних времен иногда принимали за справедливое основание наказания. В самой мести видели врожденное человеку чувство справедливости, вполне инстинктивное, не знающее границ и руководящееся другим принципом. Безусловно, что кроме уравнивания мести, с тем злом, которое вызвало её. В известном выражении «око за око, зуб за зуб» было не только выражение начала воздаяния, но и мера воздействия. Основоположники и последователи теории необходимости наказания видят в наказании проявление безусловной справедливости, требующей возмездия за причиненное преступлением зло, или воздаяния за него.

В настоящее время ученые стали серьезнее относиться к вопросу о соотношении наказания с содеянным [7, с. 12–15; 8, с. 89]. Принцип социальной справедливости в уголовном праве выражается в назначении наказания и применении мер правового характера, которые должны быть осуществлены в законодательных пределах, соответствовать характеру и степени тяжести преступления. Возмездие и восстановление социальной справедливости как цели наказания некоторые юристы отождествляют, но они имеют содержательную разницу. Особенно разница очевидна, если в понятие «возмездие» вкладывать – «око за око». Понятие социальной справедливости относительно. Социальная справедливость – понятие о должном, которое содержит в себе требование соответствия между практически совершенном в жизни общества преступником (вред от преступления) и теми мерами, которые должно и может применить к преступнику государства от имени общества. Поэтому насильнику или хулигану, причинившему телесное повреждение потерпевшему, не будет социально справедливым причинить аналогичное телесное повреждение по принципу – «зуб за зуб».

Наказание имеет как правовую, так и социальную функцию. Правовая функция наказания выражается в том, что оно выступает в качестве меры реализации уголовной ответственности. Социальная функция наказания выражается в том, что оно представляет собой средство борьбы с преступностью, защиты общества от посягательств на основные его ценности [6, с. 4]. По утверждению Карла Маркса, наказание есть «средство самозащиты общества против нарушения условий его

существования, каковы бы ни были эти условия». Применение наказания за совершенное преступление не только позволяет в определенной мере возместить ущерб, причиненный преступлением, и восстановить общественный порядок, но и укрепить социальный климат посредством создания у граждан уверенности, что посягательства на права, свободы и общественные интересы не остаются без внимания государства, которое применяет к нарушителям карательные меры воздействия. Эти функции всегда выступают как единое целое, поскольку неоправданным выступает применение социально необоснованной меры наказания по формально-правовым основаниям. Точно так же недопустимо социально обоснованное применение наказания без соответствующей правовой формы (суды Линча, кровная месть, иные формы самочинной расправы).

У нас вызывают сомнение в социальной справедливости применения наказания в виде лишения свободы за некоторые виды преступлений против собственности, особенно хищений.

Законодатель, устанавливая 13 видов наказания, заявляет, что у них у всех одинаковые цели, предусмотренные ч. 2 ст. 43 УК РФ. Однако при таком разнообразии видов наказания и многообразии целей наказания они не могут быть таковыми. За хищения предусмотрены 7 видов наказания. Если цели предупреждения у всех видов наказаний очевидны, то цель восстановления социальной справедливости при аресте и лишении свободы не соответствует и не достигается.

Лишение свободы является единственной мерой, способной защитить общество, и это происходит, когда осужденный изолируется от общества и не имеет возможности совершить повторно корыстное преступление. При лишении свободы преступник лишается или ограничивается в политических, экономических, трудовых, личных и других правах. А это уже несправедливо. Так как он причинил вред и нарушил только экономические права и интересы личности или государства.

Социальная справедливость при назначении наказания за хищение будет достигнута, когда будет возмещен вред, причиненный этим преступлением. Характер причиненного вреда личности или государству должен соответствовать характеру причиняемого вреда преступнику.

Хищения совершаются из корыстных и стяжательских побуждений. Корыстная мотивация может подавиться только однотипными мерами. При хищении преступник изымает и приобретает имущество в различных его формах, при применении наказания у этого преступника необходимо также изымать в различных формах имущество или его денежный эквивалент. При этом размер возмещенного вреда должен в несколько раз превышать причиненный материальный вред. А порядок этого изъятия может быть не только штраф, взыскание и отработка, но и принудительная отработка, организуемая государством.

Однако при назначении наказания нельзя забывать правило соразмерности наказания и серьезность преступления, установленную в законе. Лишение свободы за хищения справедливо исключить при первом совершении хищения. Если этим лицом совершено второе хищение, это свидетельствует о том, что оно не исправилось и справедливые меры воздействия своей цели не достигли.

Повторность может свидетельствовать о том, что первое наказание не выполнило своей цели и второе наказное должно быть лишением свободы, чтобы предотвратить повторное совершение преступления, то есть реализовать цель предупреждения совершения преступления.

Список используемой литературы

1. Уголовный кодекс РФ (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ. – ч. 1, ст. 43–59.

2. Уголовно-исполнительный Кодекс Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2016. – 96 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. 10-е изд. перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2014. – 960 с.
4. Учебник уголовного права. Общая часть. – М.: Спарк, 1996. – 412 с.
5. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: Учебник. 2-е изд. / под ред. А. В. Бриллиантова. – Москва: Проспект, 2014. – 376 с.
6. Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. – М.: Юрид. лит., 1983. – 208 с.
7. Карпов Е. А. Сущность и цели наказания в российском уголовном праве / Е. А. Карпов // Рос. следователь. – 2010. – № 3. – С. 12–15.
8. Евстегнеева Е. Ю. Реализация наказания в виде лишения свободы / Человек: преступление и наказание. Науч. журн. / Академия ФСИН России. 2007. – № 2. – С. 89.
9. Наумов А. В. Российское уголовное право. – М.: ВолтерсКлувер, 2010. – 145 с.
10. Ткачевский Ю. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. – М., 2007. – 75 с.
11. Курганов С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. – М., 2008. – 29 с.

Gerasimenko V.A. Realization of the principle of justice at assignment of punishment in the form of imprisonment for plunders // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 60–64.

In science of criminal law throughout its development it is deserved much attention was paid to punishment problems. Research of concept, types, the principles, signs, purposes, efficiency and a role of punishment in fight against crime was characteristic at the same time. Which were caused by social tasks at different stages of development of society.

This article sets the purpose a further research of one of the punishment problems. Essence, which that punishments in the form of imprisonment for some crimes against property doesn't answer such purpose of punishment as social justice. In the criminal code of the Russian Federation for all crimes for mercenary punishment in the form of imprisonment, as realization of its purpose – restoration of social justice. But achievement of this purpose raises doubts and the need to cancel or change application imprisonment for many crimes for profit. And specified in the criminal code, for each type of punishment three of his purposes, aren't true. What requires to specify in the law differentially, for each type of punishment, answering it the purpose.

Key words: purposes of criminal penalty, social justice, imprisonment, pilferage.

Spisok literaturi

1. Uголовnyiy kodeks RF (UK RF) ot 13.06.96 №63-FZ-ch.1, st. 43-59.
2. Uголовno-ispolnitelnyy kodeks Rossiyskoy Federatii.-Moskva: Prospect, 2016. – 96 s.
3. Komentariy k Uголовnomu Kodeksu Rossiyskoy Federatii / отв. red. A.I. Rarog. – 10-eizd. pererab. idop.-Moskva: Prospect, 2014. – 960 s.
4. Uchebnikugolovnogoprava. Obshchayachast. – М.: Izdatelstvo «Spark» 1996, 412 s.
5. Uголовno-ispolnitelnoe pravo Rossiyskoy Federatii: Uchebnik.-2-e izd. / pod red. A.V. Brilliantova.-Moskva: Prospect, 2014. – 376 s.
6. Galperin I. M. Nakazanie: socialniefunkcii, prakticaprimeneniya. – М.: Yurid. lit., 1983. – 208 s.
7. KarpovE.A. Suschnost i celi nakazaniya v rossiyskom uголовnom prave / E.A. Karpov // Ros. sledovatel. – 2010. – №3. – С. 12–15.
8. Evstegneeveva E.Y. Realizaciya nakazaniya v vide lisheniya svobodii/ Chelovek: prestuplenie i nakazanie. Nauch. zhurn. / AkademiyaFSINRossii. 2007. – №2. – С.89.
9. NaumovA.V. Rossiyskoeugolovnoopravo. – М.: Volters Kluver, 2010. – 145 s.
10. TkachevskiyY. Rossiyskaya progressivnaya sistema ispolneniya uголовnih nakazaniy. – М., 2007. – 75s.
11. Kurganov S. I. Nakazanie: uголовno-ispolnitelnyy i kriminologicheskiy aspekti. – М., 2008. – 29 s.

УДК 343.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Макаренко В. Г.

Московский институт юриспруденции, город Москва

Автором статьи характеризуется существующая в таможенных органах система непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности (НЭО) и дается анализ процессов осуществления технико-криминалистической деятельности в рамках указанной системы. В статье приводятся проектные положения специального документа («Наставления»), формализация которого призвана создать многоуровневую систему криминалистического обеспечения не только правоохранительной деятельности, но и в области реализации функций таможенного контроля. Автор указывает на актуальность регламентации рассматриваемых процессов ввиду произошедших за последние несколько лет организационно-штатных изменений в таможенных органах, что повлияло (или могло повлиять) на достоверность правоприменительной практики в части обоснованности принимаемых решений и добывания весомых доказательств по уголовным делам о таможенных преступлениях и административным делам о нарушении таможенных правил.

Ключевые слова: технико-криминалистическое обеспечение, таможенные преступления, нарушения таможенных правил, таможенная экспертиза, контрабанда, таможенный контроль, специальные знания, справка об исследовании, заключение эксперта, заключение специалиста.

ВВЕДЕНИЕ

Внешнеэкономическая деятельность любого государства предполагает наличие законодательно подкреплённой основы для реализации задач и функций контроля торгового оборота между странами как на национальном, так и на макроэкономическом уровне. Невозможно себе представить развитие внешней торговли без последовательного совершенствования правового базиса уже имеющихся механизмов внешней торговли и тактики её осуществления. В то же время формирование нового стратегического мышления в области таможенного дела есть наиважнейшая задача на современном этапе развития институциональных концепций таможенного контроля как основного государственного барьера на пути транснациональных трафиков особо опасных видов контрабанды и её вариативных проявлений в форме разного рода правонарушений.

Очевидно, что современная реальность бросает вызов властным структурам, охраняющим права и законные интересы как всего государства в целом, так и законопослушных граждан и юридических лиц, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность. Происходящие сегодня интеграционные процессы накладывают определенный отпечаток на концепцию таможенного дела каждого из государств, являющихся членами того или иного объединения (союза). Многими учеными высказывается точка зрения, что проблематика правовой регламентации процессов таможенной сферы имеет наднациональную специфику.

В частности, профессор М. Н. Кобзарь-Фролова, анализируя действующее

таможенное законодательство, законодательство о таможенном регулировании и таможенном деле, формирует вывод о том, что его специфика и главная особенность таможенного регулирования в нашей стране проявляется в двойственности правового обеспечения как на международном, так и на национальном праве. Что касается таможенного регулирования в Российской Федерации, то его функционал направлен на защиту экономической безопасности, государственного суверенитета, авторитета государства на международной арене, развитие предпринимательства в сфере внешней торговли. Однако вступление России во Всемирную торговую организацию поднимает проблему таможенного регулирования на международный уровень, так как реализация определяемых международными соглашениями правил в сфере таможенного дела и их соблюдение являются предметом ведения административного законодательства. Это обосновано тем, что именно на национальном уровне вырабатываются конструкции управленческого характера, влияющие на выполнение целей и задач, закрепленных в международных договорах [1]. В то же время нормы международного права предопределяют своеобразную корреляцию норм национального и наднационального (интеграционного) права.

Поддерживая высказываемое мнение, считаем важным дополнить его следующим посылом: планомерное поступательное движение к усовершенствованным моделям государственного регулирования (в том числе таможенных правоотношений) невозможно в современных условиях без адекватной критической оценки правоохранительной функции контролирующих органов, которая должна быть дана не только руководством страны, но и общественными организациями, учитывающими также мнение рядовых граждан. Субъективным аспектом в части оценочных суждений о мерах, принимаемых для защиты экономических интересов государства, является наличие фундаментальных подходов к задачам охраны законных прав, порядка и государственности.

1. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Говоря о тех задачах, которые в настоящее время стоят перед таможенными органами Российской Федерации, стоит иметь в виду наличие существенных факторов, что зачастую создаются некорректно организованными процессами как внутри ведомства, так и в рамках межведомственного взаимодействия по вопросам противодействия преступным посягательствам на основы государственного управления. Так, например, весьма противоречивым является вопрос организации взаимодействия правоохранительного блока таможен с экспертно-криминалистическими подразделениями таможенных органов. Говоря о вопросах взаимодействия, не стоит забывать о наличии внутриведомственной специфики в части наличия двух векторов деятельности таможенных органов – экономической (фискальной) и правоохранительной (заградительной).

Решение задач правоохранительной деятельности сейчас возлагается на специально уполномоченные подразделения таможенных органов, комплектуемые сотрудниками, подготовленными соответствующим образом и обладающими специальными знаниями как в вопросах таможенного дела, так и уголовного, административного, оперативно-розыскного права. Их деятельность по осуществлению возложенных функций детально и всестороннее регламентируется законодательством Российской Федерации и ведомственными нормативными правовыми актами ФТС

России, обеспечивающими оперативность, обоснованность, законность и справедливость принимаемых решений о применении юридических мер воздействия за совершённые противоправные деяния, относящиеся к компетенции таможенных органов по осуществлению расследования [2].

Как указывает профессор В. А. Михайлов, эффективность борьбы с преступностью предопределяется высоким уровнем правового регулирования уголовно-процессуальных полномочий органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания. Однако правовые нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ неконкретны, неполны, особенно в определении функций и полномочий начальника органа дознания и его заместителя в системе ФТС России и в системе иных правоохранительных ведомств, наделенных полномочиями органа дознания. Неполны, недостаточно конкретны, а порой противоречивы в этой части и подзаконные нормативные правовые акты, в том числе ФТС России и иных правоохранительных ведомств [3]. Учитывая сложившуюся правоприменительную практику в таможенных органах Российской Федерации, трудно не согласится с данным утверждением заслуженного учёного-процессуалиста.

Организация и осуществление взаимодействия в сфере борьбы с таможенными преступлениями (в том числе и в части криминалистического сопровождения) допустимы при соблюдении требований подследственности, установленных статьями 150, 151, 152 УПК РФ, на основании которых организацию и осуществление внутриведомственного, межведомственного и международного взаимодействия органы дознания ФТС России правомочны осуществлять по делам о таможенных преступлениях, предусмотренных УК РФ, по которым производство предварительного следствия не обязательно: уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ч. 1 и 2 ст. 194); контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ч. 1 ст. 200.1) [4].

В продолжение сказанного необходимо указать составы по делам о таможенных преступлениях, предусмотренных УК РФ, по которым производство предварительного следствия является обязательным. К ним в настоящее время относятся: незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1); незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1); незаконный экспорт из РФ или передача сырья, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189); невозвращение на территорию РФ культурных ценностей (ст. 190); уклонение от выполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ (ст. 193); уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 ч. 3 и 4); контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 ч. 2); контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий (ст. 200.2); контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных

устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (ст. 226.1); контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229.1). Как мы видим, перечень достаточно широкий, что, по нашему мнению, создает определенную специфику при выявлении и расследовании подобных преступлений. Лица, производящие дознание по указанным составам, правомочны осуществлять привлечение к процессуальным и не процессуальным мероприятиям сведущих лиц из числа экспертов, являющихся также должностными лицами таможенных органов. Данное привлечение происходит в рамках системы непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности (будет рассмотрена нами далее), реализуемой на уровне руководителей экспертно-криминалистических подразделений и рядовых должностных лиц, решающих непосредственно задачи прикладного характера.

Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление (ЦЭКТУ) ФТС России является головным экспертным учреждением в структуре таможенных органов Российской Федерации, которое помимо прочих регламентированных полномочий имеет возможность осуществлять функции по криминалистическому обеспечению деятельности таможен, таможенных постов, региональных таможенных управлений. Наличие криминалистической составляющей в деятельности ЦЭКТУ обуславливает разносторонность методологических подходов при её организации и организации судебно-экспертной деятельности, результативность и эффективность деятельности по закреплению доказательственной базы, а также наличие условий для системной последовательной омологации высокотехнологичного исследовательского оборудования, что в полной мере осуществляется в настоящее время.

2. ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Как справедливо отмечают В. В. Бирюков и Т. П. Бирюкова, в качестве основного объекта криминалистики выступают преступления и деятельность по их расследованию, в качестве дополнительного – знания и достижения других наук; предмет криминалистики представляет составляющая часть объекта, знания о которой создают условия раскрытия преступлений, установления объективной истины в процессе ретроспективного познания, протекающего в рамках уголовного процессуального законодательства страны [5]. Безусловно, роль криминалистической науки сложно переоценить в аспекте важности применения специальных знаний для обеспечения мер запретительного характера. Порой от квалифицированной профессиональной деятельности таможенного инспектора, таможенного оперативника или дознавателя зависит безопасность не только экономическая, но и общегосударственная.

С. П. Жданов в этой связи занимает собственную позицию, подчеркивающую,

что, несмотря на многочисленные научные труды, посвященные использованию специальных знаний в уголовном судопроизводстве, а также многовековую практику их применения в доказывании по уголовным делам, проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве как обозначенные, так и иные до настоящего времени остаются нерешенными. При этом решение таких проблем должно опираться на принцип состязательности уголовного судопроизводства как базовое юридическое положение, определяющее основы взаимоотношений адвоката-защитника, органа предварительного расследования и суда в современном уголовном процессе демократического государства [6]. В то же время можно с уверенностью утверждать, что взаимосвязь криминалистики и судебной экспертизы в полной мере прослеживается в философии использования знаний сведущих лиц для закрепления правовых позиций, процессуальных решений, версий и т. п.

Как справедливо заметил В. А. Вольтский, «криминалистика начиналась с криминалистической техники, а криминалистическая техника – с экспертизы, причем с экспертиз судебно-медицинских и тех, которые лишь условно можно именовать криминалистическими, учитывая уровень их развития на момент возникновения» [7]. Именно поэтому наблюдается исключительная взаимосвязь между той ролью, которую играет экспертная деятельность в методических основах криминалистической деятельности, и наоборот – исследовательская криминалистическая деятельность, обуславливающая всестороннюю объективность судебной и таможенной экспертизы в их сущности. На данной основе в 2012 году в Федеральной таможенной службе начала зарождаться система, включающая в себя формы экспертного и криминалистического содействия процессам таможенного контроля и выявления таможенных преступлений.

3. НЕПРЕРЫВНОЕ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Приказ Федеральной таможенной службы от 29 декабря 2012 г. № 2690 определяет непрерывное экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности таможенных органов как фактическое нахождение дежурного специалиста по месту дислокации ЦЭКТУ (либо его региональных филиалов и подразделений) в течение необходимого времени и готовность к проведению требуемых исследований в случаях, определенных Порядком. Общая организация непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения деятельности подразделений таможенных органов осуществляется начальником ЦЭКТУ на основании приказа. Таковым документом в настоящее время является приказ ЦЭКТУ от 1 июля 2013 г. № 269 «Об утверждении Инструкции по непрерывному экспертно-криминалистическому обеспечению правоохранительной деятельности таможенных органов». Двойственность системы НЭО (такая аббревиатура была приятна в ЦЭКТУ) в некоторой степени корригировалась имеющимися нормативными правовыми актами, действовавшими до момента принятия вышеуказанных ведомственных приказов.

По своей сути система непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения является одним из элементов криминалистической деятельности вообще, субъектами которой, помимо должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений, являются и сотрудники правоохранительного

блока таможенных органов. Данное понятие является гибридным, объединяющим в себе некоторые элементы криминалистической деятельности и судебно-экспертной деятельности, но в то же время не вмещающим в себя сущность данных явлений. В этой связи понятие «криминалистическая деятельность таможенных органов», по нашему мнению, значительно шире понятия «система непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения» и имеет в себе также «систему технико-криминалистического обеспечения», в которую включены еще два элемента: «технико-криминалистическая деятельность» и «деятельность по ведению криминалистических учетов» в таможенных органах. В то же время понятие «судебно-экспертная деятельность», осуществляемая в таможенных органах, охватывает не только судебно-экспертную деятельность как таковую, но деятельность по организации и производству таможенных экспертиз, процентное выражение которых существенно превышает процент произведенных экспертиз по уголовным делам и делам об административных правонарушениях. При этом доля именно криминалистических экспертиз является не настолько высокой как, например, в органах внутренних дел.

Далее нами будет рассмотрено понятие «технико-криминалистической деятельности таможенных органов» через призму специального документа по её правовой регламентации и организации (предлагается фрагмент документа).

4. ТАМОЖЕННАЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С целью формализации общей практики криминалистической деятельности в таможенных органах предлагаются авторские определения вышеуказанных терминов. В частности, *система технико-криминалистического обеспечения (ТКО) процессов выявления, раскрытия, расследования, предупреждения таможенных преступлений и правонарушений включает в себя деятельность экспертно-криминалистических подразделений по организации применения наиболее рациональных и эффективных форм использования технико-криминалистических средств и методов подразделениями оперативно-розыскной деятельности, дознания и административных расследований.*

Одним из составных элементов системы ТКО (наряду с криминалистическими учетами) нами рассматривается *технико-криминалистическая деятельность (ТКД) таможенных органов, которая представляет собой структурированный комплекс процессуальных и не процессуальных мероприятий, организационно-управленческих и научно-методических подходов, исследовательских и технических действий, направленных на квалифицированное использование современных криминалистических средств и методов путём применения научных рекомендаций и привлечения специалистов с целью выявления, раскрытия и расследования преступлений и правонарушений в области таможенного дела, а также фиксации вещественных доказательств.*

Вопросы, связанные с определением деятельности по ведению криминалистических учетов в таможенных органах, могут быть рассмотрены отдельно как в частном теоретическом аспекте, так и в общем прикладном. Надо отметить, что проблематика ведения криминалистических учетов является весьма актуальной и исследуется специалистами в области криминалистики и уголовного процесса в различных областях права [8]. Что же касается назревшей

необходимости создания определенного порядка организации технико-криминалистической деятельности в таможенных органах, то актуальность подобной формализации является насущной повсеместно, где ведется рассматриваемая деятельность. Здесь важно то, что некоторыми современными учеными исследуются проблемные вопросы, связанные с формализацией криминалистических знаний с целью их достоверного использования в деятельности по расследованию преступлений и правонарушений [9]. В рамках настоящей публикации нами предлагается рассмотрение части проекта документа (разработанного с учетом ранее действовавших и действующих в настоящее время нормативных правовых актов таможенных органов¹), которому считаем возможным дать следующее название: «Наставление по технико-криминалистической деятельности в таможенных органах» (далее – Наставление).

Данный документ (в настоящей статье – его проект) определяет:

- правовую основу технико-криминалистической деятельности в таможенных органах;
- субъекты управления, осуществляющие координацию, организацию и исполнение задач и функций в области технико-криминалистической деятельности таможенных органов;
- непосредственных организаторов применения технико-криминалистических средств, методов и технологии их использования;
- ответственных исполнителей, применяющих в своей повседневной практической работе технико-криминалистические средства и методы;
- задачи технико-криминалистического обеспечения деятельности таможенных органов;
- основные организационные формы технико-криминалистического обеспечения деятельности таможенных органов;
- основные критерии оценки эффективности технико-криминалистической деятельности таможенных органов.

Правовой основой технико-криминалистической деятельности таможенных органов являются Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации о таможенном регулировании, уголовное, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 114-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», международные договоры Российской Федерации по вопросам таможенного дела и взаимодействия правоохранительных органов, законодательство Евразийского экономического союза и другие нормативные правовые акты Российской Федерации, нормативные правовые акты межведомственного и наднационального

¹ Здесь подразумевается приказ ФТС России от 07.11.2007 № 1370 «О мероприятиях по совершенствованию криминалистической деятельности таможенных органов Российской Федерации», который в настоящее время отменен, а также действующий приказ ФТС России от 26.12.2012 № 2690 «Об утверждении Порядка непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов», разработчиком которого является автор данной статьи.

характера, нормативные и иные правовые акты ФТС России, а также настоящее Наставление.

4.1. Субъекты управления, координации и исполнения функций технико-криминалистической деятельности

Субъектами управления, осуществляющими координацию технико-криминалистической деятельности таможенных органов, являются:

- руководитель Федеральной таможенной службы;
- заместитель руководителя ФТС России, курирующий экспертную деятельность в таможенных органах;
- заместители руководителя ФТС России по направлениям деятельности;
- начальники структурных подразделений ФТС России, курирующие направления деятельности таможенных органов по предупреждению, раскрытию и расследованию правонарушений в области таможенного дела;
- начальники региональных таможенных управлений;
- начальники специализированных региональных таможенных управлений;
- начальники экспертно-криминалистических служб.

Непосредственными организаторами применения криминалистических средств и методов в предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании правонарушений и преступлений являются начальники таможен, заместители начальников таможен (начальники органов дознания), первые заместители начальников таможен по таможенному контролю.

Непосредственными организаторами применения технико-криминалистических средств и методов в оказании содействия при предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании правонарушений и преступлений являются начальники экспертно-криминалистических службы, экспертно-исследовательских отделов, отделов криминалистических исследований.

Ответственными исполнителями, применяющими в своей повседневной практической работе криминалистические средства и методы, являются должностные лица, осуществляющие таможенный контроль, сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, дознаватели, лица, ведущие расследование дел об административных правонарушениях (нарушениях таможенных правил).

Ответственными исполнителями, применяющими в практической работе по поручениям и заданиям таможенных органов технико-криминалистические средства и методы, являются должностные лица (сотрудники) экспертно-криминалистических подразделений, эксперты Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления.

4.2. Задачи технико-криминалистической деятельности таможенных органов

Общая задача технико-криминалистического обеспечения деятельности таможенных органов состоит в оказании должностными лицами экспертно-криминалистических подразделений содействия должностным лицам, проводящим таможенный контроль, оперативно-розыскные мероприятия, расследование по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, отнесенным к компетенции таможенных органов, в раскрытии, расследовании и предупреждении правонарушений, в устранении обстоятельств, способствовавших их совершению.

Специальные (основные) задачи:

– совершенствование организационных основ оказания технико-криминалистического содействия процессам раскрытия, расследования и предупреждения правонарушений в области таможенного дела;

– разработка и практическое применение специальных средств, приемов, методов и рекомендаций по оказанию содействия процессам раскрытия, расследования и предупреждения правонарушений;

– использование данных естественных и технических наук для совершенствования существующих и разработки новых технико-криминалистических методов и средств;

– обеспечение выявления признаков правонарушений и объектов со следами противоправной деятельности при проведении таможенного контроля, производстве неотложных следственных действий и дознания, проведении оперативно-розыскных мероприятий, расследовании по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции таможенных органов;

– участие в проведении необходимых профилактических, правовых и технических мероприятий и действий, обеспечивающих правоохранительную деятельность таможенных органов;

– практическое формирование у сотрудников таможенных органов устойчивых знаний, умений и навыков, позволяющих им самостоятельно решать практические задачи по предотвращению, раскрытию и расследованию правонарушений, применению специальных технических средств, использованию справочно-информационных фондов, криминалистических учётов и коллекций.

Частно-прикладные задачи, обусловленные современной спецификой деятельности таможенных органов:

– разработка с целью внедрения в практику деятельности таможенных органов эффективных криминалистических методов, приемов и средств, необходимых для решения задач по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению правонарушений в сфере экономической деятельности, совершаемых организованными преступными группами, обладающими коррупционными связями с должностными лицами государственных и коммерческих организаций, а также имеющих признаки транснациональных;

– формирование, ведение и использование криминалистических характеристик правонарушений, иных видов учётов, коллекций и справочно-информационных фондов;

– обеспечение участия специалистов, экспертов, применения технических средств при проведении процессуальных, оперативно-розыскных и иных действий и мероприятий, проводимых таможенным органом;

– иные задачи, обусловленные изменением законодательства Российской Федерации и потребностями таможенных органов по направлению правоохранительной деятельности в сфере таможенного дела.

4.3. Основные организационные формы технико-криминалистической деятельности таможенных органов

Основными организационными формами, обеспечивающими получение, оценку, анализ и использование криминалистически значимой информации сотрудниками правоохранительных подразделений, являются:

– оперативная группа таможенного органа, осуществляющая постоянное дежурство и обеспечивающая: немедленное реагирование на сообщения о правонарушениях; оперативно-розыскные мероприятия; производство неотложных следственных и иных процессуальных действий;

– аналитическое подразделение таможенного органа, осуществляющее постоянное дежурство и обеспечивающее накопление, систематизацию и анализ информационных потоков, обработку специальными программными средствами запросов участников оперативных групп, сотрудников структурных подразделений таможенного органа, формирование и предоставление в распоряжение инициатора запроса необходимой информации;

– учебно-тренировочный центр таможенного органа, осуществляющий практическую профессиональную подготовку оперативных групп и конкретных сотрудников таможни по направлениям их деятельности;

– экспертно-криминалистическое подразделение, входящее в структуры экспертно-криминалистической службы – регионального филиала ЦЭКТУ, осуществляющее дежурство специалистов (криминалистов) на постоянной основе.

Руководство оперативной группой (группами) осуществляет заместитель начальника таможенного органа, наделенный в соответствии с законодательством Российской Федерации правами начальника органа дознания.

В состав группы входят дознаватель, сотрудник, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, должностное лицо экспертно-криминалистического подразделения (в соответствии с графиком сменности или графиком дежурства), должностное лицо, осуществляющее таможенный контроль, кинолог.

Состав оперативных групп, график их работы и отдыха, порядок организации взаимодействия с иными подразделениями, обеспечения безопасности участников оперативных групп, которые определяет начальник таможенного органа исходя из штатной численности и оперативной обстановки с учетом действующих нормативных и иных правовых актов ФТС России, утверждаются приказом таможенного органа.

Полномочия руководителя оперативной группы определяются его правами и обязанностями как заместителя начальника таможенного органа и начальника органа дознания. Круг обязанностей участников оперативной группы определяет начальник подразделения дознания, либо его заместитель, либо дознаватель, проводящие процессуальное действие.

В случае наличия объективной тактической потребности в состав оперативной группы по согласованию с начальниками других правоохранительных органов могут включаться их сотрудники (должностные лица).

Порядок, структура, объем получаемых и предоставляемых данных, права и обязанности сотрудников по аналитической работе определяются нормативными и иными правовыми актами ФТС России, в том числе правовыми актами межведомственного характера и (или) наднационального уровня в рамках Евразийского экономического союза.

Каждый сотрудник таможенного органа (непосредственный организатор применения технико-криминалистических средств и методов, исполнитель, применяющий в своей повседневной работе технико-криминалистические средства

и методы) обязан не менее одного раза в два года пройти учебно-тренировочный курс, аттестационные испытания.

При отсутствии учебно-тренировочного центра в таможенном органе подготовка непосредственных организаторов применения технико-криминалистических средств и методов, ответственных исполнителей, применяющих в своей повседневной работе криминалистические средства и методы, производится на базе учебно-тренировочного центра иного правоохранительного органа в соответствии с межведомственным соглашением.

Должностные лица экспертно-криминалистических подразделений принимают участие в качестве специалиста в составе оперативной группы, оказывают содействие в обнаружении, фиксации, упаковке и сохранении следов и объектов, отборе сравнительных и контрольных образцов, их исследовании, полном и правильном отражении в соответствующих документах полученной технико-криминалистической информации, а также данных о применении криминалистических средств и методов.

При наличии тактически обоснованной потребности, а также с учетом результатов мероприятия специалист может принимать участие в разработке рабочих планов и версий.

Прикладные задачи, основные функции и права должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений устанавливаются нормативными правовыми актами, инструкциями Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления, законодательными актами, нормативными и иными правовыми актами ФТС России и нормативными правовыми актами Евразийского экономического союза.

Права и обязанности должностных лиц других структурных подразделений таможенного органа, применяющих в своей деятельности технико-криминалистические средства и методы, устанавливаются законодательными актами, нормативными и иными правовыми актами ФТС России и нормативными правовыми актами Евразийского экономического союза.

4.4. Основные формы взаимодействия между должностными лицами экспертно-криминалистических подразделений и должностными лицами иных структурных подразделений таможенных органов

Основными формами взаимодействия должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений с другими структурными подразделениями таможенных органов являются:

- разработка совместных организационных мер по эффективному использованию технико-криминалистических средств и методов;
- участие должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений в качестве специалистов при проведении оперативно-розыскных мероприятий, процессуальных действий, в планировании, выдвижении и проверке версий с использованием криминалистических средств и методов, для оказания содействия в выявлении признаков правонарушений при проведении таможенного контроля;
- принятие мер к целенаправленному и активному использованию в раскрытии правонарушений изъятых предметов, документов и других вещественных доказательств на основании изучения материалов дел;

- ведение криминалистических учётов, коллекций и картотек, справочно-информационных фондов;
- организация и производство исследований предметов, документов и других вещественных доказательств;
- подготовка информационных и методических материалов, обзоров в целях внедрения в работу таможенных органов технико-криминалистических средств и методов, передового опыта организации их использования;
- консультирование по вопросам применения технико-криминалистических средств и методов, проведение занятий в системе профессиональной подготовки;
- разъяснение сотрудникам правоохранительных подразделений таможенных органов особенностей научно-технических средств и их возможностей в раскрытии и расследовании правонарушений.

4.5. Участие должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений в качестве специалистов в процессуальных действиях

Должностные лица экспертно-криминалистических подразделений привлекаются в качестве специалистов при производстве процессуальных действий по уголовным делам и делам об административных правонарушениях в случаях, требующих применения технико-криминалистических средств и методов для обнаружения, закрепления, изъятия и исследования следов, предметов и документов.

В целях своевременного привлечения должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений к участию в процессуальных действиях организуется их постоянное дежурство.

Порядок дежурства определяется руководством экспертно-криминалистического подразделения по согласованию с руководителем таможенного органа с учетом численности должностных лиц экспертно-криминалистического подразделения и оперативной обстановки в регионе деятельности таможенного органа.

Организация доставки должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений и необходимых технических средств к месту проведения процессуального действия и обратно осуществляется сотрудниками, ведущими производство по уголовному делу, расследование по делу об административном правонарушении.

Порядок действий специалиста, привлекаемого к проведению процессуального действия, определяется в каждом экспертно-криминалистическом подразделении с учетом специфики деятельности обслуживаемого таможенного органа (ов) и должен включать общие положения:

- приступая к работе, специалист предварительно изучает обстоятельства происшествия, уточняет задачи, которые предстоит решить с его участием;
- специалист формирует план своих действий, уточняет границы осмотра, досмотра или иного процессуального действия, последовательность обнаружения, фиксации и изъятия следов, предметов, документов и иных вещественных доказательств. При отсутствии возражений со стороны лица, производящего процессуальное действие, по существу плана специалист приступает к его выполнению;

– при составлении протокола осмотра, досмотра или иного процессуального действия специалист оказывает необходимую помощь в описании следов (место их нахождения, количество, вид, форма, размер, индивидуальные особенности и так далее), характеристик технико-криминалистических средств, применявшихся для их выявления;

– порядок фото- и видеосъемки, выбор объектов, подлежащих фиксации, способ и другие тактические задачи определяются специалистом по согласованию с лицом, производящим процессуальное действие;

– в необходимых случаях специалист оказывает содействие в упаковывании изъятых предметов, документов, следов, слепков и иных объектов;

– специалист, производящий фото- и видеосъемку, в течение трех суток с момента окончания процессуального действия представляет соответствующие материалы лицу, ведущему производство по делу;

– участие специалиста в процессуальных действиях и результаты его работы отображаются в соответствующих протоколах и в Журнале регистрации участия должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений в качестве специалистов при оказании содействия в проведении таможенного контроля, процессуальных действий по уголовным делам и делам об административных правонарушениях.

Привлечение должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений к мероприятиям, проводимым сотрудниками таможенных органов, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность:

– должностные лица экспертно-криминалистических подразделений применяют технико-криминалистические средства и методы на основании письменных заданий начальников подразделений, проводящих оперативно-розыскные мероприятия. Форма письменного задания разрабатывается Центральным экспертно-криминалистическим таможенным управлением по согласованию с правоохранительным блоком ФТС России;

– основными формами применения технико-криминалистических средств и методов при проведении оперативно-розыскных мероприятий являются: а) обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в целях выявления криминалистических признаков, вещественных объектов, имеющих значение для раскрытия правонарушения и установления виновных лиц, пресечения, предотвращения совершаемого или готовящегося правонарушения; б) сбор образцов для сравнительного исследования; в) исследование различных предметов, документов и иных вещественных объектов; г) участие в составлении оперативных характеристик правонарушений, розыскных таблиц с использованием криминалистической информации о лицах, предметах, следах, орудиях и так далее; д) участие в разработках розыскных версий на основании изучения следов, предметов, документов и других вещественных доказательств; е) использование криминалистических учетов, картотек и коллекций, справочно-информационных фондов; ж) применение специальных видов фото- и видеосъемки; з) иные формы взаимодействия, определяемые исходя из знаний и практических навыков специалиста;

– применяемые технико-криминалистические средства и методы должны обеспечивать достоверность получаемых результатов, сохранность объектов,

которые могут приобрести в дальнейшем доказательственное значение при судебной перспективе;

– о результатах применения технико-криминалистических средств и методов составляется Справка специалиста, которая вместе с ранее полученными материалами передается в соответствующее подразделение, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность. Форма Справки специалиста утверждается экспертно-криминалистическим подразделением с учетом специфики практической деятельности в регионе;

– копия Справки специалиста хранится 5 лет в деле, предусмотренном номенклатурой дел экспертно-криминалистического подразделения;

– участие специалиста в оперативно-розыскных мероприятиях и результаты его работы отражаются в соответствующем Журнале регистрации участия должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений и применения технико-криминалистических средств и методов по заданиям сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

4.6. Порядок действий должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений при производстве исследований по назначению таможенного органа в рамках осуществления технико-криминалистической деятельности

Обязанности и права должностного лица экспертно-криминалистического подразделения, взаимоотношения между ним и должностным лицом структурного подразделения, осуществляющего таможенный контроль, дознавателем, сотрудником, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, лицом, производящим расследование дела об административном правонарушении, и иными сотрудниками, прокурором и судом, складывающиеся в процессе назначения и производства исследований, определяются законодательством Российской Федерации.

В дополнение к законодательно определенным обязанностям должностное лицо экспертно-криминалистического подразделения обязано:

– принять к производству сопроводительные документы и объекты, подлежащие исследованию. Объекты исследования принимаются в упакованном и опечатанном виде. Упаковка должна содержать пояснительные надписи (ярлыки сохранности);

– зарегистрировать сопроводительные документы и объекты исследования в Журнале регистрации материалов и объектов, поступивших на исследование;

– применить все рекомендованные (утвержденные) методики и имеющиеся в его распоряжении технические средства для правильного и всестороннего научно-обоснованного решения поставленных перед ним вопросов. Разработка и утверждение соответствующих методик производится Центральным экспертно-криминалистическим таможенным управлением;

– произвести проверку поступивших на исследование объектов по имеющимся криминалистическим учетам. По согласованию с лицом, назначившим исследование, помещать объекты (их электрофотографические копии на бумажном носителе, сканированные электронные копии) в соответствующие коллекции, криминалистические картотеки.

Должностное лицо экспертно-криминалистического подразделения имеет право:

- использовать результаты собственных исследований по аналогичным, однородным объектам, результаты собственных выполненных экспертиз с обязательным отражением в документе, выдаваемом по окончании исследования;
- группировать и уточнять поставленные перед ним вопросы, не изменяя их смысла, а при необходимости обращаться к лицу, назначившему исследование, за разъяснением их содержания;
- выявлять условия, способствующие совершению правонарушений, и представлять в установленном порядке свои предложения по их устранению;
- дополнять полученными данными криминалистические и оперативные характеристики правонарушений, информационно-поисковые базы данных, направляя соответствующую информацию лицу, назначившему исследование;
- обжаловать действия и решения должностных лиц, нарушающих права должностного лица экспертно-криминалистического подразделения, в вышестоящее Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление или непосредственно в ФТС России.

Должностное лицо экспертно-криминалистического подразделения не вправе:

- решать организационные, правовые и иные вопросы, выходящие за пределы его специальных знаний;
- использовать для формирования своего мнения, обоснования выводов сведения или материалы, ставшие ему известными из иных источников, не представленные в установленном либо процессуальном порядке;
- производить самостоятельный поиск, изъятие, а также использовать для производства исследования объекты и материалы, не представленные ему в установленном порядке;
- проводить исследование, способное привести к изменению внешнего вида, основных свойств, уничтожению объекта, если только такое изменение внешнего вида объекта не согласовано с лицом, назначившим исследование.

Порядок оформления результатов исследования может разрабатываться и утверждаться в экспертно-криминалистическом подразделении по согласованию с Центральным экспертно-криминалистическим таможенным управлением и должен отвечать следующим основным требованиям:

- по результатам исследований должностное лицо экспертно-криминалистического подразделения составляет: а) Справку специалиста (при исследовании материалов, объектов, поступивших из структурных подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность); б) Заключение специалиста (при исследовании материалов, объектов, поступивших из подразделений дознания, подразделений, осуществляющих административное расследование, подразделений таможенного контроля);
- структура и последовательность изложения результатов исследования в документе, выдаваемом по результатам исследования, должны соответствовать требованиям законодательства Российской Федерации;
- результаты исследования даются должностным лицом от своего имени, с учетом персональной ответственности должностного лица за достоверность проведенного исследования;
- копии справок, заключений хранятся 5 лет в деле, предусмотренном номенклатурой дел экспертно-криминалистического подразделения.

Порядок хранения и возврата объектов исследования определяется в экспертно-криминалистическом подразделении по согласованию с Центральным экспертно-криминалистическим таможенным управлением и должен соответствовать следующим основным требованиям:

— объекты исследования хранятся в условиях, исключающих их утрату, любое видоизменение или порчу;

— драгоценные металлы и драгоценные камни, изделия из них, ценные бумаги, денежные знаки хранятся в опечатываемом несгораемом сейфе;

— наркотические, сильнодействующие средства, токсичные, легковоспламеняющиеся вещества хранятся отдельно от других объектов (веществ) в опечатываемых металлических шкафах;

— огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества хранятся отдельно друг от друга в специально оборудованном помещении, оснащённом необходимыми противопожарными и охранными системами;

— санкционированный доступ к объектам исследования разрешается только должностному лицу, производящему исследование;

— ведение учета поступления и использования огнестрельного оружия и боеприпасов, а также обеспечение соблюдения установленного порядка их хранения включается в должностную инструкцию (должностной регламент) должностного лица экспертно-криминалистического подразделения;

— после завершения исследования объекты и другие материалы передаются лицу, назначившему исследование, под подпись в Журнале учета объектов, поступивших на исследование;

— транспортировка подлежащих исследованию объектов и материалов обеспечивается лицом, назначившим исследование.

5. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Открытым для обсуждения остается вопрос документального закрепления результатов технико-криминалистической деятельности. Предлагаемая нами форма – «Справка специалиста» – является опробованной многолетней практикой органов внутренних дел как Советского Союза, так и Российской Федерации. Определение соотношения уровня исследовательской ёмкости таких форм, как «Справка специалиста» и «Заключение таможенного эксперта», нам видится однозначно вопросом дискуссионным, требующим дальнейшего осмысления с точки зрения не только криминалистики, но и судебно-экспертной деятельности.

В своё время учёным-криминалистом А. Р. Шляховым неоднократно делался акцент на наличии жесткой взаимосвязи криминалистики и судебной экспертизы между собой, что подразумевало наличие фундаментальной научной обоснованности результатов обоих видов системной деятельности [10]. Именно поэтому мы выступаем за ту концепцию и тот вектор развития криминалистической деятельности в таможенных органах, которыми предусматривается сохранение технико-криминалистической деятельности в ведении экспертно-криминалистических подразделений ЦЭКТУ ФТС России. Считаем, что та наукоемкая, технологическая и методологическая основа, которая создана за более чем два десятка лет функционирования ЦЭКТУ, в полной мере сможет оказать благотворное влияние на расширение и совершенствование всей

криминалистической деятельности не только в ФТС России, но и в таможенных органах стран-участниц ЕАЭС.

Однако организационные формы осуществления технико-криминалистической деятельности в том виде, в котором она нам видится, в настоящий момент времени не в полной мере могут обеспечить ее оперативность, достоверность и всесторонность. Насущные проблемы обусловлены не только кадровым потенциалом (достаточно низким по сравнению с теми же органами внутренних дел), но и оторванностью некоторых теоретических изысканий в данной области от существующей практики применения специальных знаний при проведении технико-криминалистической деятельности. Существенным является то, что создание развитой сети экспертно-криминалистических подразделений в настоящее время является затруднительным ввиду объективных причин как внутри ведомства, так и на общегосударственном уровне. Но всё-таки, как показывает практика, – эти проблемы придется решать, несмотря на существующие сложности и субъективные факторы в мировой экономике и геополитике.

Ранее нами уже отмечалась актуальность создания экспертно-криминалистической службы на территории полуострова Крым, так как данная мера будет иметь существенное значение при решении задач своевременного экспертного и криминалистического обеспечения деятельности таможенных органов по реализации правоохранительных функций и функций таможенного контроля перемещения товаров через границу [11]. Вновь созданный в 2014 г. регион страны имеет высокое стратегическое значение, в том числе и в сфере решения задач внешнеторгового оборота. Таким образом, расширение сети подразделений, способных своевременно оказывать помощь в применении специальных знаний таможенными органами, особенно в местах, приближенных к государственной границе является важной задачей.

В этой связи следует иметь в виду авторитетное мнение А. Ф. Волынского, которым неоднократно выдвигалась концепция внедрения в практику деятельности органов внутренних дел таких организационных форм криминалистического обеспечения, которые бы существенно разграничивали деятельность специалистов-криминалистов и экспертов [12]. Однако при всей логичности и разумности данной теории она не может быть в полной мере осуществима в условиях организации правоохранительной деятельности таможенных органов, что обусловлено спецификой их деятельности, связанной с характеристикой выявляемых и расследуемых таможенных преступлений, а также административных правонарушений в области таможенного дела (нарушения таможенных правил). Но данный вопрос является предметом отдельной дискуссии.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что криминалистическая деятельность в таможенных органах (в самом широком её понимании) в настоящее время требует от всех субъектов на различных уровнях взаимосвязанных действий по нормативному регулированию, координации правоприменительной практики, омологии действующего технического парка и квалифицирующих мероприятий для непосредственных исполнителей. Другими словами, невозможно рассматривать таможенный контроль и противодействие таможенным преступлениям (правонарушениям) без активного участия сведущих лиц экспертно-криминалистических подразделений. Только при наличии по-научному

осмысленного, методологически подготовленного и технически современного процессуального подхода возможно защитить экономические интересы государства, противопоставляя имеющийся потенциал преступным посягательствам области таможенного дела.

Список литературы

1. Кобзарь-Фролова М. Н. Особенности и специфика таможенного регулирования в Российской Федерации: ретроспективный анализ и современное состояние // Финансовое право. – 2015. – № 5. – С. 21–26.
2. Жбанков В. А., Козловский А. Ю., Коробов И. В., Симонов Н. Е. Правоохранительная деятельность таможенных органов Российской Федерации: Курс лекций. – М.: РИО РТП, 2004. – С. 41.
3. Михайлов В. А. Проблемные вопросы расширения полномочий начальника органа дознания ФТС России // Вестник Российской таможенной академии. – 2013. – № 4. – С. 53–61.
4. Жбанков В. А., Михайлов В. А. Взаимодействие по уголовным делам о таможенных преступлениях // Публичное и частное право. – 2016. – Вып. III (XXXI). – С. 115–137.
5. Бирюков В. В., Бирюкова Т. П. Криминалистика: объективная необходимость возникновения, соотношение ее объекта и предмета // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Том 27 (66). – 2014. – № 3. – С. 180–186.
6. Жданов С. П. Проблема привлечения специалиста адвокатом-защитником по уголовному делу и возможности ее решения // Вестник Российской таможенной академии. – 2015. – № 2. – С. 89–95.
7. Волынский В. А. Закономерности и тенденции развития криминалистической техники. Дисс. ... докт. юрид. наук. Академия управления МВД России. – Москва, 2001. – 417 с.
8. Михайлов М. А. Совершенствование системы дактилоскопической регистрации: Конференция в Государственной Думе // Ученые записки Крымского Федерального Университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2015. – № 1. – С. 293–306.
9. Шевчук В. М. Проблеми формалізації криміналістичних знань та їх застосування у слідчій діяльності // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Юридичні науки». Том 26 (65). – 2013. – № 2–2. – С. 368–374.
10. Шляхов А. Р. Современные проблемы теории и практики криминалистической экспертизы в СССР. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Л., 1971. – С. 7–9.
11. Макаренко В. Г. Совершенствование экспертно-криминалистического обеспечения деятельности таможенных органов в Крымском федеральном округе // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 11 (43). Ч. 3. – С. 73–75.
12. Волынский А. Ф., Чегодаева С. С., Ткач В. Ю. О различии судебно-экспертной и технико-криминалистической деятельности // Техничко-криміналістическе забезпечення розкриття і розслідування преступлений: сб. науч. тр. — Волгоград: ВА МВД России, 2013. – С. 10–19.

V. G. Makarenko. The forensic activity of Russian customs authorities and the ways of its development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 65–83.

The System of Ongoing Forensic Support (OFS-system) in Russian customs authorities has been critically characterized by the author of this paper. Also an analysis of the processes of technical and forensic activities in the framework of this system is provided by the author. The paper presents the design of a special position document (*‘Manual’*), which aims to create a layered formalization of a system of forensic provide not only law enforcement but also in the implementation of customs control functions in FCS. The author points to the relevance of the regulation of these processes, since taken place over the last few years of organizational and staff changes in the customs authorities that might affect the credibility of law enforcement. According to the author’s opinion it can be regarded that the validity of decisions and obtaining solid evidence for a customs criminal cases (and administrative cases on violation of customs rules) are very important aspects now.

Keywords: technical and forensic support, customs offenses, violations of customs regulations, customs examination, smuggling, customs control, researching act, expert’s report.

Spisok literatury

1. Kobzar-Frolova M. N. Osobennosti i spetsifika tamozhennogo regulirovaniya v Rossiyskoy Federatsii: retrospektivnyy analiz i sovremennoe sostoyanie // *Finansovoe pravo*. 2015. № 5. S. 21–26.
2. Zhbakov V. A., Kozlovskiy A. Yu., Korobov I. V., Simonov N. E. Pravoohranitel'naya deyatel'nost' tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii: Kurs lektsiy. – M.: RIO RTP, 2004. S. 41.
3. Mihaylov V. A. Problemye voprosy rasshireniya polnomochiy nachal'nika organa doznaniya FTS Rossii // *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 2013. № 4. S. 53–61.
4. Zhbakov V. A., Mihaylov V. A. Vzaimodeystvie po ugovol'nym delam o tamozhennykh prestupleniyah // *Publichnoe i chastnoe pravo*. 2016. Vyip. III (XXXI). S. 115–137.
5. Biryukov V. V., Biryukova T.P. Kriminalistika: ob'ektivnaya neobkhodimost' vzniknoveniya, sootnosheniye ee ob'ekta i predmeta // *Uchenyie zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. Tom 27 (66). 2014. № 3. S. 180–186.
6. Zhdanov S. P. Problema privlecheniya spetsialista advokatom–zaschitnikom po ugovol'nomu delu i vozmozhnosti ee resheniya // *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 2015. № 2. S. 89–95.
7. Volyinskiy V. A. Zakonomernosti i tendentsii razvitiya kriminalisticheskoy tekhniki. Diss. ... dokt. yurid. nauk. Akademiya upravleniya MVD Rossii. Moskva, 2001. 417 s.
8. Mihaylov M. A. Sovershenstvovanie sistemy daktiloskopicheskoy registratsii: Konferentsiya v Gosudarstvennoy Dume // *Uchenyie zapiski Kryimskogo Federalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. 2015. № 1. S. 293–306.
9. Shevchuk V. M. Problemye formalizatsiyi kriminalisticheskikh znan i ikh zastosuvaniya u sledchikh diyalnostey // *Uchenyie zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. Tom 26 (65). 2013. № 2-2. S. 368–374.
10. Shlyahov A. R. Sovremennyye problemye teorii i praktiki kriminalisticheskoy ekspertizy v SSSR. Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk. L., 1971. S. 7–9.
11. Makarenko V.G. Sovershenstvovanie ekspertno-kriminalisticheskogo obespecheniya deyatel'nosti tamozhennykh organov v Kryimskom federalnom okruge // *Sovremennyye nauchnyie issledovaniya i innovatsii*. 2014. № 11 (43) Ch. 3. S. 73–75.
12. Volyinskiy A.F., Chegodaeva S.S., Tkach V.Yu. O razlichii sudebno-ekspertnoy i tekhniko-kriminalisticheskoy deyatel'nosti // *Tekhniko-kriminalisticheskoe obespecheniye raskryitiya i rassledovaniya prestupleniy* : sb. nauch. tr. — Volgograd : VA MVD Rossii, 2013. C. 10–19.

УДК 343.618:343.85

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИНЫ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНО- ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мидловец М. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются участники дорожно-транспортного происшествия как потенциальные субъекты преступлений, предусмотренных ст. 264, 264.1, 268 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно: водитель, пассажир, пешеход. Автором исследуются теоретические научные наработки в области определения субъекта и формы вины, объективной стороны дорожно-транспортных преступлений. В соответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации и Правилами дорожного движения определяется круг участников дорожного движения, которые своими противоправными действиями создают аварийную обстановку на дороге. Предлагается расширить установленный в Уголовном кодексе перечень субъектов дорожно-транспортного преступления такой категорией, как водитель и/или пассажир другого транспортного средства, спровоцировавший дорожно-транспортное происшествие. В статье исследуются проблемы квалификации таких деяний и сложность привлечения к уголовной ответственности определенных лиц. В работе анализируется проблема определения формы вины дорожно-транспортных преступлений, которая должна определяться отдельно, исходя из отношения лица к общественно опасным последствиям и к нарушению Правил дорожного движения. Автором предлагается установление уголовной ответственности за умышленное дорожно-транспортное преступление. В работе высказывается необходимость совершенствования законодательства в вопросе установления уголовной ответственности не за нарушение Правил дорожного движения, а за создание аварийной обстановки, что привело к общественно опасным последствиям, что позволит исключить привлечение невиновного участника дорожно-транспортного происшествия к уголовной ответственности.

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление, субъект, объективная сторона, создание опасной дорожной ситуации, вина, умысел, неосторожность.

На сегодня аварийность на автотранспорте является одной из острейших социально-экономических проблем, о чем свидетельствует статистика дорожно-транспортных происшествий. Так, в 2015 г. на территории Российской Федерации по данным ГИБДД РФ было зарегистрировано 184 000 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибло 23 114 и ранено – 231 197 человек. За 2016 г. эти показатели составляют соответственно 126 205 дорожно-транспортных происшествий, в которых пострадало 160 668 человек, погибло – 14 646 [12]. При этом к уголовной ответственности за дорожно-транспортное преступление в 2015 г. было привлечено 28 257 человек, а за первое полугодие 2016 г. – 39 353 человека [6].

С другой стороны, статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации говорят о том, что к уголовной ответственности привлекались лишь субъекты преступлений, предусмотренные ст. 264, 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ). Свидетельствует ли это о том, что такие участники дорожного движения, предусмотренные ст. 268 УК РФ как пассажиры, пешеходы, иные участники

дорожного движения, не совершали таких преступлений? Или же такие показатели указывают на проблемы квалификации деяний указанных лиц и привлечения их к уголовной ответственности?

Как справедливо отмечает Н. И. Пикуров, такая ситуация усугубляется тем, что законодатель стремится решить проблему преступности на автотранспорте лишь изменением ответственности водителей за нарушение правил безопасности движения, что в итоге приводит к тому, что «водитель практически постоянно находится в ситуации крайне высокого риска на грани объективного вменения любых неблагоприятных последствий использования автомобиля» [11, с. 46].

По нашему мнению, разрешение данной проблемы кроется в исследовании самой дорожной обстановки с учетом действий всех участников дорожного движения. Так, безопасное функционирование транспорта и безопасность дорожного движения зависят от неукоснительного соблюдения соответствующих правил всеми участниками движения. М. В. Баранчикова пишет: «В транспортном потоке их действия взаимосвязаны, и каждый рассчитывает на строго определенное поведение других лиц, в связи с чем координирует свои действия» [4]. Именно поэтому нам представляется целесообразным начинать процесс квалификации дорожно-транспортных преступлений с определения субъекта и объективной стороны, которые содержат «первоначальные сведения о совершенном деянии и деятеле, воспринимаются правоприменителем непосредственно, а уже по ним устанавливаются объект и субъективная сторона» [7, с. 66].

Согласно действующему уголовному законодательству, субъектом дорожно-транспортного преступления является лицо, нарушившее Правила дорожного движения, что привело к общественно опасным последствиям, а именно смерти или причинению тяжкого вреда здоровью человека. В соответствии со ст. 264, 264.1, 268 УК РФ, субъектом дорожно-транспортных преступлений может быть водитель транспортного средства, пассажир, пешеход и иные участники дорожного движения. При этом, согласно п. 1.2 Правил дорожного движения, водителем транспортного средства является лицо, управляющее каким-либо транспортным средством: погонщик, ведущий по дороге вьючных, верховых животных или стадо, а также лицо, обучающее вождению. Данное расширение субъектов уголовной ответственности является совершенно оправданным, позволяет поддерживать правопорядок на дорогах как со стороны лиц, непосредственно управляющих транспортным средством, так и иных участников дорожного движения. Исходя из диспозиций ст. 264, 264.1, 268 УК РФ, субъектом дорожно-транспортного преступления может быть физическое вменяемое лицо (ст. 19), достигшее 16-ти летнего возраста (ст. 20), управляющее механическим транспортным средством и нарушившее правила дорожного движения или правила безопасного движения и эксплуатации транспорта, что привело к причинению тяжкого или особо тяжкого вреда здоровью человека либо смерти.

С другой стороны, не ясно, кого следует понимать под другими участниками движения, если из них исключены лица, управляющие транспортными средствами, непосредственно нарушившие Правила дорожного движения. Мы считаем, что здесь следует рассматривать водителя и/или пассажира другого транспортного средства, которые своими противоправными действиями создали аварийную обстановку, вынудившую водителя другого транспортного средства, пешехода

нарушить Правила дорожного движения, что привело к наступлению предусмотренных уголовным законом общественно-опасных последствий.

При этом все указанные лица будут признаваться субъектами дорожно-транспортного преступления в том случае, если такое общественно-опасное деяние было совершено в процессе движения этого механического транспортного средства. На этом особенно настаивает В. В. Кирюшкин [8, с. 5], и мы поддерживаем его позицию, так как без движения невозможно наступление общественно-опасных последствий. На это также указывает и сама объективная сторона дорожно-транспортного преступления, которая заключается в нарушении Правил дорожного движения путем совершения определенных противоправных действий, которые приводят к дорожно-транспортным происшествиям.

Наиболее распространенными ситуациями являются столкновение, опрокидывание, наезд на препятствие, наезд на стоящее транспортное средство, наезд на пешехода, наезд на велосипедиста, наезд на гужевой транспорт, падение пассажиров, падение перевозимого груза или отброшенного колесом транспортного средства предмета на человека или другое транспортное средство, наезд на лиц, не являющихся участниками движения, наезд на внезапно появившееся препятствие (упавший груз, отделившееся колесо), падение транспортного средства при перепаде высот (с обрыва, эстакады и т. д.), его съезд в какой-либо водоем, наезд на погонщика, отсоединение во время движения прицепа и т. п.

Но указанные дорожно-транспортные происшествия возникают лишь вследствие нарушения участниками дорожного движения Правил дорожного движения, как следствие – аварийная обстановка. При этом С. Трофимов выделяет два вида возможных воздействий субъектов преступления с точки зрения механизма воздействия на объект транспортного преступления: прямое и опосредованное причинение общественно опасных последствий [15], где прямое воздействие на транспорт осуществляется водителем, а опосредованное иными участниками дорожного движения, а именно: водителями других транспортных средств, пешеходами, пассажирами.

Так, законодатель относит дорожно-транспортные преступления к неосторожным, где форма вины определяется наступившими последствиями. С другой стороны, в юридической науке много лет ведутся дискуссии по поводу наличия двух форм вины в данных преступлениях – умысла и неосторожности, где умысел выражается в умышленном нарушении Правил дорожного движения, а неосторожность – в наступивших последствиях (смерти лица, причинении тяжкого вреда его здоровью). С одной стороны, в большинстве случаев дорожно-транспортных преступлений так все и происходит.

Опровергая возможность установления двойной формы вины в дорожно-транспортных преступлениях, С. В. Тарасов говорит о том, что в таком случае дорожно-транспортное преступление всегда будет признаваться умышленным, а общественно-опасные последствия не будут учитываться. При этом любое нарушение Правил дорожного движения будет признаваться умышленным преступлением [14, с. 165–166].

Но нам представляется данная проблема шире. Так, дорожно-транспортные преступления следует разграничивать на умышленные и неосторожные в

зависимости от отношения субъекта преступления к наступившим последствиям и непосредственно его отношения к объективной стороне.

Так, в зависимости от наступивших последствий дорожно-транспортное преступление может быть умышленным, когда лицо желало причинения вреда здоровью или жизни человека, сознательно совершило наезд на пешехода, столкновение с другим транспортным средством, велосипедистом. Неосторожным такое преступление будет в случае небрежного, самонадеянного нарушения Правил дорожного движения, что привело к нежелательному для субъекта последствию. Только таким образом, отдельно закрепив в УК РФ умышленное дорожно-транспортное преступление, законодатель сможет разграничить умысел и неосторожность в таких преступлениях, что тогда будет согласовываться с позицией С.В. Тарасова.

С другой стороны, возможны ситуации, когда лицо (водитель, пешеход, пассажир, водитель другого транспортного средства) нарушило Правила дорожного движения, в чем проявляется прямой умысел – лицо сознательно умышленно нарушает правила, пренебрегая законом. При этом создает аварийную обстановку для других участников дорожного движения, вынуждая их нарушать Правила. Для таких лиц нарушение Правил дорожного движения характеризуется отсутствием умысла. Также нельзя здесь говорить и о неосторожности, так как в данном случае лицо своими действиями пытается избежать наступления более тяжелых последствий. То есть здесь можно говорить об отсутствии вины вообще. Но непосредственно причинение предусмотренного диспозициями статей УК РФ вреда человеку совершается действиями этого водителя. И на практике именно водитель транспортного средства, причинившего вред жизни или здоровью человека, будет привлекаться к уголовной ответственности, не будучи виновным.

Сама такая ситуация противоречит ст. 14 УК РФ, предусматривающей наступление уголовной ответственности лишь при наличии вины. Для разрешения этой проблемы следует устанавливать причинную связь, которую следует выявлять путем анализа дорожной обстановки и непосредственно аварийной ситуации, а именно определения всех участников дорожно-транспортного происшествия, их действий, а также определения того, какие именно неправомерные действия создали аварийную ситуацию и спровоцировали дорожно-транспортное преступление.

Именно поэтому М. В. Баранчикова [4], О. Н. Бондарчик [5], Б. Лукьянов [9], В. В. Намнясев [10], З. Б. Соктоев [13] при расследовании дорожно-транспортного преступления настаивают на разрешении таких вопросов: установление условий аварийной обстановки, кем они были созданы. Мы поддерживаем их позицию, так как противоправные действия лиц, создающих аварийную обстановку на дороге, имеют особо важное значение для определения формы вины. Интересным и заслуживающим внимания представляется предложение З. Б. Соктоева об установлении уголовной ответственности не за нарушение Правил дорожного движения, а за «создание опасной ситуации вследствие нарушения» водителем, пассажиром, пешеходом, иным участником дорожного движения правил безопасности движения (правил дорожного движения для водителя) и эксплуатации транспорта, повлекших причинение общественно опасных последствий [13, с. 64].

Таким образом, для успешного противодействия дорожно-транспортной преступности необходимым является разграничение форм вины за такие

преступления путем установления в УК РФ отдельно уголовной ответственности за умышленное совершение дорожно-транспортного преступления, а для правильного применения уголовного закона, точной квалификации дорожно-транспортного происшествия и привлечения к уголовной ответственности исключительно виновного следует расширить и конкретизировать круг лиц, подпадающих под признаки субъекта дорожно-транспортного преступления, и установления уголовной ответственности не за причинение общественно-опасных последствий, а за создание аварийной ситуации, которая привела к их наступлению.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 декабря 1995 г., N 50. ст. 4873.
2. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. N 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [Текст] // Собрание законодательства РФ. 2007. N 7. Ст. 837.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25. ст. 2954.
4. Баранчикова М. В. Проблемы квалификации нарушений Правил дорожного движения пешеходами // Мировой судья, 2011, № 8. URL: <http://www.center-bereg.ru/m1356.html>
5. Бондарчик О. Н. Преступные нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и их предупреждение: Криминологический и уголовно-правовой аспекты: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.08; МВД России. Санкт-Петербургский университет. – СПб., 2005. – 23 с.
6. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
7. Зворыгина С. А. Актуальные вопросы уголовно-правовой оценки субъектов дорожно-транспортных преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – № 3 (17). – С. 66–76.
8. Кирюшкин В. В. Проблемы квалификации и расследования дорожно-транспортных происшествий // Учебно-методическое пособие. – Вологда. – 2014. – 76 с.
9. Лукьянов Б. Форма вины в дорожно-транспортных правонарушениях // Российская юстиция. – № 12, 2002. - URL: <http://www.center-bereg.ru/m3964.html>
10. Намнясев В. В. Особенности уголовной ответственности лиц, управляющих транспортными средствами, при обоюдном нарушении правил дорожного движения // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 20. – С. 111–113.
11. Пикуров Н. И. Квалификация транспортных преступлений: Научно-практическое пособие. – М.: РАП, 2011. – С. 46.
12. Показатели состояния безопасности дорожного движения. – <http://stat.gibdd.ru/>
13. Соктоев З. Б. О взаимообусловленности причинной связи и вины в дорожно-транспортных преступлениях // Уголовное право. – 2013. – № 4. – С. 62–67.
14. Тарасов С. В. Проблемы определения формы вины в транспортных преступлениях. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 9 (47): в 2-х ч. Ч. II. – С. 164–167.
15. Трофимов С. Особенности установления субъективной стороны преступлений в сфере использования транспорта. – URL: <http://www.lawmix.ru/comm/5904>

Midlovetts M. V. The Problems of Determining the Subject of a Road Traffic Offenses // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 84–89.

The article studies the participants in a traffic accident, as potential subjects of crimes under Art. 264, 264.1, 268 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely the driver, passenger, pedestrian. The author examines the theoretical research achievements in the domain of the subject and the form of guilt, the objective side of road traffic offenses. In accordance with the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and of traffic rules is determined by the number of participants of traffic that their illegal actions create an emergency situation on the road. It is proposed to extend the established in the Criminal Code list of the subjects of a traffic offenses with such categories as a driver and / or passenger of another vehicle, provoked a traffic accident. The article examines the problems of qualification of such acts and the complexity

of the criminal prosecution of certain persons. The paper analyzes the problem of determining the shape of the guilt of traffic offenses, which should be determined separately based on the relationship of a person to socially dangerous consequences and violations of traffic regulations. The author proposes the criminalization of intentional traffic offense. The paper expressed the need to improve the legislation in question of criminal liability for the creation of an emergency situation, which led to a socially dangerous consequences, but not for violation of traffic rules, that would eliminate an innocent party to a traffic accident in the criminal liability.

Keywords: road traffic offense, the subject, the objective side, creating a dangerous traffic situation, guilt, intent, carelessness.

Spisok literatury

1. Federal'nyj zakon ot 10.12.1995 N 196-FZ «O bezopasnosti dorozh-nogo dvizhenija». // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 dekabnja 1995 g., N 50, st. 4873.
2. Federal'nogo zakona ot 9 fevralja 2007 g. № 16-FZ «O transportnoj bezopasnosti» [Tekst] // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2007. – № 7. St. 837.
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 ijunja 1996 g. N 63-FZ. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 ijunja 1996 g. N 25 st. 2954.
4. Baranchikova M. V. Problemy kvalifikacii narusenij Pravil do-rozhnogo dvizhenija peshehodami // Mirovoj sud'ja. – 2011. – № 8. URL: <http://www.center-bereg.ru/m1356.html>
5. Bondarchik O. N. Prestupnye narushenija pravil dorozhnogo dvizhenija i jekspluatacii transportnyh sredstv i ih preduprezhdenie: Kriminologičeskij i ugolovno-pravovoj aspekty : Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08; MVD Rossii. Sankt-Peterburgskij universitet. – SPb., 2005. – 23 s.
6. Dannye sudebnoj statistiki Sudebnogo Departamenta pri Verhov-nom Sude Rossijskoj Federacii. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
7. Zvorygina S. A. Aktual'nye voprosy ugolovno-pravovoj ocenki sub#ektov dorozhno-transportnyh prestuplenij // Juridicheskaja nauka i pravo-ohranitel'naja praktika. – 2011. – №3 (17). – S.66 – 76.
8. Kirjushkin V. V. Problemy kvalifikacii i rassledovanija dorozhno-transportnyh proisshestvij // Uchebno-metodicheskoe posobie. – Vologda. – 2014. – 76 s.
9. Luk'janov B. Forma viny v dorozhno-transportnyh pravonarushenijah // Rossijskaja justicija. – № 12, 2002. - URL: <http://www.center-bereg.ru/m3964.html>
10. Namnjasev Vitalij Vladimirovich Osobennosti ugolovnoj otvet-stvennosti lic, upravljajushih transportnymi sredstvami, pri obojudnom narushenii pravil dorozhnogo dvizhenija // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija . 2014. №20. S.111-113.
11. Pikurov N. I. Kvalifikacija transportnyh prestuplenij: Nauchno-prakticheskoe posobie. – M.: RAP. 2011. – S. 46.
12. Pokazateli sostojanija bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija. <http://stat.gibdd.ru/>
13. Soktoev Z. B. O vzaimoobuslovlennosti prichinnoj svjazi i viny v do-rozhno-transportnyh prestuplenijah. // Ugolovnoe pravo. – 2013. – № 4. – S. 62 – 67.
14. Tarasov S. V. Problemy opredelenija formy viny v transportnyh prestuplenijah. – Tambov: Gramota, 2014. – № 9 (47): v 2-h ch. Ch. II. – C. 164 – 167.
15. Trofimov S. Osobennosti ustanovlenija subektivnoj storony pre-stuplenij v sfere ispol'zovanija transporta. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/5904>.

УДК 343.195.6

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР В СИСТЕМЕ ПРАВОСУДИЯ

Лузик А. А., Омельченко Т. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются правовая сущность и значение постановления оправдательного приговора в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. На основании статистических данных анализируется количество постановлений оправдательных приговоров в разные годы, а также выделяются основные причины, влияющие на современное соотношение обвинительных и оправдательных приговоров. Сделан обобщающий вывод о месте оправдательного приговора в системе правосудия.

Ключевые слова: приговор, уголовное судопроизводство, оправдательный приговор.

Результатом уголовного судопроизводства, основной его целью и задачей является разрешение дела по существу и вынесение судебного решения. Итоговое судебное решение по уголовному делу оформляется чаще всего в виде оправдательного или обвинительного приговора. Именно в приговоре дается ответ на вопрос о квалификации совершенного деяния, о необходимости наказания лица, признанного виновным в совершении преступного деяния. Действующее законодательство не признает в качестве итогового решения судебного разбирательства «оставление в подозрении»¹, а обязывает суд постановить либо оправдательный, либо обвинительный приговор.

Анализ судебной практики позволяет констатировать, что в Российской Федерации существует явный и значительный перевес в пользу обвинительных приговоров. Это может быть свидетельством либо карательной направленности правосудия, либо эффективной работы следственных органов и государственного обвинения. Высокая эффективность предварительного следствия позволяет суду, рассматривая дело и изучая собранные следствием доказательства, устанавливать истину и в соответствии с законом принимать окончательное решение.

Для того чтобы утверждать, какое место в системе уголовного судопроизводства занимает оправдательный приговор, является ли он индикатором эффективного правосудия или же это своеобразная «погрешность» в работе следственных органов, необходимо ответить на такие вопросы:

- 1) значение оправдательного приговора для обвиняемого и государства;

¹ «Оставление в подозрении» – одно из окончательных решений по уголовному делу, при котором лицо хотя и не призывалось виновным в совершении вменяемого деяния, но и не признавалось не виновным. Например, Свод законов Российской империи 1932 года предусматривал: «Если против подсудимого, при недостатке полного доказательства, есть, однако же, некоторые улики, то в зависимости от важности обвинения улики, суд может: 1) оставлять его просто в подозрении, более или менее сильном; 2) отдавать его под надежное поручительство в хорошем впредь поведении, не освобождая его однако вовсе от подозрения, ибо в последствии времени могут открыться против него новые улики, по коим поручители должны быть обязаны предоставить его к суду; 3) давать ему присягу» (ст. 344).

- 2) факторы, влияющие на постановление оправдательных приговоров;
- 3) статистика оправдательных приговоров;
- 4) место оправдательного приговора в системе правосудия РФ.

Оправдание невиновного соответствует одной из целей правосудия (ст. 6 УПК РФ). Для того, чтобы суд постановил решение об оправдании подсудимого, необходимо установить, что отсутствует вина подсудимого в совершении преступления, отсутствуют событие или состав преступления.

Оправдательный приговор подтверждает невиновность подсудимого. Должным образом проверяя и исследуя (без предубеждения в отношении виновности подсудимого) доказательства, суд должен отказать в принятии всех недопустимых доказательств. Постановляя оправдательный приговор, суд как бы указывает на допущенные органами предварительного расследования, прокуратурой ошибки, которые, в свою очередь, повлекли нарушение прав подсудимого. В порядке главы 18 УПК РФ государство реализует для оправданного право на реабилитацию, включающее в себя право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

Можно выделить следующие факторы, влияющие на постановление оправдательных приговоров.

1. Действующая уголовная политика, проявляющаяся в правотворчестве и правоприменении: принятии нормативно-правовых актов, регламентирующих основания, виды и размер ответственности за преступления, а также непосредственной деятельности правоохранительных органов и отправлении правосудия.

2. Законодательно установленные требования к достаточности доказательств, а также институт признания доказательств недопустимыми.

3. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации, Пленума Верховного суда Российской Федерации, устоявшаяся судебная практика.

4. Качество осуществления предварительное расследования.

5. Особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ), а также возможность рассмотрения дела с участием присяжных заседателей (глава 42 УПК РФ).

6. Общественное мнение сформировано под влиянием СМИ и правоохранительных органов так, что образ оправдательного приговора в первую очередь ассоциируется с необъективностью либо коррумпированностью суда [1].

Характер выносимых судами решений (таб. 1) свидетельствует о подавляющем большинстве вынесения обвинительных приговоров в настоящее время [3].

Таблица 1. Показатели оправдательных приговоров в России (в соотношении с обвинительными).

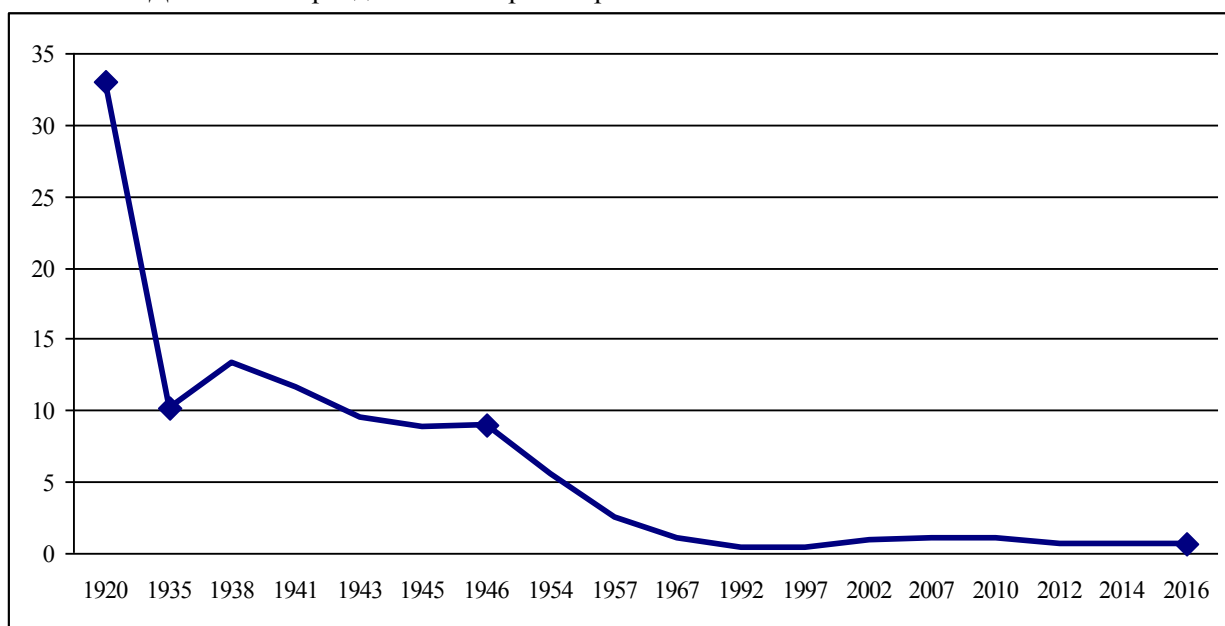
Год	% оправдательных приговоров	Год	% оправдательных приговоров	Год	% оправдательных приговоров
1920	33 %	1946–1953	9 %	1992	0,4 %
1935	10,2 %			1998	0,32 %

1938	13,4 %	1954–1956	5,5 %	2002	0,87 %
1939	11,1 %			2007	1,1 %
1941	11,6 %	1957–1966	2,5 %	2010	1,05 %
1943	9,5 %			2013	0,74 %
1945	8,9 %	1970	1 %	2016	0,61 %

Для сравнения отметим, что в XIX веке в России суд присяжных выносил оправдательные решения в отношении 40 % подсудимых, в XX веке, вплоть до 1917 г., – в отношении 25 % подсудимых. Мизерные проценты вынесения оправдательных приговоров в современной России обусловили законодательную инициативу Президента Российской Федерации В. В. Путина в феврале 2016 года о расширении сферы применения суда присяжных до уровня районных судов в целях обеспечения доступности данной формы правосудия для граждан.

В советский период значительное число оправдательных приговоров приходится на период, когда уничтожались «враги народа» несудебными методами. В связи с неудовлетворительным уровнем предварительного следствия народными судами РСФСР в период с 1935 г. по 1941 выносилось свыше 10 % оправдательных приговоров [4]. Рост числа оправдательных приговоров в 2002 году можно связать с введением в действие УПК РФ 2001 года, в котором были расширены права защитников, появилась возможность отказа прокурора от обвинения в ходе судебного разбирательства, что влечет прекращение уголовного дела [2]. Таким образом, очевидна разница в количестве постановляемых оправдательных приговоров ранее и в настоящее время (рис. 1).

Рис. 1– Динамика оправдательных приговоров с 1920 по 2016 гг.

Вероятность принятия судом неправильного решения (т. е. незаконного, необоснованного, несправедливого) в соответствии с УПК РФ признается, об этом

свидетельствует наличие в УПК РФ норм об обжаловании судебного решения в вышестоящих судах. Кроме того, все современные страны признают институты обжалования судебных решений, в связи с чем существуют апелляционное, кассационное обжалование, пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам.

Даже самый добросовестный судья не застрахован от ошибок в принятии решения, поскольку любая деятельность человека предполагает вероятность допущения ошибок, обусловленных уровнем профессиональной грамотности, физическим либо эмоциональным состоянием, внимательностью, а также объемом нагрузки (например, среднегодовая нагрузка на судью, включая мировые суды и суды общей юрисдикции, в 2010 г. составляла 857 дел в год, что дает примерно 17 дел в неделю) [6, с. 129].

С чем же связан тот факт, что процент оправдательных приговоров составляет менее 1 %?

В суд, как правило, попадают дела, по которым не может быть оправдательного приговора. Это объясняется тем, что дела, по которым существует возможность вынесения судебного решения в пользу подсудимого, прекращаются еще на стадии предварительного расследования. Следователь, руководитель следственного органа и прокурор при выявлении следственных ошибок или недостаточности доказательств должны прекратить такое уголовное преследование.

Для сотрудников органов предварительного расследования оправдание означает, что невиновное лицо необоснованно было привлечено в качестве подозреваемого. Следователь представил недопустимые доказательства (что может иметь место как из-за добросовестного заблуждения, так и в силу злоупотребления властными полномочиями – предоставление доказательств, собранных с умышленным пренебрежением правил, установленных в УПК РФ), бесосновательно нарушил или ограничил конституционные права подозреваемого. Для прокурора оправдание свидетельствует о том, что он ошибочно утвердил обвинительное заключение, а также государственный обвинитель неэффективно участвовал в судебном заседании. Таким образом, следователь и прокурор заинтересованы в том, чтобы исключить возможность постановления оправдательного приговора.

По мнению практиков, оправдательный приговор всегда влечет неблагоприятные последствия, например, для сотрудников прокуратуры, призванных обеспечить квалифицированное поддержание обвинения, постановление оправдательных приговоров – основание для наложения дисциплинарного взыскания, которое в дальнейшем будет препятствием при переаттестации [7]. Таким образом, органы прокуратуры всеми силами статистику поддерживают на необходимом уровне. Осуществление предварительного расследования, утверждение обвинительного заключения (акта) являются своеобразным фильтром для отбора «перспективных» дел, тех, по которым существует наиболее высокая вероятность постановления обвинительного приговора. Поэтому в суд зачастую передаются простые дела, содержащие достаточную базу доказательств, а также признание подозреваемого.

Если сотрудники правоохранительной системы работают качественно, то суд, основываясь на собранных доказательствах и установленных фактах, постановляет справедливый приговор.

Считается, что развитый институт предварительного следствия способствует постановлению судом именно обвинительных приговоров, так как, например, после проверки сообщения о преступлении в возбуждении уголовного дела отказывают из-за отсутствия состава или события преступления.

Также следует учитывать, что существуют случаи, когда постановление оправдательного приговора исключено. Это случай рассмотрения дела в особом

порядке, так называемая упрощенная форма судебного разбирательства, когда подсудимый соглашается с предъявленным ему обвинением, после чего судебный процесс проходит без исследования доказательств и сводится к определению вида и размера наказания. При этом назначенный судом срок не может превышать 2/3 от максимального наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК. Таким образом (таб. 2), в 2015 году приблизительно в 67 % рассматриваемых судами дел постановление оправдательного приговора было невозможно.

Таблица 2. Соотношение рассматриваемых дел всего и в особом порядке

Год	Рассмотрение дел по существу		Осуждено лиц	Оправдано лиц	Рассмотрено дел в особом порядке (Раздел X УПК РФ.)
	С постановлением приговора	С прекращением дела			
2007	807 712	307 041	931 057	10 216	382 762
2008	828 490	277 456	941 936	10 027	476 459
2010	784 066	234 286	870 082	9 152	553 099
2011	730 846	230 031	806 728	8 855	570 299
2012	697 122	212 339	764 263	5 164	575 292
2014	692 073	210 437	746 248	5 167	603 048
2015	707 867	220 255	762 958	4 297	627 661

Однако, на наш взгляд, существует и иная причина обвинительного уклона правосудия – так называемая солидарность системы, которая признает недопустимость оправдания. Эффективность работы судов и судей негласно оценивается по количеству рассмотренных дел, а также количеству обвинительных приговоров и обжалуемых решений. Не редки случаи, когда за постановление оправдательного приговора судей привлекают к дисциплинарной ответственности. Оправдательный или слишком мягкий приговор является причиной для подозрения судьи в заинтересованности и коррупции. Оправдательные приговоры отменяются вышестоящими инстанциями в 3–4 раза чаще, чем обвинительные, это также является сдерживающим фактором для судей [8]. Для сотрудников прокуратуры и следственных органов оправдательный приговор является показателем их неэффективной работы, допущенных ошибок и в будущем влечет негативные последствия.

Можно ли считать 1 % оправдательных приговоров достаточным? Получается, что из ста случаев рассмотрения уголовных дел максимум в одном будет принят оправдательный приговор. Однако судьями, следователями, прокурорами в нашей стране являются обычные люди. Могут ли судьи быть объективными и беспристрастными более чем в 99 % случаев? Или же судья, зная, что его долг – вынести обвинительный приговор, уже беря в руки материалы уголовного дела, может сказать, что результатом рассмотрения дела будет обвинительный приговор. Сохраняются ли при этом принципы непредвзятости, беспристрастности, объективности, равной оценки доказательств, а главное – презумпции невиновности? Ответ на этот вопрос достаточно очевиден. Историческими примерами таких решений являются дела Сократа, Жанны д'Арк, Дрейфуса, Чикатило.

УПК РФ, признавая право на судебную ошибку, что подтверждается возможностью вышестоящего суда принять новое решение, официально не признает возможность ошибки следствия. Данный недостаток действующего уголовно-процессуального законодательства выражается в следующем. В соответствии со статьей 299 УПК РФ двумя отправными вопросами, которые

разрешает суд при принятии решения, являются: имело ли место совершение преступления и виновен ли подсудимый в совершении данного преступления. В случае положительного ответа на первый вопрос и отрицательного – на второй выносится оправдательный приговор, а уголовное дело прекращается. Таким образом, даже если установлено, что имело место событие преступления, но неправильно определен субъект преступления, вместо поиска и наказания действительно виновного лица уголовное преследование по общему правилу далее не продолжается.

Однако именно постановление оправдательного приговора свидетельствует о том, что уголовное преследование лица, в дальнейшем оправданного, осуществлялось напрасно, были нарушены конституционные права и свободы, а органы предварительного следствия и прокуратуры допустили ряд ошибок, поскольку собранной доказательственной базы оказалось недостаточно.

В данном случае цели уголовного процесса достигаются не в полной мере, так как, несмотря на то, что невиновный оправдан, действительно виновное лицо остается безнаказанным. Поэтому будет уместным, что в случае постановления судом оправдательного приговора органы следствия должны иметь возможность исправить допущенные ошибки и в порядке раздела 8 УПК РФ заново осуществить предварительное расследование.

Существует мнение, что оказать помощь сторонам в собирании и проверке доказательств может учреждение в России корпуса следственных судей. Одновременно это позволит бороться с бесконтрольностью следователей, поскольку наличие строгого судебного контроля будет тем фильтром, который «отбивает само желание составлять необоснованные ходатайства или попытку передать в суд бездоказательные материалы» [9].

Таким образом, устранение предвзятости судов в отношении рассматриваемых дел, возможность органов предварительного расследования исправить допущенные ошибки должны способствовать устранению явного перевеса обвинительных приговоров. Хотя статистические данные в данном случае не являются основополагающим фактором. Оправдание невиновного лица способствует поиску истины, а равно и борьбе с преступностью, поскольку недопустимо, когда действительно виновный, настоящий преступник остается безнаказанным и имеет возможность и дальше совершать общественно опасные деяния, а в отношении невиновного – жертвы правоохранительной системы – выносится обвинительный приговор.

Список литературы

1. Чурилов Ю. Ю. Актуальные проблемы постановления оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: монография. – М.: Юристъ, 2010. – 201 с.
2. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. – М.: Проспект, 2009. – 140 с.
3. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 03.10.2016).
4. Кожевников М. В. История советского суда / Под ред. И. Т. Голякова. – М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. – С. 305, 349.
5. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. 1 часть. – М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1975. – С. 160–161.
6. Волков В. Российские судьи: социологическое исследование профессии / Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. – М.: Норма, 2015. – 272 с.
7. Оправдательный приговор – это как падающая звезда [Электронный ресурс]. URL: <https://zona.media/article/2016/10/05/prosecutor> (дата обращения: 01.06.2016).
8. Поздняков М. Л. Суд и правоохранительная система – политика отмены оправдательных приговоров. URL: <https://>

http://enforce.spb.ru/images/Issledovanya/2014/IRL_Preprint_2014_03_M.Pozdnyakov_Sud-i-pravoohranitelnaya-sistema.pdf (дата обращения: 01.06.2016).

9. Михайлов М. А. Необходимость учета крымского опыта при решении вопроса о создании института следственных судей в Российской Федерации // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы III международной научно-практической конференции, 24–25 апреля 2015 года, г. Симферополь – Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – Симферополь, 2015. – С. 53–55.

Luzik A.A., Omelchenko T.V. Place of acquittal in the justice system // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). – № 3. – P. 90–96.

The article discusses essence and value of acquittal in the Russian Federation. On the basis of statistics displayed indicators of acquittal, and also highlights the main factors and reasons influencing it. Is made general conclusion about the place of the acquittal in the justice system.

Keywords: the verdict, the acquittal, criminal proceedings, acquittal.

Spisok literaturyi

1. Churilov Ju. Ju. Aktual'nye problemy postanovleniya opravdatelnogo prigovora v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve [Actual problems of the decision of acquittal in the Russian criminal trial]: monografija.– Moscow: Jurist, 2010. – 201 p.

2. Petruhin I. L. Opravdatel'nyj prigovor i pravo na rehabilitaciju [Acquittal and the right to rehabilitation] – Moscow: Prospekt, 2009. – 140 p.

3. Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii [These court statistics. Court Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed 03.10.2016).

4. Kozhevnikov M. V. Istorija Sovetskogo suda [The history of the Soviet court].– Moscow.: Jurid. izd-vo Minjusta SSSR, 1948.– P. 305, 349.

5. Jefferktivnost' pravosudija i problema ustraneniya sudebnyh oshibok. 1 chast'[Effectiveness of justice and the problem of removal of judicial errors] – Moscow: Institut gosudarstva i prava Akademi nauk SSSR, 1975.– P. 160–161.

6. Volkov V. Rossijskie sud'i: sociologicheskoe issledovanie professii [Russian judges: sociological investigation the profession] - Moscow: Norma, 2015.- 272 p.

7. Opravdatel'nyj prigovor — ehto kak padayushchaya zvezda [Acquittal - is like a shooting star]. URL: <https://zona.media/article/2016/10/05/prosecutor> (accessed 01.06.2016).

8. Pozdnyakov M. L. Sud i pravoohranitel'naya sistema — politika otmeny opravdatel'nyh prigovorov [Court and the law enforcement system – politics of cancellation acquittals]. Available at: https://enforce.spb.ru/images/Issledovanya/2014/IRL_Preprint_2014_03_M.Pozdnyakov_Sud-i-pravoohranitelnaya-sistema.pdf (accessed 01.06.2016)/

9. Mihaylov M. A. Neobhodimost ucheta krymskogo opyta pri reshenii voprosa o sozdanii instituta sledstvennyh sudey v Rossiyskoj Federatsii [Necessity of the account the Crimean experience when deciding the establishment of the institute of investigative judges in the Russian Federation]. Uголовное производство: protsessualnaya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: materialy III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Simferopol-Alushta [Criminal proceedings: procedural theory and criminalistic practice: materials of the III International scientific-practical conference, Simferopol-Alushta], 2015, P. 53–55.

УДК 343.3/7

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Пархоменко Л. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В данной статье исследовано содержание ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении», которая была включена в Уголовный кодекс 06.07.2016. Отдельное внимание уделено проблеме применения данной нормы права по отношению к священнослужителям и адвокатам, а также аргументируется необходимость внесенных изменений в УК РФ. Кроме того, в данной статье выделены основные признаки, которые характеризуют субъекта несообщения о преступлении, также предоставлен перечень лиц, которые не подлежат ответственности за несообщение о преступлении. Выделены признаки, которые присущи несообщению о преступлении. На основе анализа национального и зарубежного законодательства, судебной практики применения данной нормы права сформулированы рекомендации по квалификации преступлений, имеющих признаки несообщения о преступлении.

Ключевые слова: адвокат, преступление, несообщение о преступлении, уголовная ответственность, Уголовный кодекс Российской Федерации, субъект преступления, квалификация.

В 2016 году законодателем был дополнен Уголовный кодекс Российской Федерации статьей, предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении. До настоящего времени действующий Уголовный кодекс не содержал подобной нормы, но в УК РСФСР 1960 года предусматривалась ответственность за недонесение о преступлениях. При этом следует отметить, что в период действия данной нормы отдельные ученые выступали за исключение данной нормы из УК РСФСР 1960 года.

На этапе принятия УК РФ 1996 года в уголовно-правовой науке отсутствовала единая точка зрения касательно уголовной ответственности за недонесение о преступлении. Большинство авторов в своих трудах отстаивали идею декриминализации данной нормы, например О. А. Михаль [1, с. 21], А. В. Наумов [2, с. 20] и др. Но были и сторонники ответственности за несообщение о преступлении. А. С. Беницкий в своем труде «Субъект несообщения о преступлении» прямо указывает на необходимость и значение для науки уголовного права квалификации данного состава преступления [3]. Однако следует отметить тот факт, что сторонники криминализации уголовной ответственности настаивают на определении исчерпывающего перечня тех составов преступлений, за совершение которых предусматривается ответственность за недонесение, или в норме, которая регламентирует рамочное определение видов деяния, подпадающих под уголовно-правовую охрану.

Законодатель Российской Федерации предусмотрел уголовную ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать

сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 Уголовного кодекса [4]. Выбор законодателя о принятии данной правовой нормы обусловлен сложной ситуацией на международном уровне в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом. Так, А. А. Тер-Акопов отмечает, что принятие норм, предусматривающих уголовную ответственность за бездействие, а в том числе и в форме несообщения о преступлении, наблюдается на критических этапах развития государств, когда ситуация требует активизации деятельности всех членов общества, строгого выполнения ими своих обязанностей [5, с. 15].

Особого внимания заслуживают примечания к статье 205.6 УК РФ, согласно которым лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником. По сути, данная норма ограничивает круг субъектов данного состава преступления, что соответствует нормам Конституции Российской Федерации, а именно ч. 1 ст. 51: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом...» [6]. Вместе с тем в части второй указанной статьи Конституции указана возможность установления и иных случаев освобождения от обязанности дачи свидетельских показаний в соответствии с федеральным законом. Так, следует отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежат допросу в качестве свидетелей:

1) судья, присяжный заседатель – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу;

2) адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием;

3) адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи;

4) священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди;

5) член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без их согласия – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий;

6) должностное лицо налогового органа – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с предоставленными сведениями, содержащимися в специальной декларации, представленной в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и (или) прилагаемых к ней документах и (или) сведениях;

7) арбитр (третейский судья) – об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе арбитража (третейского разбирательства) [7].

Анализируя вышеуказанный круг лиц, можно прийти к выводу, что священнослужители и адвокаты могут стать обладателями информации о

подготовке или совершении преступлений, которые предусмотрены ст. 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исходя из того, что законодатель не включает в примечание данный круг лиц как субъектов, которые не подлежат уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления, можно прийти к выводу, что за несообщение ставших известными им сведений указанные лица будут подлежать уголовной ответственности на общих основаниях. В соответствии с ч. 1 ст. 3 УК РФ преступность деяния, наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются Уголовным кодексом Российской Федерации, а потому, несмотря на содержание ст. 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», которая предусматривает охрану тайны исповеди и право священнослужителя на отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны в ходе исповеди, несообщение о преступлении повлечет наступление уголовной ответственности [8]. Аналогично лицо не освобождается от уголовной ответственности на основании ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которой адвокат не может быть допрошен по обстоятельствам, которые стали ему известны в ходе оказания юридической помощи на профессиональной основе. Обобщая вышеуказанную информацию, следует отметить, что в данных федеральных законах идет речь об иммунитете адвокатов и священнослужителей от допроса, а не от сообщения о преступлении. Так выходит, что священнослужитель и адвокат должны донести о преступлении, но не могут быть допрошены по данному факту, если эта информация стала им известна в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей. А потому думается логичным включение данных категорий субъектов в круг лиц, которые не подлежат уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления.

Информация о совершении преступления может быть получена медицинским работником в ходе медицинского осмотра или дискуссии с пациентом. В таком случае сообщение медицинским работником о преступлении будет граничить с нарушением врачебной тайны, предусмотренной ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации». В зарубежной юридической литературе высказывают идеи об исключении медицинских работников из круга субъектов несообщения о преступлении. В некоторых европейских государствах медицинские работники не несут ответственность за несообщение о преступлении в случае, когда им стало известно о преступлении в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей. Однако следует обратить внимание на тот факт, что, несмотря на федеральные законы, которые регулируют медицинскую сферу деятельность, в действующем законодательстве отсутствует понятие сведений, полученных в ходе медицинского обследования. Подобными сведениями может быть информация о ранее совершенном пациентом преступлении. Но данная информация не относится к врачебной тайне, содержание которой раскрывается в ст. 61 ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «Информация о факте обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья гражданина, диагнозе его заболевания и иные сведения, полученные при его обследовании и лечении, составляют врачебную тайну. Гражданину должна быть подтверждена гарантия конфиденциальности передаваемых им сведений.

Не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении профессиональных, служебных и иных обязанностей, кроме случаев, установленных частями третьей и четвертой настоящей статьи.

С согласия гражданина или его законного представителя допускается передача сведений, составляющих врачебную тайну, другим гражданам, в том числе должностным лицам, в интересах обследования и лечения пациента, для проведения научных исследований, публикации в научной литературе, использования этих сведений в учебном процессе и в иных целях.

Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается:

1) в целях обследования и лечения гражданина, не способного из-за своего состояния выразить свою волю;

2) при угрозе распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений;

3) по запросу органов дознания и следствия и суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством;

4) в случае оказания помощи несовершеннолетнему в возрасте, установленном частью второй статьи 24 настоящих Основ, для информирования его родителей или законных представителей;

5) при наличии оснований, позволяющих полагать, что вред здоровью гражданина причинен в результате противоправных действий;

6) в целях проведения военно-врачебной экспертизы в порядке, установленном положением о военно-врачебной экспертизе, утверждаемым уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Лица, которым в установленном законом порядке переданы сведения, составляющие врачебную тайну, наравне с медицинскими и фармацевтическими работниками с учетом причиненного гражданину ущерба несут за разглашение врачебной тайны дисциплинарную, административную или уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации...» [10]. Поэтому медицинских работников, которым в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей стало известно о совершенном пациентом преступлении, следует включить в круг лиц, которые не могут быть субъектами несообщения о преступлении.

Обращаясь к зарубежному опыту криминализации уголовной ответственности за несообщение о преступлении, положительным опытом думается выделить регламентацию во Франции. Так, согласно ст. 434 – 1 и 226 – 13 Уголовного кодекса Франции, не подлежат уголовной ответственности лица, которые не сообщили о преступлении, обязанные хранить тайну в силу своего положения или профессии, либо в силу занимаемой ими должности или временно выполняемых обязанностей [9].

Таким образом, российский законодатель, предусмотрев уголовную ответственность за несообщение о преступлении и не исключив ее для священнослужителей и адвокатов по отношению к тайне исповеди и адвокатской тайне, создал серьезные трудности в практике применения новой нормы.

Предусмотренные нормы ст. 205.6 УК РФ, по сути, противоречат законодательству, которое регулирует религиозную и адвокатскую деятельность, а также создают коллизию с уголовно-процессуальным законодательством.

Разрешение сложившихся проблемных вопросов представляется возможным путем дополнения примечания к статье 205.6 УК РФ. Осуществить это можно путем либо добавления существующего перечня субъектов, не подлежащих уголовной ответственности за несообщение о преступлении священнослужителями и адвокатами, либо указанием более общей формулировки, исключив также уголовную ответственность лиц, которые обязаны в соответствии с действующим законодательством сохранять в тайне ставшую им известной информацию. Причем, учитывая конструкции исследуемого примечания и исключение неоднозначного толкования, первый вариант представляется более удачным.

Исходя из вышеуказанного, следует, что примечание в ст. 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо дополнить следующим образом: «Не подлежит уголовной ответственности лицо за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником, а также адвокаты о преступлениях, ставших известными в связи с оказанием юридической помощи доверителю, священнослужители о преступлениях, ставших известными из исповеди, и медицинские работники в ходе обследования». Это позволит исключить противоречия имеющейся нормы с нормами других отраслей права Российской Федерации.

Список литературы

5. Михаль О. А. Соотношение прикосновенности к преступлению с квалификацией преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2008. – № 3. – С. 20–22.
6. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М., 1996.
7. Беницкий А. С. Субъект несообщения о преступлении // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 2 (21). – С. 199–205.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c4bb1f325f985bb285ba1036d8e40c80b464f8f7/.
9. Тен-Акопов А. А. Бездействие как форма преступного поведения. – М.: Юрид. Лит, 1980. – С. 152.
10. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. <http://vladrieltor.ru/constitution2>.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
12. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ (действующая редакция, 2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/.
13. Code penal. Version consolidee Version consolidee au 9 octobre 2016 <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719>
14. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (действующая редакция, 2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

Parkhomenko L. V. Crimean federal university named after V. I. Vernadskyi Actual issues of problems of criminal responsibility for not informing about the crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). – № 3. – P. 97–102.

The article analyses article 205.6 included in the criminal code in July 2016, in particular the note for excluding criminal responsibility for not informing about the crime. Attention is drawn to the problems of

application of this regulation in respect of the clergy and lawyers, and argued for changes in the criminal code. The article sets the features that characterize the guilty person of failing to report a crime. The list of persons who should not be prosecuted for failing to report a crime is given. The paper provides recommendations on the definition of crimes, having signs of failure to report a crime, on the basis of analysis of national and international legislation and judicial practice.

Key words: lawyer, crime, failure to report a crime, criminal liability, criminal code, perpetrator, qualification.

Spisok literaturyi

- 1) Mihal O. A. Sootnoshenie prikosnovennosti k prestupleniyu s kvalifikatsiyey prestupleniy // Nauchnyiy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2008. – №3. – s. 20 – 22.
- 2) Naumov A. V. Ugolovnoy pravo. Obschaya chast: Kurs lektsiy. – M., 1996.
- 3) Benitskiy A.S. Sub'ekt nesoobschzheniya o prestuplenii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2015. – №2 (21). – s. 199 – 205.
- 4) Ugolovnyiy Kodeks Rossiyskoy Federatsii. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c4bb1f325f985bb285ba1036d8e40c80b464f8f7/
- 5) Ten – Akopov A.A. Bezdeystvie kak forma prestupnogo povedeniya. M.: Yurid. Lit, 1980. S. 152.
- 6) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [elektronnyiy resurs] <http://vladrieltor.ru/constitution2>
- 7) "Ugolovno-protsessualnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 18.12.2001 N 174-FZ (red. ot 06.07.2016) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
- 8) Federalnyiy zakon "O svobode sovesti i o religioznyih ob'edineniyah" ot 26.09.1997 N 125-FZ (deystvuyuschaya redaktsiya, 2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/
- 9) Code penal. Version consolidee Version consolidée au 9 octobre 2016 <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719>
- 10) the Federal law "About bases of health protection of citizens in Russian Federation" dated 21.11.2011 N 323-FZ (as amended, 2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

УДК 343.148; 343.98

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: АСПЕКТ МОДАЛЬНОСТИ

Панько Н. А.

г. Донецк

Рассмотрены проблемные аспекты оценки заключения по результатам специального исследования с позиции аспекта модальности; изучены позиции ведущих ученых относительно проблем определения понятий аргументации, модальности и ее категорий, речевого воздействия и установки. Установлено, что персонификацией объектов и материалов, поступающих на специальное исследование, обусловлено психологическое воздействие на специалиста (эксперта) и, как следствие, отражение в его сознании определенных установок, отражающих личное эмоциональное отношение специалиста (эксперта) к своему оценочному высказыванию. Рекомендуется внепроцессуальному субъекту доказывания обращать внимание на факты, которые оказывают психологическое воздействие, и исключать их или заменять на нейтральные, поскольку аспект модальности сказывается на аргументационных свойствах текста заключения по результатам специального исследования.

Ключевые слова: специалист (эксперт), специальное исследование, заключение по результатам специального исследования, доказательственное значение, аргументация, модальность и ее категории, эмоциональное воздействие.

Эффективным средством установления истины на всех этапах расследования и судебного рассмотрения уголовных дел любой категории является применение специальных знаний. Так, проведение специальных исследований играет важную роль и в процедуре документирования событий с признаками военных и иного вида преступлений внепроцессуальным субъектом доказывания [1, с. 256].

Исследованиям вопросов применения специальных знаний и значению заключений по результатам таких исследований посвящен ряд трудов ведущих ученых-криминалистов, например, Л. Е. Ароцкера, Р. С. Белкина, А. И. Винберга, Н. И. Клименко, В. Я. Колдина, В. П. Колмакова, В. Е. Коноваловой, Ю. Г. Корухова, А. М. Моисеева, И. Л. Петрухина, А. Р. Шляхова, А. А. Эйсмана и др. Однако исследованию эмоционального влияния на специалиста (эксперта) в результате изучения им материалов документирования и, как следствие, субъективной составляющей, которую обретает заключение по результатам специального исследования, не было уделено надлежащего внимания.

Целями научной статьи является исследование влияния на специалиста (эксперта) в результате изучения им материалов документирования и разработка рекомендаций относительно оптимизации заключения по результатам специального исследования с учетом указанного критерия.

Специалист (эксперт) в процедуре документирования – лицо независимое, поэтому при проведении специальных исследований действует самостоятельно и может не учитывать мнения внепроцессуального субъекта доказывания и иных участников документирования. Однако на него в любом случае влияют материалы

документирования, представляемые ему вместе с объектами для проведения исследований.

Заключение по результатам специального исследования подлежит оценке в первую очередь внепроцессуальным субъектом доказывания для решения вопроса о приобщении представленного заключения к материалам документирования. Оценивается заключение по результатам специального исследования по двум критериям – научной достоверности и доказательственному значению представленного заключения. Содержанием оценки заключения по результатам специального исследования, как и других источников доказательств, является допустимость, аутентичность и полнота.

Критерием признания заключения по результатам специального исследования допустимым является соблюдение двух основополагающих принципов, касающихся материалов, предоставляемых на исследование: 1) если при собирании и закреплении их не были нарушены гарантированные Конституцией и нормами международного законодательства права человека и гражданина; 2) если не были допущены нарушения установленного порядка их собирания и закрепления, влекущие неустранимые сомнения в достоверности полученных доказательств [2, с. 36]. Кроме того, в процессе оценки заключения по результатам специального исследования немаловажным является также правильность его оформления, наличие необходимых реквизитов, правильное отображение представленных объектов в тексте заключения, т. е. специалист (эксперт) должен применять формализованное наименование объекта, его составляющих, признаков и свойств, оперируя при этом исключительно научной терминологией, соответствующей той области знаний, к которой принадлежит исследуемый объект [3, с. 733; 4, с. 98].

Оценка допустимости заключения по результатам специального исследования тесно связана и с оценкой компетентности специалиста (эксперта), предусматривающей наличие у него профильного образования, стажа работы по специальности, должности, ученой степени и звания, стажа, количества публикаций и т. д.

Полнота заключения по результатам специального исследования предусматривает: полноту использования материалов, предоставляемых специалисту (эксперту); применения разнообразных методов исследования, дополняющих друг друга; полноту описания хода выполненной специалистом (экспертом) работы в заключении.

Аутентичность заключения по результатам специального исследования в значительной степени зависит от достоверности научных знаний, которыми владеет специалист (эксперт), обоснованности примененной при проведении исследования методики [3, с. 733].

Значительное влияние на оценку заключения по результатам специального исследования оказывает его аргументированность, являющаяся одной из основных характеристик такого заключения, чем и определяется его доказательственное значение [5, с. 148]. В исследовательской части заключения специалист (эксперт) должен представить анализ и синтез результатов исследований, обоснование установленных фактических данных, представить научное объяснение свойствам, устанавливаемым исследованием объектов [6]. В тексте своего заключения специалист (эксперт) должен предоставить обстоятельную оценку результатов

проведенных исследований, а также аргументировать сделанные выводы. Заключение по результатам специального исследования отражает основания внутреннего убеждения специалиста (эксперта), что способствует формированию внутреннего убеждения как внепроцессуального субъекта доказывания, так и субъектов международных судебных инстанций относительно доказательственного значения этого источника доказательств.

Указание специалистом (экспертом) исследуемого объекта в своем заключении должно убедить внепроцессуального субъекта доказывания и иных субъектов в реальности его существования и адекватности выражения языковыми средствами. Показателем убедительности текста является подтверждение описания фотоиллюстрациями, а также соблюдение требований к оформлению текста, отсутствие фактических, логических и орфографических ошибок. Целесообразной является рекомендация специалистам (экспертам) описывать признаки в логической последовательности, сопровождая их фотоиллюстрациями, строго придерживаясь требований к оформлению такого рода документов [4, с. 98–99].

В довершение, заключение по результатам специального исследования должно быть изложено четко и быть понятно не только для специалиста, но и любого участника документирования [7, с. 161–162]. Иначе же для оценки внепроцессуальным субъектом доказывания доказательственного значения установленных специалистом (экспертом) фактов и обстоятельств необходимо дополнительно получить разъяснения специалиста (эксперта) относительно представленного заключения.

В литературе философского направления аргументация определена как убеждение других лиц путем обоснования правильности своей позиции [8]. Доказательность обеспечивают такие свойства текста, как истинность его положений; аргументированность, которая зависит от качества и количества использованных для доказательства когнитивных операций; целостность текста, отражающая логику смысловой предикации; информативность, которая содержит информационную насыщенность и новизну (полезность) [9, с. 6]. Проблема аргументированности заключения по результатам специального исследования весома в обеспечении его правильного восприятия при установлении доказательственного значения внепроцессуальным субъектом доказывания и иными субъектами. Аргументацию рассматривают как комплексное явление, в котором происходит диалектическое объединение процессов – внутреннего, который складывается из получения аргументов, формирования внутреннего убеждения о предмете аргументации, принятия решения относительно необходимости аргументирования; и внешнего, к которому относится взаимодействие специалиста (эксперта) с внепроцессуальным субъектом доказывания с целью убеждения его в правильности своей позиции. Из вышеизложенного следует, что задача аргументации – создать убедительное влияние за счет достоверности аргументов, их непротиворечивости, достаточности и последовательности их представления. В процессе аргументации действуют законы логики, что делает ее упорядоченной и детерминированной. Значимости в аргументации специалистом (экспертом) результатов проведенных специальных исследований приобретают такие аспекты: контекстный, оценочный, модальности, иллюстративный [10].

На аргументационные свойства текста заключения по результатам специального исследования существенно влияет личное отношение специалиста (эксперта) к своему оценочному высказыванию. В научной литературе оценочные соотношения рассматривают как один из видов модальности. Модальность высказываний в тексте заключения по результатам специального исследования можно понимать как личное отношение специалиста (эксперта) к объекту и результатам исследования [11, с. 54]. Поскольку любое высказывание в тексте заключения по результатам специального исследования о свойствах конкретного объекта исследования может иметь положительную/отрицательную или нейтральную окраску, то при необходимости оно содержит оценочное значение, т. е. становится модальным. Таким образом, аспект модальности играет важную роль в аргументации заключения по результатам специального исследования [11, с. 54].

В лингвистике модальность относится к наиболее существенным характеристикам предложения и трактуется как категория, выражающая связь высказывания с реальной действительностью [12, с. 28]. Определяется модальность как функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого [13, с. 303].

Категория модальности отражает два типа логико-грамматических связей: соотнесенность содержания предложения и объективной действительности (объективная модальность) и отношения говорящего к содержанию высказывания (субъективная модальность) [14, с. 17–18].

Субъективное отношение автора к окружающему миру, стремление повлиять на реципиента, квалификация событий с позиции субъекта речи – все это создает экспрессивный план текста [15, с. 193]. Экспрессивность текста следует понимать как определенный набор использованных в нем языковых средств, что позволяет наиболее отчетливо представить содержание текста и отношения к нему автора, вследствие чего усиливается влияние на эмоциональную, интеллектуальную и волевою сферы реципиента [15, с. 153]. Категория модальности достаточно емкая, разноплановая, она функционирует на всех языковых уровнях и представлена разнообразными языковыми средствами, свойственными тому или иному языку [16, с. 42].

Исследуя материалы документирования событий с признаками военных и иного вида преступлений на территории Донецкой Народной Республики, выявлены случаи, когда в заключениях по результатам специальных исследований присутствует аспект модальности, т. е. прослеживается определенное влияние на специалиста (эксперта) в результате изучения материалов документирования. Модальности придают, прежде всего, персонифицированные названия объектов специального исследования – например, привязанность объекта к имени определенного субъекта. Такая персонификация сообщений не может быть лишена эмоционального (языкового) влияния на того, кто его воспринимает, а модальность снижает аргументационные свойства текста заключения по результатам специального исследования, поскольку эмоциональность может рассеивать внимание участников документирования, иных субъектов, воспринимающих данное заключение, и отвлечь его от логической и оценочной аргументации.

Речевое воздействие понимается как влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, обусловленное особыми предметными целями говорящего, включающими изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку его категориальных конструкторов, влияние на поведение, изменение

эмоционального настроя либо психофизиологических процессов. Промежуточными задачами речевого воздействия являются: преодоление защитного барьера реципиента, «навязывание» тех или иных образов и мыслей, эмоций и установок. Речевое воздействие имеет и обратную сторону: это изменения смысловых структур, оценок, поведенческих моделей и психофизиологических процессов реципиента в результате речевого действия субъекта коммуникации [9, с. 6]. Это определенным образом влияет на подсознание адресата с помощью специфически маркированных компонентов и структур текста, косвенно, через бессознательное, что способствует реализации установки адресанта.

Установка – это готовность, склонность субъекта к восприятию дальнейших событий и действий в определенном направлении. Установка обеспечивает устойчивый целенаправленный характер протекания соответствующей деятельности, служит основой целесообразной избирательной активности человека, т. е. обеспечивает именно готовность к предстоящему действию [17].

Можно допустить, что путем персонификации объектов, а также материалов документирования, предоставляемых для проведения специального исследования, внепроцессуальный субъект доказывания может влиять на специалиста (эксперта), что является недопустимым в условиях необходимости предоставления материалов документирования событий с признаками военных и иного вида преступлений в органы международной юрисдикции.

Таким образом, рекомендуем внепроцессуальному субъекту доказывания, привлекая специалиста (эксперта), обращать внимание на факты, обуславливающие психологическое влияние, и исключать их или заменять на нейтральные, поскольку аспект модальности отражается на аргументационных свойствах текста заключения по результатам специального исследования и отражает личное эмоциональное отношение специалиста (эксперта) к своему оценочному высказыванию.

Список использованных источников:

1. Жигулин А. Общественность в условиях социального конфликта: юридико-международный аспект // Вестник Российской нации. 2015. № 5. С. 250–261.
2. Миронов В. Правила оценки допустимости доказательств // Законность. 2006. № 5. С. 35–36.
3. Панько Н. А. Висновок експерта та його оцінка // Форум права. – 2012. – № 1. – С. 728–733.
4. Моїсєєв О. М. Оптимізація опису об'єктів у висновку експерта // Криміналістичний вісник: наук.-практ. зб. / ДНДЕКЦ МВС України; НАВС. К.: ТОВ «Еліт Прінт», 2012. – № 1 (17). – С. 96–101.
5. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Ин-т повышения квалификации Росс. федер. центра судеб. экспертизы, 2005. – 264 с.
6. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. – М.: Норма, 2006. – 480 с.
7. Щербаковский М. Г. Судебные экспертизы: назначение, производство, использование: учеб.-практ. пос. Х.: Эспада, 2005. – 544 с.
8. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации. – К.: КГУ им. Тараса Шевченко, 1997. 300 с.
9. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: автореф. дисс. ... д-ра филолог. наук: 10.02.19 «Теория языка». – Челябинск, 2009. 42 с.
10. Моїсєєв О. М. Аспекти аргументації висновку експерта // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики. 2006. Вип. 6. – С. 136–143.
11. Моїсєєв О. М. Висновок експерта в контексті взаємодії процесуальних суб'єктів. – Донецьк: Норд-прес; ДонНУ; ДонНДІСЕ МЮ України, 2007. 188 с.
12. Войналович Л. П. Модальність як багатогаспектна лінгвістична категорія // Наукові записки Ніжинського державного університету ім. Миколи Гоголя. 2013. Кн. 3. С. 28–32.
13. Языкознание: большой энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
14. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 311 с.
15. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / под ред. В. Н. Телии, Г. А. Графова и др. – М.: Наука, 1991. – 214 с.
16. Супрун Л. В. Категорія модальності в загальнономовній інтерпретації // Лінгвістичні студії: зб. наук. пр. Вип. 16 / укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. – Донецьк: ДонНУ, 2008. – С. 36–43.

17. Узнатзе Д. Н. Общая психология / пер. с груз. Е. Ш. Чомахидзе; под ред. И. В. Имедадзе. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. 413 с.

Panko Nina. The results of the special study: the aspect of modality // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 103–108.

The problematic aspects of the testimony evaluation according to the results of the special study from the perspective of the aspect of modality have been considered; the positions of the leading scientists in reference to the problems of definition of the argumentation, modality and its categories, linguistic manipulation and attitude have been studied. It has been established that the psychological impact on a specialist (expert) has been determined by the personification of the objects and materials, coming on the special study and, as a result, the reflection in his/her mind of the certain attitudes, reflecting the private emotional attitude of a specialist (expert) to his/her evaluative statements. It is recommended that the out-of-procedural subject of the evidence should pay attention to the facts, which have a psychological impact, and exclude them or replace for neutral ones because the aspect of modality affects the argumentation properties of the testimony text according to the results of the special study.

Key words: specialist (expert), special study, testimony according to the results of the special study, evidential significance, argumentation, modality and its categories, emotional impact.

Spisok ispolzovannykh istochnikov:

1. Zhigulin A. Obschestvennost v usloviyakh sotsialnogo konflikta: yuridiko-mezhdunarodnyy as-pekt // Vestnik Rossiyskoy natsii. – 2015. – № 5. – S. 250-261.
2. Mironov V. Pravila otsenki dopustimosti dokazatelstv // Zakonnost. – 2006. – № 5. – S. 35–36.
3. Panko N.A. Visnovok eksperta ta yogo otslnka // Forum prava. – 2012. – № 1. – S. 728–733 URL: <http://www.nbuv.gov.ua/ejournals/FP/2012-1/12pntatio.pdf>.
4. MoYisEEv O. M. Optimizatsiya opisu ob'Ektiv u visnovku eksperta // KrimInalIstichniy vIsnik: nauk.-prakt. zb. / DNDEKTs MVS UkraYini; NAVS. K.: TOV «Ellt PrInt», 2012. – № 1 (17). – S. 96–101.
5. Orlov Yu.K. Sudebnaya ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve. M.: In-t povyisheniya kvalifikatsii Ross. feder. tsentra sudeb. ekspertizy, 2005. – 264 s.
6. Averyanova T.V. Sudebnaya ekspertiz: kurs obschey teorii. M.: Norma, 2006. – 480 s.
7. Scherbakovskiy M.G. Sudebnyie ekspertizy: naznachenie, proizvodstvo, ispolzovanie: ucheb.-prakt. pos.. H.: Espada, 2005. 544 s.
8. Belova A.D. Lingvisticheskie aspekty argumentatsii. K.: KGU im. Tarasa Shevchenko, 1997. – 300 s.
9. Shelestyuk E.V. Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya: avtoref. diss. ... d-ra filolog. nauk: 10.02.19 «teoriya yazyika». Chelyabinsk, 2009. – 42 s.
10. MoYisEEv O.M. Aspekti argumentatsiyi visnovku eksperta // Teoriya ta praktika sudovoyi ekspertizi I krimInalIstiki. 2006. Vip. 6. S. 136-143.
11. MoYisEEv O.M. Visnovok eksperta v kontekstl vzaEmodiyi protsesualnih sub'Ektiv. Donetsk: Nord-pres; DonNU; DonNDISE MYu UkraYini, 2007. – 188 s.
12. Voynalovich L.P. ModalnIst yak bagatoaspektna lIngvIstichna kategorIya // NaukovI zapiski Nlzhinskogo derzhavnogo unIversitetu Im. Mikoli Gogolya. – 2013. Kn. 3. – S. 28-32.
13. Yazyikoznanie: bolshoy entsiklopedicheskiy slovar / glav. red. V.N. Yartseva. 2-e izd. – M.: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2000. – 688 s.
14. Kasevich V.B. Semantika. Sintaksis. Morfologiya. – M.: Nauka, 1988. – 311 s.
15. Chelovecheskiy faktor v yazyike: Yazyikovyye mehanizmyi ekspressivnosti / pod red. V.N. Telii, G.A. Grafova i dr. M.: Nauka, 1991. 214 s.
16. Suprun L.V. KategorIya modalnosti v zagalnomovnlly Interpretatsiyi // lIngvIstichnI studiyi: zb. nauk. pr. Vip. 16 / ukl.: Anatolly ZagnItko (nauk. red.) ta In. Donetsk: DonNU, 2008. S. 36-43.
17. Uznatze D.N. Obschaya psihologiya / per. s груз. E.Sh. Chomahidze; pod red. I.V. Imedatze. M.: Smyisl; SPb.: Piter, 2004. – 413 s.

УДК 343.12

**ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ВОПРОСЫ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ «СДЕЛКИ С ПРАВОСУДИЕМ» С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ**

Поддубняк А. А., Мухина М. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением института досудебного соглашения о сотрудничестве, определением целей и задач данного института в уголовном процессе, вопросами, касающимися проблем заключения «сделки с правосудием» с несовершеннолетними подозреваемыми. Актуальность темы работы обусловлена необходимостью теоретического анализа юридической природы досудебного соглашения о сотрудничестве, проблем его законодательной регламентации и практики применения, а также разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуальных норм, регулирующих заключение и исполнение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними. Закон не предусматривает применение особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего лица, поскольку производство по уголовному делу в отношении лица, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте, осуществляется в общем порядке с изъятиями, предусмотренными главой 50 УПК РФ. Указанное положение распространяется на лиц, достигших совершеннолетия ко времени судебного разбирательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетний, досудебное соглашение о сотрудничестве, показания.

Досудебное соглашение о сотрудничестве в качестве отдельного института в уголовном процессе появилось в России в 2009 году с принятием Федерального закона от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» (вступил в силу 14 июля 2009 г.). На данный момент вопросы регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве регламентированы в главе 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Согласно п. 61 ст.5 УПК «досудебное соглашение о сотрудничестве – соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения».

Для более полного понимания сущности данного института следует определить, вследствие чего и для решения каких задач он был создан. Возникновение правового межотраслевого института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве России обусловлено многими объективными факторами.

Основное, на что хотелось бы обратить внимание, – это проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в соучастии как по предварительному сговору группой лиц, так и без такового [5, с. 17].

Развитие правового института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве обусловлено следующими обстоятельствами: объективными трудностями, связанными с выявлением,

раскрытием и расследованием групповых преступлений; сложностями расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности; последовательной реализацией принципов состязательности в уголовном судопроизводстве, гуманизма; возможностью раскрытия преступлений прошлых лет; реально существовавшими неофициальными договоренностями между сторонами обвинения и защиты [5, с. 29–30].

Ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ гласит, что проведение предварительного расследования возможно лишь при выполнении ряда условий: 1) уголовное дело выделено в отношении подозреваемого, обвиняемого, с которым заключено соглашение, в отдельное производство; 2) уголовное дело должно относиться к категории дел, по которым предварительное следствие обязательно [6, с. 102].

В соответствии с ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ целью заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Соответственно, основания заключения соглашения о сотрудничестве можно сформулировать следующим образом: необходимость содействия обвиняемого в раскрытии и расследовании преступления; необходимость изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления; необходимость розыска имущества, добытого в результате преступления [3, с. 56].

Необходимо указать, что закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве норм, регулирующих порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, является достаточно эффективным, т. к. данные «сделки» связаны с расследованием дел, совершаемых организованными преступными группами. Таким образом, заключение с одним из участников подобной группы соглашения позволяет сократить сроки расследования и способствует выяснению новых, ранее неизвестных следствию сведений, которые в дальнейшем могут быть использованы для раскрытия ряда преступлений. Также следует обратить внимание на то, что данная «сделка с правосудием» является взаимовыгодной для обеих сторон, т. к. заключение подобного соглашения позволяет минимизировать размер уголовного наказания подозреваемого.

Несмотря на положительные моменты, связанные с реализацией этого института, следует выделить и ряд вопросов, которые возникают в связи с применением норм главы 40.1 УПК. Так, например, существует мнение, что ради смягчения наказания преступник способен оговорить кого угодно, чтобы избежать надлежащей меры наказания, т. е. в любом случае все сведения, которые были сообщены преступником, должны быть проверены и доказаны. Также, на наш взгляд, одним из недостатков данного института является то, что его нельзя применить к некоторым категориям лиц, совершившим преступление, например, в отношении несовершеннолетних. Так, согласно ст. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», «исходя из того, что закон не предусматривает возможность принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего в особом порядке, положения главы 40.1 УПК РФ не применяются в отношении

подозреваемых или обвиняемых, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет» [2]. На наш взгляд, данная позиция является не совсем верной, т. к. одной из целей досудебного соглашения о сотрудничестве является проявление гуманности в отношении лица, содействовавшего раскрытию преступления. Особенно это актуально в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой и средней тяжести или же совершивших преступление впервые, т. к. возможное содействие правоохранительным органам и применение более мягкой меры наказания может способствовать исправлению преступников и недопущению совершения ими преступлений в дальнейшем.

Вместе с тем в ч. 2 этой же статьи вышеуказанного Постановления гласит: «Если несовершеннолетний содействовал следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, судам следует учитывать эти обстоятельства при назначении несовершеннолетнему наказания». Таким образом, можно сделать вывод, что даже без заключения досудебного соглашения в случае, если несовершеннолетний содействует правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступления, суд может учесть этот факт и назначить несовершеннолетнему более мягкую меру наказания [2]. Тогда возникает вопрос, связанный с тем, почему нельзя применить институт досудебного соглашения о сотрудничестве в отношении несовершеннолетних, т. к., по сути, в случае содействия потерпевшего ему также может быть установлена более мягкая мера наказания, которая могла бы быть установлена и в случае заключения «сделки с правосудием».

При таком подходе несовершеннолетние обвиняемые попадают в худшее положение, чем взрослые обвиняемые: если в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и соблюдении иных условий верхний предел максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ, снижается наполовину (ч. 2 ст. 62 УК РФ), то при соблюдении условий, указанных Пленумом, верхний предел может снижаться лишь на одну треть от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ (ч. 1 ст. 62 УК РФ) [4, с. 108].

Многие исследователи считают, что необходимо исключить возможность заключения с несовершеннолетними досудебного соглашения, так как они в силу психофизических недостатков не могут осуществить свое право на защиту. Недопустимость заключения сделки с указанными лицами обусловлена тем, что они не могут осознанно заключать досудебное соглашение о сотрудничестве. Эта точка зрения не соответствует утверждению, что 16-летний находится в таком возрасте, который позволяет ему принимать осознанное решение и нести за него ответственность. Законодатель нигде не упоминает участие несовершеннолетних в заключении досудебных соглашений. Хотя в ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ говорится о возможности приглашения защитника законным представителем обвиняемого или подозреваемого. Следовательно, досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено и с несовершеннолетним обвиняемым или подозреваемым [7, с. 216].

Также одним из аргументов в пользу заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними является то, что достаточно часто несовершеннолетние преступники при расследовании в отношении них уголовных дел идут на контакт со следствием и оказывают содействие при раскрытии преступлений. Это может быть обусловлено, в частности, тем, что в некоторых случаях, когда несовершеннолетний совершает противоправное деяние впервые, подозреваемый стремится к тому, чтобы назначенная ему мера наказания была как можно более мягкой.

Следует отметить, что если данный институт все же будет применяться в отношении несовершеннолетних подозреваемых, то необходимо принять все предусмотренные действующим законодательством меры для обеспечения безопасности несовершеннолетнего, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Также необходимо указать, что в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо участие законного представителя подозреваемого. При этом нельзя исключать ситуацию, что возможно возникновение противоречий между подозреваемым и его законным представителем. Разумеется, что в случае, если несовершеннолетний сам не примет решение о необходимости заключения досудебного соглашения, его никто не может принудить к этому. Но возникает вопрос: что делать в случае, если против заключения «сделки с правосудием» выступает законный представитель несовершеннолетнего? Так, Эдилова П. В. предлагает выслушать мнения несовершеннолетнего и его законного представителя, после проведения беседы подозреваемого с педагогом и психологом вынести решение по данному вопросу. Педагог и психолог должны определить, правильно ли подросток оценивает характер и пределы своего содействия следствию в раскрытии преступления.

Таким образом, можно сделать вывод, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве является достаточно эффективным для раскрытия преступлений, совершаемых преступными группами, т.к. путем заключения «сделки с правосудием» между подозреваемым и правоохранительными органами возможно сократить срок, необходимый следствию для выяснения обстоятельств совершенных преступлений, вопросов, касающихся изобличения соучастников преступления и обнаружения имущества, добытого в результате преступных действий. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве является взаимовыгодным для обеих сторон, т.е. применение данного института приводит к смягчению наказания в отношении подозреваемого. Вместе с тем существуют также и вопросы, которые необходимо решить при заключении «сделки с правосудием». Так, на наш взгляд, является целесообразным дополнение действующего законодательства нормой, связанной с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве и с несовершеннолетними подозреваемыми, т.к. возможное раскаяние со стороны данной категории подозреваемых, их содействие следствию в раскрытии преступлений и дальнейшее применение в отношении несовершеннолетнего подозреваемого более мягкой меры наказания может привести к тому, что в будущем данные лица не будут совершать противоправные деяния. Также следует учитывать особенности, связанные с реализацией данного института в отношении несовершеннолетних, т.е. необходимо обеспечить участие при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве законного представителя, а в необходимых случаях предварительно провести беседу подозреваемого с психологом или педагогом для определения того, действительно ли подозреваемый осознанно идет на заключение данной «сделки» и осознает все ее последствия. При этом в случае заключения досудебного соглашения о

сотрудничестве необходимо принять все необходимые меры для обеспечения безопасности несовершеннолетнего.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». URL: <http://prokuror-kaluga.ru/razyasnenie-5690.html>
3. Мишулин Р. М. Заключение досудебного соглашения от сотрудничества // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012, выпуск № 3 (21).
4. Овсянников И. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве с несовершеннолетним по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь / Научная конференция «Актуальные проблемы Уголовного процесса и криминалистики 2016. – С. 107–110.
5. Тертышная О. А. Уголовно-процессуальный механизм досудебного соглашения о сотрудничестве. – Воронеж, 2014. – С. 206
6. Чабукяни О. А. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: понятие, практические вопросы, особенности предварительного расследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России // 2013, выпуск № 4 (60), с.101–108.
7. Эдиллова П. В. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними. – Тамбов: Грамота, 2015. № 5. Ч. 2. – С. 215–217.

Poddubniak A. Mukhina M. Pre-judicial agreement on cooperation: questions of the conclusion of "transaction with justice" with minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 109–113.

The article deals with issues related to the emergence of the institute pre-trial cooperation agreement; the definition of the goals and objectives of the institution in the criminal proceedings; issues relating to problems of the conclusion of "plea bargaining" with the juvenile suspects. Relevance of the work theme is caused by necessity a theoretical analysis of the legal nature of the pre-trial agreement on cooperation, problems of its legislative regulation and practical application, as well as the development of evidence-based recommendations on the improvement of criminal procedural rules governing the conclusion and execution of pre-trial agreement on cooperation with minors. The law does not provide for the use of a special procedure for the adoption of a judicial decision against a minor, because the criminal proceedings against a person who committed a crime as a minor, is carried out in a general way with the exceptions provided for by Chapter 50 of the Code. This provision applies to persons who have attained the age of majority to the time trial.

Keywords: criminal trial, the juvenile, pre-trial agreement on cooperation, the testimony.

Spisok literatury

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks RF ot 18.12.2001 N 174-FZ (red. ot 13.07.2015, s izm. idop., vstup. v silu s 15.09.2015).
2. Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.06.2012 N 16 "O praktike primeneniya sudami osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'sta ugolovnyh del prizaklyucheniya dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve".
3. Minulin R. M. Zaklyuchenie dosudebnogo soglasheniya otsotrudnichestve // Yuridicheskaya nauka I pravo o hranitel'naya praktika, vypusk № 3 (21) / 2012.
4. Ovsyannikov I. A. Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve s nesovershennoletnim po ugolovno-processual'nomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus' / nauchnaya konferenciya «Aktual'nye problemy Ugolovnogo processa I kriminalistiki 2016. – s. 107-110.
5. Tertyshnaya O. A. Ugolovno-processual'nyj mekhanizm dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve. – Voronezh, 2014 g., s.206
6. Chabukiani O. A. Zaklyuchenie dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: ponyatie, prakticheskie voprosy, osobennostipredvaritel'nogorassledovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, vypusk № 4 (60) / 2013; s.101–108.
7. Ehdilova P. V. Zaklyuchenie dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve s nesovershennoletnimi. – Tambov: Gramota, 2015. № 5. CH. 2. – S. 215–217.

УДК 343.14; 343.98

ДОСТОВЕРНОСТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ревизская Ю. А.

г. Донецк

С позиций науки доказательственного права рассмотрены вопросы процессуального использования результатов оперативно-розыскной деятельности. В статье обоснована применимость криминалистического подхода к обеспечению их требуемого качества, поскольку разнообразие источников информации, обрабатываемых и фиксируемых в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, влечет за собой неизбежные противоречия. Показано, что такой подход гарантирует достоверность и объективность получаемой оперативной информации. Кроме того, обосновано, что гарантией достоверности и объективности полученных результатов является внутреннее убеждение субъекта данной деятельности. Субъективную составляющую внутреннего убеждения формируют факты и обстоятельства документируемого события, условия применения и объем технических средств фиксации, использование научных методов для систематизации и обобщения установленных фактов. Субъективная часть внутреннего убеждения опирается на моральную добросовестность субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: доказательственное право, оперативно-розыскная деятельность, внутреннее убеждение, компетентность, достоверность, объективность, качество материалов документирования.

Развитие отечественной правовой системы обуславливает постоянные изменения правоотношений в обществе, результатом которых является внесение тех или иных усовершенствований в действующие нормативно-правовые акты. Так и отрасль уголовно-процессуального законодательства динамично развивается, совершенствуя механизмы раскрытия и расследования преступлений, а также судебного рассмотрения уголовных дел. Основой успешного раскрытия и расследования любого вида преступлений является проведение оперативно-розыскных мероприятий. Оперативные подразделения в борьбе с преступностью проводят свою работу, используя специфические методы и действия, такие как оперативные переговоры, поиск, подготовка и вербовка негласного аппарата, фиксация оперативной информации и т. д. Все это направлено на получение сведений, на основании которых осуществляется планирование, организация и проведение расследования [1, с. 78]. Такая информация подлежит документальному оформлению, то есть, по сути, оперативно-розыскная деятельность является документированием событий с признаками преступлений. Между тем вопросы использования данных, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, не имеют единого подхода в науке доказательственного права.

Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности освещали в своих трудах многие ученые, такие как, например, А. М. Бандурка, И. И. Басецкий, Ю. П. Гармаев, В. С. Зеленецкий, И. И. Клименко, В. К. Зникин, А. Г. Маркушин, М. П. Поляков, А. П. Попов, Б. В. Романюк и др. Однако на

сегодня остается актуальной проблема легализации данных, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе.

Цель исследования – установление применимости криминалистического подхода к обеспечению достоверности и объективности информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности.

Оперативному документированию подлежит событие, которое может свидетельствовать о совершенном преступлении. Достоверность и объективность документирования событий с признаками преступлений, производимого работниками оперативно-розыскных подразделений, является важнейшим показателем качества зафиксированной информации, которая, согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, может быть использована в качестве доказательства в уголовном процессе. Достоверность определяется как одно из требований, предъявляемых законом к доказательствам, и означает соответствие их действительности, а убедиться в достоверности доказательств – значит выяснить, правду ли говорит свидетель, соответствуют ли действительности сведения, содержащиеся в документе, соответствует ли копия документа его подлиннику и т. д. [2, с. 163]. Иными словами, достоверность относится к источнику информации и отражает его качественные характеристики.

Как известно, процесс доказывания включает в себя несколько этапов: сбор, проверка, оценка доказательств, и, как следствие, последующее их использование в расследовании преступлений. Однако при проведении оперативно-розыскных мероприятий формируются не доказательства, а результаты оперативно-розыскной деятельности, то есть информация, способствующая установлению обстоятельств совершенного или готовящегося преступления, а также способствующая эффективному розыску лиц. Информация понимается как осведомление, сообщение о каком-либо событии, о чьей-либо деятельности и т. д. [3, с. 331]. Сообщением, в свою очередь, является порция информации, оформленная на определенном материальном носителе [4, с. 245]. Существенной особенностью оперативно-розыскных мероприятий является то, что их документальная форма не обладает свойствами уголовно-процессуальных актов, поэтому проведение данных мероприятий не может отвечать процессуальной форме. Так, результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в процессе доказывания для установления носителей доказательственной информации, проверки доказательств, а также как основание для проведения того или иного следственного действия [5, с. 191]. Подчеркиваем, что сами по себе результаты оперативно-розыскной деятельности не являются доказательствами. Для обоснования выводов об обстоятельствах, составляющих предмет доказывания, можно использовать информацию, полученную в ходе оперативно-розыскных мероприятий, если эта информация получена и зафиксирована с помощью средств, указанных в УПК. При этом доказательством будут являться результаты уголовно-процессуальной деятельности, полученные при производстве следственных и судебных действий, а не «продукт» оперативно-розыскной деятельности [6, с. 42]. То есть идея использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании сводится к трансформации формы, к приданию оперативно-розыскной информации уголовно-процессуальной формы [7, с. 184]. Следовательно,

материалы, полученные в процессе оперативно-розыскной деятельности, должны пройти процессуальные процедуры преобразования информации в доказательства.

Качественное проведение оперативно-розыскных мероприятий требует эффективного использования ресурсов субъектами оперативно-розыскной деятельности. В литературе научного направления ресурсы определяют как средства, к которым обращаются в необходимом случае [8, с. 677]. Следует заметить, что результат оперативно-розыскных мероприятий в конкретных условиях определен потенциалом субъекта оперативно-розыскной деятельности, поэтому он перед собой ставит задание обеспечить наилучший результат именно в обстановке данного события. Результаты документирования событий с признаками преступлений непосредственно связаны с получением объективной информации из достоверных источников. Так, результативность является основным критерием качества проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Достоверность характеризует источник информации о событии с признаками преступления. Ее содержанием является убежденность субъекта оперативно-розыскной деятельности в том, что представляемые им сведения действительно относятся к указанному событию. Немаловажную роль в оперативно-розыскной деятельности играют такие категории, как компетенция и компетентность субъектов данной деятельности. Под компетенцией понимают круг полномочий, предоставленных законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу [9, с. 614]. Наличие у субъекта полномочий помогает ему осуществить конкретные функции в определенной сфере и эффективно реализовать в практической деятельности специальные профессиональные знания [10; 11]. Так, компетенция субъекта зависит от его вида, а также места, которое он занимает в системе государственных органов, поскольку компетенция понимается не только как совокупность определенных законодательством полномочий субъекта, но и круга задач, которые этот субъект должен разрешать [12; 13]. Некоторые авторы указывают также на цели, которые должен достигать субъект компетенции при осуществлении своей деятельности [14; 15]. То есть оперативно-розыскная деятельность предполагает наделение ее субъекта определенными властными полномочиями, что позволяет обеспечить объективность и достоверность результатов данной деятельности.

Категория компетентности субъекта властных полномочий рассматривается через призму профессионализма как особого свойства людей систематически, эффективно и надежно выполнять сложную деятельность с заданными показателями качества. В понятии «профессионализм» отражается такая степень овладения человеком психологической структурой профессиональной деятельности, которая соответствует существующим в обществе стандартам и объективным требованиям [16, с. 51]. Так, компетентный специалист – это лицо, обладающее необходимыми знаниями, умениями и опытом, а компетентность – это черта личности, обладающей этим необходимым набором компетенций [17]. Компетентный человек должен не только понимать существо проблемы, но и уметь решать ее практически. Компетентность лица может оцениваться в два этапа: 1) через подготовку к профессиональной деятельности, которая включает выбор профессии, обучение профессии в учреждении профессионального образования и

повышение квалификации; 2) через призму наличия у субъекта основных черт профессионализма.

Компетентность субъекта оперативно-розыскной деятельности является основополагающим условием эффективного и качественного проведения оперативно-розыскных мероприятий, а значит, также способствует обеспечению объективности и достоверности результатов такой деятельности.

Объективностью является обоснованность хода и результатов оперативно-розыскной деятельности, а также отсутствие предвзятости со стороны ее субъектов. Проблемой обеспечения объективности зачастую является ограниченность ресурсов, имеющихся в наличии у субъектов оперативно-розыскной деятельности, таких как кадровый потенциал, техническое оснащение, временные рамки. Как правило, такие проблемы связаны с недостаточным государственным финансированием, а также повышением нагрузки на оперативно-розыскные подразделения. На объективность результатов оперативно-розыскной деятельности влияют и различного рода умышленные воздействия, направленные на искажение информации путем полного или частичного ее уничтожения, внесения изменений, маскирования посторонними сигналами. Кроме того, искажения могут иметь и объективный характер, например, вследствие естественного старения носителей информации или технических сбоев в каналах ее передачи.

В литературе технического направления предложено применять принцип дублирования для обеспечения объективности информации. Дублирование относится к категориям науки информатики и с ее точки зрения является эффективным способом обеспечения целостности информации, то есть ее устойчивости относительно искажающих воздействий различной природы. Оно обеспечивает защиту информации от случайных угроз и от преднамеренных воздействий [18]. Дублирование в данном контексте следует рассматривать относительно 1) источников сведений; 2) информационных сообщений, полученных из одного источника; 3) форм представления сообщения. Таким способом обеспечивается избыточность источников информации, количества и разнообразия форм поступающих информационных сообщений. Значит, большое количество сообщений, передаваемых в различных формах и по независимым каналам связи, обеспечивает объективизацию получаемой информации. Такая избыточность уменьшается до минимально достаточного уровня путем обработки данных на основе алгоритмов семантического поиска [19].

Следует отметить, что в материалах оперативно-розыскной деятельности неизбежны противоречия. Это связано с разнообразием источников информации, обрабатываемых и фиксируемых в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Такие противоречия должны исследоваться и устраняться посредством применения экспертных и криминалистических технологий для обеспечения достоверного, научно-обоснованного и аргументированного результата оперативно-розыскной деятельности.

Немаловажную роль в обеспечении объективности результатов оперативно-розыскной деятельности играет внутреннее убеждение субъекта данной деятельности. Объективные основания внутреннего убеждения содержат фактические данные, признаки и свойства объектов, подлежащих изучению, обстоятельства дела, качества логичности и научной обоснованности выводов, а

также мировоззренческие принципы и установки личности [20, с. 331–332]. Его субъективные элементы определяются психическими аспектами: оно формируется свободно, без влияния каких-либо внешних стереотипов. Его понимают как чувство личной уверенности субъекта в том, что конкретное решение является обоснованным [21, с. 334–335]. Значение внутреннего убеждения состоит и в моральной ответственности субъекта за последствия, к которым может привести занятая им позиция. Таким образом, объективную составляющую внутреннего убеждения формируют факты и обстоятельства документируемого события, применение технических средств фиксации и научных методов для их систематизации и обобщения. Субъективную составляющую формирует моральная добросовестность субъектов оперативно-розыскной деятельности. Гарантией достоверности и объективности полученных результатов является убежденность субъекта оперативно-розыскной деятельности.

Из вышеизложенного следует, что использование криминалистического подхода является обоснованной гарантией обеспечения достоверности и объективности информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, немаловажную роль играет компетентность субъектов оперативно-розыскной деятельности при выполнении своих функциональных обязанностей, а значит, и категория внутреннего убеждения. Все это позволяет добиться эффективного и качественного проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Список литературы

1. Похлебаев И. В., Горкина Е. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в расследовании преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 4 (26). – С. 76–84.
2. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. и др. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М, 2001. – 790 с.
3. Большая советская энциклопедия. В 50 т. Т. 18: Индекс – Истой / Гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. – М.: ГНИ «Большая советская энциклопедия», 1953. – 620 с.
4. Математический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ю. В. Прохоров; Ред. кол.: С. И. Адян, Н. С. Бахвалов, В. И. Битюцков, А. П. Ершов, Л. Д. Кудрявцев, А. Л. Онищик, А. П. Юшкевич. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – 847 с.
5. Калатур М. В. Особливості використання матеріалів оперативно-розшукової діяльності в кримінально-процесуальному доказуванні // Південноукраїнський правничий часопис. – 2012. – № 3. – С. 190–192.
6. Доля Е. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Российская юстиция. – 1995. – № 5. – С. 41–42.
7. Поляков М. П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. Материалы международной научно-практической конференции, 27–28 октября 2003 г. – М.: Изд-во МГЮА, 2004. – С. 182–184.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
9. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, СПб: Фонд «Ленинградская галерея», 1993. – 1632 с.
10. Авер'янов В.Б. Цветков В.В., Шаповал В.М. та ін. Державне управління: теорія і практика / за ред. В. Б. Авер'янова. – К.: Юрінком Інтер, 1998. – 431 с.
11. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. – М.: Юрид. лит., 1972. – 280 с.

12. Базаров Т. Ю. Компетенции будущего: квалификация, компетентность (критерии качества)? // Открытый университет // под ред. В. Л. Глазычева, С. Э. Зуева. – М., 2003. С. – 510–539.
13. Денисенко В. В., Зорин Л. В. Категории «полномочия», «компетенция», «подведомственность» и «подсудность» в производстве по делам об административных правонарушениях // Юристы-Правоведь. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2005. – № 2. – С. 19–23.
14. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. – М.: Юринформцентр, 2001. – 355 с.
15. Ямпольская Ц. А. Органы советского государственного управления в современный период / Отв. ред.: Коток В. Ф. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 227 с.
16. Дружилов С. А. Системный подход к изучению психологического феномена профессионализма человека // Вестник ТГПУ. – 2005. – Вып. 1 (45). Серия: Психология. – С. 51–55.
17. Сергеев А. Г. Компетентность и компетенции: монография. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. – 107 с.
18. Смирнова Г. Н., Тельнов Ю. Ф. Проектирование экономических информационных систем: учебное пособие (часть 1). – М.: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2004. – 222 с.
19. Мочалова А. В. Алгоритм семантического анализа текста, основанный на базовых семантических шаблонах с удалением // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2014. – № 5 (93). – С. 126–132.
20. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Частные криминалистические теории: в 3 т. Т. 2. – М.: Юристы, 1997. – 464 с.
21. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. – М.: Норма, 2006. – 480 с.

Revizskaya Yu.A. The credibility and objectivity of the results of the operational investigations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 114–120.

The questions of procedural use of the results of the operational investigations have been considered from the perspective of the science of evidence law. In the article the applicability of criminalistics approach to the security of their required quality has been proved, as a variety of information sources, which are processed and recorded during special investigation activities, entails inevitable contradictions. It has been shown that this approach ensures the credibility and objectivity of the received operational information. Moreover, it has been proved that the guarantee of credibility and objectivity of obtained results is the inner conviction of the subject of this activity. The subjective component of the inner conviction is formed by the facts and circumstances of the documented event, application conditions and the amount of technical means for fixation, use of scientific methods for systematization and generalization of the established facts. The subjective part of the inner conviction is based on the moral conscientiousness of the subjects of operational investigations.

Keywords: evidence law, operational investigations, inner conviction, competence, credibility, objectivity, quality of documentation materials.

Spisok literatury

1. Pohlebaev I. V., Gorkina E. V. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v kachestve dokazatel'stv v rassledovanii prestuplenij, svjazannyh s legalizaciej (otmyvaniem) denezhnyh sredstv ili inogo imushhestva, priobretennyh prestupnym putem // Juridicheskaja nauka i pravohranitel'naja praktika. 2013. № 4 (26). S. 76-84.
2. Dodonov V. N., Ermakov V. D., Krylova M. A. i dr. Bol'shoj juridicheskij slovar'. M.: Infra-M, 2001. 790 s.
3. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. V 50 t. T. 18: Indeks – Istož / Gl. red. B.A. Vvedenskij. 2-e izd. M.: GNI «Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija», 1953. 620 s.
4. Matematicheskij jenciklopedicheskij slovar' / Gl. red. Ju.V. Prohorov; Red. kol.: S.I. Adjan, N.S. Bahvalov, V.I. Bitjuckov, A. P. Ershov, L. D. Kudrjavcev, A. L. Onishhik, A. P. Jushkevich. – M.: Sov. jenciklopedija, 1988. – 847 s.
5. Kalatur M. V. Osoblivosti vikoristannja materialiv operativno-rozshukovoї dijāl'nosti v kriminal'no-procesual'nomu dokazuvanni // Pivdenoukraїns'kij pravnicij chasopis. 2012. № 3. S.190-192.

6. Dolja E. A. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v dokazyvanii // Rossijskaja justicija. 1995. № 5. – S. 41–42.
7. Poljakov M. P. Ispol'zovanie rezul'tatov ORD v dokazyvanii // Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: god pravoprimenenija i prepodavanija. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii, 27-28 oktjabrja 2003 g. M.: Izd-vo MGJuA, 2004. –S. 182–184.
8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Izd. 4-e, dopolnennoe. M.: Azbukovnik, 1999. – 944 s.
9. Bol'shoj jenciklopedičeskij slovar' / Gl. red. A.M. Prohorov. M.: Sovetskaja jenciklopedija, SPb: Fond «Leningradskaja galereja», 1993. – 1632 s.
10. Aver'janov V. B. Cvetkov V. V., Shapoval V. M. ta in. Derzhavne upravlinnja: teorija i praktika / za red. V.B. Aver'janova. K.: Jurinkom Inter, 1998. – 431 s.
11. Lazarev B. M. Kompetencija organov upravljenja. M.: Jurid. lit., 1972. – 280 c.
12. Bazarov T. Ju. Kompetencii budushhego: kvalifikacija, kompetentnost' (kriterii kachestva)? // Otkrytyj universitet // pod red. V.L. Glazycheva, S.Je. Zueva. M., 2003. – S. 510–539.
13. Denisenko V. V., Zorin L.V. Kategorii «polnomochija», «kompetencija», «podvedomstvennost'» i «podsudnost'» v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarushenijah // Jurist-Pravoved. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. jurid. in-ta MVD Rossii, 2005. № 2. – S. 19–23.
14. Tihomirov Ju. A. Teorija kompetencii. M.: Jurinformcentr, 2001. – 355 s.
15. Jampol'skaja C. A. Organy sovetskogo gosudarstvennogo upravljenja v sovremennyj period / Otv. red.: Kotok V. F. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. – 227 c.
16. Družhilov S. A. Sistemnyj podhod k izucheniju psihologičeskogo fenomena professionalizma čeloveka // Vestnik TGPU. 2005. Vyp. 1 (45). Serija: Psihologija. – S. 51–55.
17. Sergeev A. G. Kompetentnost' i kompetencii: monografija. Vladimir: Izd-vo Vladim. gos. un-ta, 2010. 107 s.
18. Smirnova G. N., Tel'nov Ju. F. Proektirovanie jekonomičeskikh informacionnyh sistem: uchebnoe posobie (čast' 1). – M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet jekonomiki, statistiki i informatiki, 2004. – 222 s.
19. Mochalova A. V. Algoritm semantičeskogo analiza teksta, osnovannyj na bazovyh semantičeskikh šablonah s udaleniem // Nauchno-tehničeskij vestnik informacionnyh tehnologij, mehaniki i optiki. – 2014. № 5 (93). – S. 126–132.
20. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: Častnye kriminalističeskie teorii: v 3 t. T. 2. – M.: Jurist, 1997. 464 s.
21. Aver'janova T. V. Sudebnaja jekspertiza: Kurs obshhej teorii. – M.: Norma, 2006. – 480 s.

УДК 343.137.9

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ИММУНИТЕТОМ**

Родителева Я. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Статья посвящена процессуальным особенностям предварительного расследования следователями преступлений, совершенных отдельными категориями иностранных граждан, пользующихся дипломатическим иммунитетом. Классифицированы по категориям иностранцы, которые пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции государства. Рассматриваются спорные моменты возбуждения и окончания предварительного расследования по данной категории уголовных дел. Предлагается изменение законодательства в вопросе разрешения уголовных дел в отношении иностранных лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом, с целью дальнейшего развития законодательства по этим вопросам и повышения профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, которые приведут к улучшению ситуации в раскрытии и профилактике преступлений, совершенных иностранцами, пользующимися дипломатическим иммунитетом.

Ключевые слова: дипломатический иммунитет, преступление, уголовная ответственность, предварительное расследование, иностранец, возбуждение уголовного дела.

В последнее время значительно возрос интерес ученых и практиков к проблемам преступности иностранных граждан, пользующихся дипломатическим иммунитетом, а также привлечения данной категории лиц к уголовной ответственности. Актуальность исследования этих вопросов, их научная и практическая значимость, необходимость ее комплексной разработки не вызывают сомнений. Обязательства государств по борьбе с преступлениями международного характера и правовая помощь по уголовным делам составляют предмет международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Преступления, подпадающие под юрисдикцию двух и более государств, в теории международного права получили название транснациональные преступления. Это обычные общеуголовные преступления, которые имеют лишь одну, но существенную особенность – иностранный элемент. Транснациональную преступность можно определить как коммерческую деятельность криминальных корпораций, осуществляемую на территории нескольких стран противоправными средствами и (или) с привлечением запрещенных товаров и услуг [1, с. 367–368]. При расследовании уголовных дел с участием иностранцев¹ возникает много сложных

¹ В российском законодательстве термин «иностранный гражданин» закрепляется в законе о гражданстве РФ 1991 г. Исследуемый термин встречается и в ряде других российских законов. В соответствии с Законом РФ 1995 г. к иностранным физическим лицам относятся иностранные граждане, гражданская право- и дееспособность которых определяется по праву иностранного государства, гражданами которого они являются. Определение термина

ситуаций, ведь действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, к сожалению, многие вопросы нормативно не урегулированы.

В юридической литературе проблемам определения уголовно-правового статуса иностранцев и возникающих на их основе уголовно-процессуальных отношений в связи с осуществлением этими лицами преступлений на территории государства пребывания уделяется повышенное внимание. Фундаментальные исследования как российских, так и зарубежных ученых частично касались этих проблем. Анализу отдельных видов иммунитета в уголовном процессе посвящены кандидатские диссертации Ф. А. Агаева «Иммуниеты в Российском уголовном процессе» (1997), И. В. Вельи «Свидетельский иммунитет в уголовном процессе» (2000), Е. А. Нагаева «Гарантии прав и законных интересов иностранных граждан в досудебном производстве по уголовным делам» (1999), В. И. Руднева «Иммуниеты в уголовном судопроизводстве» (1997), Н. Ю. Волосовой «Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика» (2015), Ю. С. Андреевой «Особенности производства процессуальных действий в досудебном уголовном производстве в отношении иностранных лиц, пользующихся дипломатическим и консульским иммунитетами» (2010) и других. В этих трудах изложены общие вопросы международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, тогда как для практического воплощения в жизнь этих правовых норм этого недостаточно, необходимы научные рекомендации по совершенствованию производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранцами на территории Российской Федерации. В основном названные авторы лишь косвенно затрагивали вопросы неприкосновенности иностранных граждан, пользующихся дипломатическим иммунитетом в уголовном процессе при рассмотрении самого института иммунитетов. Именно поэтому существует необходимость определить процессуальные особенности предварительного расследования следователями уголовных дел в отношении отдельных категорий иностранных лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом.

По мере углубления и расширения международных связей растет и круг лиц из числа иностранцев, которые пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции. Сейчас он определяется не только по признакам принадлежности к дипломатическим представителям иностранных государств, но и причастностью к деятельности различных международных организаций. По мнению О. В. Плотниковой, «иммунитет – это изъятия из-под юрисдикции государства пребывания или освобождение от иностранной юрисдикции». Кроме того, О. В. Плотникова указывает, что «иммунитет вытекает из принципов суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела друг друга. В силу суверенитета одно государство не может осуществлять власть в отношении других стран. Поэтому иммунитет распространяется на зарубежные страны, принадлежащее им имущество и на людей, выступающих от лица государства, их направившего» [2, с. 37]. Типы и объем иммунитета зависят как от занимаемой в дипломатическом представительстве или в международной организации должности,

«иностранный гражданин» осложняется тем, что в правовом лексиконе используются другие термины, родственные понятию «иностранец».

так и от выполняемых на момент совершения преступления функций или от цели пребывания в стране. Категории иностранцев, которые пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции государства, по мнению П. Н. Бирюкова, можно условно разделить на несколько групп [3, с. 142]:

– в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. в первую группу входят сотрудники дипломатических представительств – члены дипломатического персонала представительств, члены их семей, проживающие вместе с ними, если они не являются российскими гражданами, имеют абсолютный иммунитет от уголовной юрисдикции России [4]. Личной неприкосновенностью, в соответствии с Положением о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР от 23 мая 1966 г., обладают также дипкурьеры [5]. Аналогичный иммунитет имеют члены административно-технического персонала представительства и их семьи, если они не являются гражданами России или не проживают на территории РФ постоянно. Иммунитет членов обслуживающего персонала представительства, не являющихся гражданами России или не проживающих на территории РФ постоянно, функциональный – в отношении действий, совершенных при исполнении своих обязанностей. Частные домашние работники пользуются иммунитетом в том объеме, в котором это допускает государство пребывания (в РФ уголовно-процессуальные такие иммунитеты не предусмотрены).

– в соответствии с Венской Конвенцией о специальных миссиях от 8 декабря 1969 г. ко второй группе субъектов иммунитетов следует отнести глав иностранных государств и правительств, министров иностранных дел, членов их семей, членов специальных миссий [6]. Так, иммунитет распространяется на членов семей представителей посылающего государства в специальной миссии и семей членов ее дипломатического персонала, если они сопровождают таких членов специальной миссии, если они не являются гражданами принимающего государства или не проживают в нем постоянно. Члены семей членов административно-технического персонала специальной миссии, если они сопровождают таких членов специальной миссии, пользуются иммунитетом, если они не являются гражданами принимающего государства или не проживают в нем постоянно.

– нормы, предусмотренные Венской конвенцией о консульских сношениях от 24 декабря 1963 г., указывают, что к третьей группе относятся сотрудники консульских учреждений [7].

Уголовно-правовой статус иностранцев отличается по структуре и содержанию в зависимости от категорий этих лиц и имеет свою специфику в сравнении с уголовно-правовым положением граждан России и лиц без гражданства. В науке его определяют как совокупность установленных внутренним законодательством, а также международно-правовыми актами прав и обязанностей в сфере уголовно-правовых и возникающих на их основе уголовно-процессуальных отношений в связи с совершением этими лицами преступлений на территории государства пребывания [8]. Существующие иммунитеты регулируют особый порядок уголовного судопроизводства, который заключается в предоставлении некоторых исключений и привилегий для отдельных категорий иностранцев в случае возбуждения уголовного дела и производства отдельных процессуальных действий.

В то же время они представляют собой дополнительные гарантии законности и обоснованности привлечения этих лиц к уголовной ответственности и применения к ним мер принуждения. Но указанные дипломатические иммунитеты не являются абсолютными в связи с тем, что нельзя исключать применение дипломатическим агентом² средств самообороны, а также – в исключительных случаях – мер, направленных на пресечение совершения им преступления [9, с. 99]. Более того, согласно ст. 13 Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР (Российской Федерации) на этих лиц распространяется юрисдикция России в случае согласия на это аккредитующего государства [5]. Именно поэтому очень важно еще на начальном этапе проверки обстоятельств совершенного иностранцем преступления иметь информацию об особенностях его правового статуса, чтобы законно провести первоначальные и последующие следственные действия, направленные на привлечение его к уголовной ответственности.

Процессуальной особенностью возбуждения и окончания расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных иностранцами, наделенными дипломатическим иммунитетом, является тот факт, что его наличие не является обстоятельством, исключающим производство по уголовному делу (ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Поэтому, если на момент совершения преступления уже имеются достаточные данные, указывающие на наличие такого иммунитета, уголовное дело при наличии признаков преступления подлежит возбуждению по признакам соответствующей статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом определенные процессуальные особенности связаны также с прекращением уголовного дела. Выяснив в ходе расследования причастность к совершению преступления такого иностранца, следователь обязан принять решение о прекращении уголовного дела. По мнению Е. А. Степанова и А. Г. Романовой, основанием для прекращения уголовного дела в отношении лица, пользующегося дипломатическим иммунитетом, является отсутствие состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) [10, с. 56]. С этим мнением трудно согласиться. Как известно, теория уголовного права не признает субъектом преступления, что исключает состав преступления, лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности; лицо, признанное невменяемым; а также лиц, которые не имеют статуса специального субъекта преступления (должностное лицо, военнослужащий и др.). Иностранцы же, пользующиеся дипломатическим иммунитетом, к категории вышеперечисленных субъектов не относятся. Поэтому, на наш взгляд, будет некорректным прекращать подобные уголовные дела на основании отсутствия состава преступления. В связи с этим мы видим выход из сложившейся правовой коллизии в решении дипломатическим путем вопроса об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые, согласно российским законам и международным договорам, ратифицированным Российской Федерацией, не

² согласно Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. дипломат, т. е. член дипломатического персонала дипломатического представительства, лицо, которое по должности непосредственно участвует в осуществлении представительских функций.

подсудны судам России, в случае совершения ими преступления на территории России.

Как известно, иммунитет от латинского *immunitas* – освобождение от повинностей, совокупность прав и привилегий, предоставляемых определенному кругу должностных лиц [11, с. 315]. Такое понимание иммунитета выступило основой для высказывания, что лица, обладающие дипломатическим и иным иммунитетом, освобождаются от уголовной ответственности в связи со своим специальным статусом [12, с. 147; 13, с. 5–7; 14, с. 35]. При этом И. Е. Елизарова считает, что наличие международно-правового иммунитета не исключает преступности деяния, совершенного лицами, обладающими международно-правовым иммунитетом [12, с. 138]. Несмотря на то, что на сегодня ст. 25 УПК РФ утратила силу, неправильным было бы считать основанием для прекращения уголовного дела данной категории вследствие изменения обстановки, вызванной выдворением дипломата за пределы Российской Федерации, поскольку сам факт оставления страны никак не влияет на изменение характера общественно опасного деяния. Естественно, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ должен предусматривать конкретную правовую норму, определяющую основания и порядок прекращения уголовного дела в отношении таких лиц. Поэтому мы предлагаем добавить УПК РФ статьей «Иммунитет от уголовной юрисдикции» следующего содержания: «Главы дипломатических представительств иностранных государств, члены дипломатического персонала этих представительств, а также члены их семей, если они проживают вместе с ними и не являются гражданами Российской Федерации; сотрудники административно-технического персонала дипломатических представительств и члены их семей; главы дипломатических представительств, члены дипломатического персонала представительств иностранных государств в третьей стране, проезжающие транзитом через территорию РФ и члены их семей; члены специальных миссий и их дипломатического персонала пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции Российской Федерации. Вопрос об их уголовной ответственности решается дипломатическим путем. В случае совершения преступления лицами, пользующимися иммунитетом от уголовной юрисдикции, уголовное дело после его полного и всестороннего расследования в отношении этих лиц подлежит прекращению, что обусловлено специфическим статусом субъекта преступления». Включать же в ст. 24 УПК РФ, предусматривающую перечень обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, отдельный пункт относительно иностранцев, которые пользуются дипломатическим иммунитетом, категорически нельзя, поскольку наличие такой нормы именно в этой статье не позволило бы даже возбудить уголовное дело при наличии данных о таком иммунитете. Что касается окончания досудебного следствия в отношении граждан иностранных государств и лиц без гражданства, то тут действует обычный порядок завершения расследования в деле с учетом процессуальных особенностей, связанных с вручением обвиняемому копии основных процессуальных документов (постановления о возбуждении уголовного дела, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного заключения), ознакомлением с материалами уголовного дела с участием переводчика и тому подобное. Считаем необходимым, кроме перечисленных процессуальных документов, вручать обвиняемым-иностранцам документы, касающиеся гражданского иска (заявление с указанием суммы ущерба и документы, обосновывающие указанную сумму), постановление о прекращении уголовного дела по отдельному эпизоду, постановление следователя об отклонении заявленных обвиняемым и его защитником ходатайств. Не следует

забывать и о том, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует закрепленный порядок действий должностных лиц российских органов дознания и следствия при выявлении преступлений, совершенных лицами, обладающими иммунитетами от уголовной юрисдикции. Мы в полной мере принимаем и поддерживаем позицию Ю. С. Андреевой о целесообразности разработки единых методических рекомендаций для всех правоохранительных органов с подробным описанием процедуры получения согласия аккредитующего государства на привлечение дипломата к уголовной ответственности и с определенными формами процессуальных документов [15]. Указанный порядок будет способствовать устранению неясностей, существующих на сегодня в сфере действия иммунитетов в уголовном процессе, а также позволит существенно сэкономить время практическим работникам.

Изучение этой категории уголовных дел наводит на мысль о том, что следователи, которые расследуют подобные уголовные дела, пытаются искусственно, а порой и с нарушением закона их прекратить. Законодательная регламентация в УПК указанных проблем обеспечит необходимое единство уголовно-процессуальной деятельности с участием иностранных граждан и достаточным образом гарантирует оптимальную защиту тех иностранцев, которые имеют полный или ограниченный иммунитет от юрисдикции органов уголовного судопроизводства Российской Федерации. Дальнейшее развитие законодательства по этим вопросам и повышение профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов приведут к улучшению ситуации в раскрытии и профилактике преступлений, совершенных иностранцами, пользующимися дипломатическим иммунитетом.

Список литературы

1. Иванов Э. А. Понятие транснациональной преступности и международно-правовое регулирование борьбы с ней // Преступность и законодательство. – М., 1997.
2. Плотникова О. В. Консульские отношения и консульское право. Учебник для вузов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
3. Бирюков П. Н. Нормы международного уголовно-процессуального права в правовой системе Российской Федерации: Монография. – Воронеж: ВГУ, 2000.
4. Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 11.04.2016).
5. Ведомости СССР. – 1966. – № 22. Ст. 327; 1981. № 7. Ст. 156.
6. Венская Конвенция о специальных миссиях от 8 декабря 1969 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/sp_missions.shtml (дата обращения: 12.04.2016).
7. Венская конвенция о консульских сношениях от 24 декабря 1963 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf (дата обращения: 12.04.2016).
8. Жукова Н. А. Производство по уголовным делам с участием иностранных граждан в досудебных стадиях в Российской Федерации / Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003.
9. Демин Ю. Г. Статус дипломатических представительств и их персонала: Учебное пособие / Ю. Г. Демин. – М.: Международные отношения, 1995.
10. Степанов Е. А., Романова А. Г. Особенности участия иностранцев в советском уголовном процессе. – М., 1980.
11. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М., 2008.
12. Елизарова И. А. Международно-правовые иммунитеты в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004.
13. Кибальник А. Г. Иммунитеты в уголовном праве. – Ставрополь, 1999.
14. Кибальник А. Г. Иммунитет как освобождение от уголовной ответственности // Российская юстиция. – 2000. – № 8.
15. Андреева Ю. С. Особенности производства процессуальных действий в досудебном уголовном производстве в отношении иностранных лиц, пользующихся дипломатическим и консульским иммунитетами. – М., 2010.

Yana Roditeleva. Preliminary investigation of criminal cases with foreigners enjoying diplomatic immunity // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – T. 2 (68). № 3. – P. 121–127.

The article is concerned with the procedural features of the preliminary investigation by officials of crimes committed by certain categories of foreign citizens with diplomatic immunity. Foreigners that enjoy immunity from the criminal jurisdiction of the state are classified into categories. Controversial aspects of initiating and closing a preliminary investigation on the given category of criminal cases are considered. The laws concerning the settlement of criminal cases involving foreign persons with diplomatic immunity are proposed to be changed in order to further develop and improve the legislation governing these issues. Moreover, professional advancement trainings of law enforcement officers are suggested to be held, which will improve the situation with solving and preventing crimes committed by foreigners enjoying diplomatic immunity.

Key words: diplomatic immunity, crime, criminal responsibility, preliminary investigation, foreigner, initiation criminal case.

Spisok literaturyi

1. Ivanov E. A. Ponyatie transnatsionalnoy prestupnosti i mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie borby s ney // Prestupnost i zakonodatelstvo. – M., 1997.
2. Plotnikova O. V. Konsulskie otnosheniya i konsulskoe pravo. Uchebnik dlya vuzov. M.: Izdatelskaya gruppa NORMA-INFRA-M, 1999.
3. Biryukov P. N. Normyi mezhdunarodnogo ugovno-protsessualnogo prava v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii: Monografiya. Voronezh: VGU, 2000.
4. URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (data obrascheniya: 11.04.2016).
5. Vedomosti SSSR. – 1966. – № 22. St. 327; 1981. № 7. St. 156.
6. URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/sp_missions.shtml (data obrascheniya: 12.04.2016).
7. URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf (data obrascheniya: 12.04.2016).
8. Zhukova N.A. Proizvodstvo po ugovolnyim delam s uchastiem inostrannykh grazhdan v dosudebnykh stadiyah v Rossiyskoy Federatsii/ Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kand. jurid. nauk. SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2003.
9. Demin Yu. G. Status diplomaticheskikh predstavitelstv i ih personala: Uchebnoe posobie /Yu. G. Demin. – M. : Mezhdunarodnyie otnosheniya, 1995.
10. Stepanov E. A., Romanova A. G. Osobennosti uchastiya inostrantsev v sovetskom ugovolnom protsesse. – M., 1980.
11. Ushakov D. N. Bolshoy tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyika. M., 2008.
12. Elizarova I. A. Mezhdunarodno-pravovyye immunitety v ugovolnom prave: Dis. ... kand. jurid. nauk. Stavropol, 2004.
13. Kibalnik A. G. Immunitety v ugovolnom prave. Stavropol, 1999.
14. Kibalnik A. G. Immunitet kak osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti // Rossiyskaya yustitsiya. 2000. – N 8.
15. Andreeva Yu. S. Osobennosti proizvodstva protsessualnykh deystviy v dosudebnom ugovolnom proizvodstve v otnoshenii inostrannykh lits, polzuyuschihsiya diplomaticheskimi i konsulskimi immunitetami. – M., 2010.

УДК 343.3/7-343.9

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ «ЭТНИЧЕСКИХ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Халилев Р. А., Леgezа Л. А., Османова Л. С.

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» в г. Симферополе
Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*

В современных условиях проявления этнической нетолерантности являются социально-политической проблемой почти каждой страны. Глобализационные процессы активизировали миграцию, изменили этнический состав большинства современных стран, усилили унификацию и обусловили стирание различий между регионами. Но категория этноса оказалась устойчивее глобализации. В докладе Комиссии ООН по правам человека констатировалось, что практически в каждом регионе мира в течение последних лет наблюдается быстрый рост случаев проявления нетерпимости, дискриминации, расизма и ксенофобии в форме открытого насилия, которые, в частности, направлены на мигрантов. Миграционные процессы меняют этнический состав большинства современных стран, что достаточно часто приводит к межэтническому напряжению, конфликтам с мигрантами, возрождению расизма и вспышкам ксенофобии, которые сложно спрогнозировать и контролировать.

В статье рассмотрены некоторые дискуссионные вопросы по совершенствованию криминалистической характеристики преступлений на этнической основе с сопоставлением этнокультурных, этнопсихологических, языковых, религиозных особенностей, по определению субъективной стороны преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды, или ненависти. Отдельно рассматриваются вопросы проведения экспертиз, направленных на установление материалов, разжигающих национальную, расовую или религиозную вражду и ненависть, унижающие национальную честь и достоинство или оскорбляющие чувства граждан в связи с их религиозными убеждениями.

Ключевые слова: «этнические преступления», мотив национальной или расовой вражды, экстремизм и терроризм, ненависть, мотив совершения преступления, толерантность, «презумпция невиновности», личность преступника, определение роли в совершении преступления, индивидуализация наказания, следственные ситуации, общая и частная превенция, формирование доказательств, субъекты и объекты противодействия расследованию.

По своей этнической, конфессиональной, культурной составляющей Республика Крым, вне всяких сомнений, является уникальным регионом Российской Федерации. Здесь проживают представители 125 национальностей, на 01.01.2014 было зарегистрировано 1 409 религиозных организаций, а 674 общины (в основном принадлежащих муфтияту) действовали неофициально, без регистрации. Это обуславливало огромное влияние этноконфессиональных процессов на развитие региона.

Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ ОБСЕ) и Бюро Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств

(ВКНМ) совместно осуществили миссию по оценке положения в области прав человека в Крыму с 6 по 18 июля 2015 г. В рамках миссии была проведена оценка текущего положения в области прав человека в Крыму.

К 10 августа 2015 г. на вебсайте Федеральной налоговой службы Российской Федерации был опубликован список, состоявший из 53 местных религиозных организаций, зарегистрированных в Республике Крым и Севастополе (за исключением общин, зарегистрированных под эгидой московских юридических лиц с использованием упрощенной процедуры). В итоге, в соответствии с требованиями российского законодательства об обязательной перерегистрации юридических лиц, процедуру перерегистрации успешно прошли не более 5–10 процентов от общего числа НПО, СМИ и религиозных организаций, которые ранее были зарегистрированы в соответствии с украинским законодательством [1].

Процесс регистрации религиозных организаций в Крыму «идёт очень сложно». Об этом заявил начальник отдела по делам религий и национально-культурных обществ Министерства культуры РК А. Селевко. Он сообщил, что количество религиозных организаций в Крыму за последние 25 лет увеличилось с 47 до 2083. С учётом такого количества вложиться в установленные сроки по регистрации организаций не получилось, срок пришлось продлить до 1 марта. На сегодня свои уставы в Москве зарегистрировали только две организации [2].

Весьма непростая, многовековая история полуострова дает основания рассматривать этот регион как своеобразную трансгисторическую лабораторию, в которой рельефно отображаются глобальные политические и этнокультурные процессы. Несмотря на то, что ситуация здесь в настоящее время в целом является достаточно стабильной, следует отметить, что в последние годы прослеживалось определенное возрастание уровня конфликтности, проявления которой, к сожалению, имеют место и сегодня. Нередки попытки отдельных представителей национальных движений разыграть «этническую карту», политизировать этноконфессиональную сферу, что способствует искусственному возникновению конфликтных ситуаций.

Криминалистическая характеристика преступлений любого вида или группы разрабатывается на основе изучения и анализа судебно-следственной практики, однако нельзя недооценивать и возможности использования при этом методов моделирования и прогнозирования.

Согласно ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», объективная сторона данного преступления включает действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет [3, с. 4559].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» внимание судов обращено на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, а при учете характера

общественной опасности преступления судам следует иметь в виду, прежде всего, направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред [4]. Не обошел Пленум и вопросы, касающиеся, цели, способа и мотива совершения преступления. Тем не менее следует отметить, что на практике правоохранительными органами зачастую игнорируется проблема возбуждения этнической вражды и преступлений по мотивам расовой, этнической и религиозной ненависти вследствие затруднений в определении «этнического мотива».

В Инструкции «О едином учете преступлений» реквизит 26 дана характеристика мотива (цели) преступления и конкретизированы различные действия, которые перечислены в диспозиции статьи УК РФ, по которой квалифицировано данное преступление. Характеристики «этнического» мотива в указанной Инструкции нет [5].

Между тем Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года к преступлениям против человечества, наряду с другими, относит: «h) преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию суда» [6].

Следовательно, в современных условиях назрела необходимость разработки методов научного исследования этнического фактора (факторов) для целей уголовного и уголовно-процессуального права – этнометодологии [7, с. 197]. В науках уголовного процесса и криминалистики эффективно используются такие методы изучения предмета исследования, как анкетирование работников правоохранительных органов, судей, лиц, совершивших преступления, и широких слоев населения. Распространена практика анкетирования уголовных дел. Уже предлагалось использовать крымский опыт для решения новых для российской действительности проблем [8, с. 55]. Думается, что выявление и изучение фактов противоправных проявлений этнического характера, взаимосвязей элементов их криминалистической характеристики возможно путем сбора информации из уголовных дел и даже из сводок происшествий крымского региона.

Уже то, что мотив национальной, религиозной или расовой вражды или ненависти был положен в основу объединения исследуемых преступлений в одну группу, говорит о том, что не только цель преступного поведения, но и мотив, которым руководствовалось лицо при совершении преступления, необходимо рассматривать в качестве основных элементов криминалистической характеристики преступлений этой группы. Поскольку цель и мотив не могут существовать самостоятельно, в отрыве от личности, целесообразно рассматривать их во взаимосвязи, исходя из того, что они представляют собой подсистему системы преступления данной группы.

Интересным, на наш взгляд, представляется высказанное в психологической литературе предложение выделять в качестве побуждающих конкретное поведение субъекта мотивы трех порядков: целевые, ориентирующие и технические [9, с. 67]. Фактически это цепочка внутренней психологической подготовки личности к совершению преступления.

По этому поводу в научной литературе мотив национальной, религиозной или расовой вражды или ненависти описывается, как правило, в качестве целевого и определяется как стремление оскорбить, унижить честь и достоинство представителей той или иной нации или расы. Вместе с тем очевидно, что мотив национальной или расовой вражды или ненависти может быть ориентирующим и техническим [9, с.67]. Поэтому в ходе расследования необходимо установить не только факт существования такого желания у субъекта преступления (целевой мотив), но и то, почему для достижения указанной выше цели виновным был избран именно преступный тип поведения (технический мотив). Очевидно, что для одних лиц достижение исследуемой цели возможно в рамках традиционного (нормального) поведения, для других – асоциального, для третьих – преступного. Если виновный в одиночку совершил этническое преступление, то ясно, что он самостоятельно избрал именно преступный тип поведения. Важно выяснить, что способствовало возникновению такого ориентирующего мотива (СМИ, кровная вражда, нахождение в секте и др.).

Позиция М. И. Ковалева заключается в том, что субъективная сторона выражена прямым умыслом: субъект сознает, что он публично стремится посеять национальную, расовую или религиозную вражду среди населения или создать представление об исключительности или превосходстве иной национальности, расы или религии над другими и желает достичь этой цели [10, с. 586].

При совершении преступления в соучастии (это может быть организованная группа или толпа) соотношение мотивов и деятельности каждого из виновных в отдельности будет намного сложнее. В данном случае содержание ориентирующего мотива позволит не только уяснить механизм совершения преступления, но и приобрести определенную информацию о личности, которая, руководствуясь этим мотивом, совершила и/или будет совершать определенные действия в дальнейшем, ее окружении и сферах влияния.

При исследовании мотивов конкретного деяния нужно исходить из того, что они формируются в процессе индивидуального развития человека [9, с. 67]. Исходя из этого, полагаем, что по данной категории преступлений можно установить вариативный мотив (интересы, потребности и притязания), который определяет разнообразную вариативную реализацию преступной деятельности субъекта преступления.

В качестве вариативного мотива могут выступать личные амбиции или стремления группы людей захватить власть. Такая группа людей активно распространяет в своем окружении информацию о желании отстоять права и свободы, защитить традиции, историю, культуру, язык своего народа. При этом истинные корыстные мотивы разжигания межнационального конфликта тщательно маскируются лозунгами, которые выглядят как вполне справедливые требования и способны в этой связи найти заинтересованный отклик в сердцах людей.

Специфика типичных следов материального характера, которые свидетельствуют о наличии мотива нетерпимости, заключается в том, что определенная их часть содержится в памяти мобильных телефонов, компьютеров, видеорекамер, на сменных носителях компьютерной информации. Как показывает практика, мобильные телефоны, как правило, исследуются следователем путем

проведения осмотра предмета. В ходе осмотра мобильного телефона указывается его марка и серия, а также идентификационный номер аппарата. Также указывается номер сим-карты и оператор мобильной связи и другая идентифицирующая информация. Во время осмотра исследуются телефонная книга, содержание папок «контакты», «набранные номера», смс и/или ммс-сообщения, «видео», «фото» и осуществляется поиск соответствующих видеоматериалов, музыки, фотографий, других изображений и тому подобное. Обзор содержания памяти персональных компьютеров следователи иногда проводят самостоятельно, в частности исследуют содержание папок «Temporary Internet Files» и «History», которые содержат ссылки на Интернет-страницы, которые посещались. Информация, содержащаяся в компьютере, может также иметь важное значение для установления мотива преступления, свидетельствовать об интересах подозреваемого/обвиняемого, националистических, расистских, религиозных взглядах, негативных чувствах в отношении лиц другой национальности, расы, религиозной конфессии и тому подобное. Обзор персональных компьютеров, содержащего жестких дисков, накопителей может проводиться как по месту проведения обыска, так и по месту производства досудебного следствия. По результатам осмотра информация, содержащаяся на компьютерных носителях информации и имеющая отношение к делу, распечатывается и осматривается. Исследования таких носителей информации требует наличия определенных специальных знаний, поэтому желательным является привлечение соответствующего специалиста. Однако самым надежным способом полного и безопасного исследования современного мобильного телефона и компьютера является назначение экспертизы телекоммуникационных систем и средств, экспертизы компьютерной техники и программных продуктов. Проведение судебной экспертизы в сравнении с простым осмотром является более желательным, поскольку позволяет исследовать не только существующие, но и удаленные данные.

Эксперту нельзя задавать прямой вопрос вроде: «Разжигают ли высказывания гражданина К. национальную, расовую или религиозную нетерпимость?», «Направлены ли указанные в тексте (выступлении) высказывания на разжигание национальной, расовой или религиозной вражды и ненависти или унижение национальной чести и достоинства?» или «Оскорбляют ли приведенные в тексте (выступлении) высказывания чувства граждан в связи с их религиозными убеждениями?» и тому подобное.

Кроме того, определив вариативный мотив, можно установить не только то, почему для достижения цели виновный (или виновные) избрал конкретный предмет преступного посягательства, но и то, почему он избрал тот или иной способ совершения преступления и определенное место и время. Иными словами, почему он совершил преступление в отношении именно этого представителя той или иной расы или национальности, а не другого; почему он совершил убийство или только причинил какой-либо вред здоровью потерпевшего, почему не стал причинять вред жизни и здоровью, а решил ограничиться высказыванием угроз и совершением иных действий, направленных на возбуждение вражды или ненависти на национальной или расовой почве и т. д.

Учитывая специфику данной категории преступлений, которая состоит в ключевом значении мотива для установления состава насильственных

преступлений на почве нетерпимости, особенно важным является всестороннее исследование личности подозреваемого. С этой целью могут проводиться судебно-психологические и судебно-психиатрические экспертизы. При определении вида экспертизы, которую необходимо назначить, следует учитывать различие судебно-психологической экспертизы, которая изучает социальную составляющую человека, черты его характера, воспитания и объектом которой является психически здоровый человек от судебно-психиатрической экспертизы, которая устанавливает наличие психических заболеваний у лица, их развитие и влияние на преступное поведение, психические свойства лица, а также устанавливает его вменяемость. В последнее время получила распространение комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, что изучает личность с точки зрения социальной и медицинской. В специальной литературе встречается такое понятие, как этнопсихологическая экспертиза, которая ориентирована на установление детерминант, существенно влияющих на мотивацию и поведение подозреваемого (обвиняемого) во время совершения инкриминируемого деяния. Судебно-психологическая экспертиза может назначаться в отношении потерпевшего с целью установления морального вреда, который был причинен в результате совершения преступления.

Во время проведения осмотра места происшествия важно тщательно фиксировать следы совершения преступления, в частности те, что свидетельствуют о наличии мотива нетерпимости. Для этого необходимо все надписи, рисунки (граффити), расположение предметов и т. д. тщательно описывать в протоколе осмотра, а также дополнительно осуществлять фиксацию путем фотографирования или видеосъемки. Это позволит в будущем при расследовании преступления для потерпевшего или свидетеля актуализировать в памяти события преступления, а для прокурора и судьи будут служить иллюстрацией обстановки места события и влиять на решения относительно мотива и тяжести совершения преступления.

Фиксацию рисунков, фактов повреждения заборов, религиозных сооружений, памятников и т. п. необходимо осуществлять немедленно, во время осмотра места происшествия, поскольку такие рисунки, символы, надписи являются направленными на разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или ненависти, унижающих честь и достоинство представителей определенных национальностей или этносов, оскорбляющих чувства верующих, и должны быть быстро удалены (смыты, зарисованные и т. п.), чтобы избежать негативных последствий и, собственно, прекратить преступление.

Как свидетельствует судебно-следственная практика, при расследовании и судебном рассмотрении дел об «этнических» преступлениях наибольшее количество ошибок допускается именно при исследовании субъективной стороны преступления, особенно мотивов преступного поведения. Достаточно часто, не умея полно и правильно исследовать и оценить мотивы преступного поведения, следователи и дознаватели необоснованно квалифицируют преступления на почве национальной или расовой вражды или ненависти как совершенные по другим мотивам: личным неприязненным, хулиганским и др. Такие ошибки не только приводят к тому, что статистические данные о совершаемых и раскрываемых преступлениях не соответствуют реальности, но и размывают международные стандарты квалификации этих тяжких преступлений.

Поэтому целесообразным является участие специалиста при осмотре места происшествия. То есть, кроме криминалиста, который обычно входит в состав следственно-оперативной группы, выезжает на место преступления и осуществляет помощь в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления и вещественных доказательств и судебно-медицинского эксперта или врача, присутствие которого является обязательным при осмотре трупа, следует привлекать и других специалистов. В частности, рекомендуется привлекать к проведению осмотра специалистов в сфере социологии и психологии, занимающихся изучением формирования и направленности деятельности неформальных групп (движений), которые по следам, оставшимся на месте преступления, могут определить разновидность неформальной группы (движения), что может иметь отношение к совершенному преступлению. Эти специалисты помогут, особенно на первоначальном этапе расследования, следователю в выдвижении и проверке версий относительно мотивации преступлений и личности преступника (преступников), которые совершили преступление. Полагаем, что создание базы данных о таких специалистах было бы удачным стратегическим решением.

Список литературы

1. Отчет Миссии ОБСЕ по оценке положения в области прав человека в Крыму, 6–18 июля 2015 года (неофициальный русский перевод) // Официальный сайт ОБСЕ. – 17.09.2015.
2. В Крыму застопорилась регистрация религиозных организаций // Стенограмма выступления начальника отдела по делам религий и национально-культурных обществ Министерства культуры РК А. Селевко / Новости Крыма. URL: http://news.sevas.com/crimea/registraciya_religioznyh_organizacij_v_krymu;
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954; 2016. – № 28. – Ст. 4559.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета от 29 декабря 2015 г. – № 295.
5. Приказ Генпрокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ № 780, Минэкономразвития РФ № 353, ФСКН № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений (вместе с типовым положением о едином порядке организации и приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке учетных документов»). Зарегистрировано в Минюсте РФ 30 декабря 2005 г. № 7339 // Российская газета, № 13, 25.01.2006.
6. Римский Статут Международного Уголовного Суда (Принят в г. Риме 17.07.1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда). Россия подписала данный документ (Распоряжение Президента РФ от 08.09.2000 N 394-pp). Документ опубликован не был. URL: <http://base.consultant.ru>;
7. Доурбеков А. А. Правовая проблема определения наличия этнического мотива преступлений / Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики / сборник тезисов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня основания Южного Федерального университета. – 2015. – Т. 2. – С. 197–200.
8. Михайлов М. А. Необходимость учета крымского опыта при решении вопроса о создании института следственных судей в Российской Федерации // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы III международной научно-практической конференции, 24–25 апреля 2015 года, г. Симферополь – Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – Симферополь, 2015. – С. 54–56.
9. Сляров С. В. Мотивы индивидуального преступного поведения и их уголовно-правовое значение. – М., 2000. – С. 67.
10. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. – М., 1998. – С. 586.

Halilev R. A., Legeza L. A., Osmanova L. S. Features of criminalistic characteristics of ethnic crimes // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 128–135.

In modern conditions of manifestation of ethnic intolerance are socio-political problem of each country. Globalization processes intensified migration, changed ethnic structure of majority of modern countries, strengthened unification and caused deleting of distinctions between regions. But the category of ethnos was steadier than globalization. In the report of the Commission of the UNHRC it was stated that practically in each region of the world grow cases of intolerance, discrimination, racism. Migratory processes change of majority countries ethnically, which lead to conflicts with migrants.

In article some debatable questions on improvement of criminalistics characteristic of crimes which bases on ethnical principle. The article also considers the questions of the examination materials kindling national, racial or religious enmity and hatred, which demean national honour and dignity or offend the feelings of citizens with their religious beliefs. Some problems interfaced to the studied subject have to be considered.

Keywords: "ethnic crime"; motive of national and racial enmity and hatred, extremism and terrorism; motif landmarks and technical. "Presumption of guilt", the individual perpetrator, the definition of his role in the crime, the individualization of punishment, as well as general and special prevention; investigatory situation; formation of the evidence; subjects and objects of counteraction to investigation.

Spisok literaturyi

1. Otchet Missii OBSE po otsenke polozheniya v oblasti prav cheloveka v Kryimu, 6–18 iyulya 2015 goda (neofitsialnyy russkiy perevod) // Ofitsialnyy sayt OBSE. – 17.09.2015g.;
2. V Kryimu zastoporilas registratsiya religioznykh organizatsiy//Stenogramma vyistupleniya nachalnika otdela po delam religiy i natsionalno-kulturnykh obschestv Ministerstva kultury RK A.Selevko /Novosti Kryima: ssiylka 09.02.2016.http://news.sevas.com/crimea/registraciya_religioznyh_organizacij_v_kryimu;
3. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 №63-FZ (red. ot 30.12.2015)// Sobranie zakonodatelstva RF, 17.06.1996. - № 25. – St. 2954; 2016. № 28. – St. 4559;
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22 dekabrya 2015 g. № 58 «O praktike naznacheniya sudami Rossiyskoy Federatsii ugolovnogo nakazaniya»// Rossiyskaya gazeta ot 29 dekabrya 2015 g. - № 295;
5. Prikaz Genprokuraturyi RF # 39, MVD RF № 1070, MChS RF № 1021, Minyusta RF № 253, FSB RF № 780, Minekonomrazvitiya RF № 353, FSKN № 399 ot 29.12.2005 «O edinom uchete prestupleniy (vmeste s tipovym polozheniem o edinom poryadke organizatsii i priema, registratsii i proverki soobscheniy o prestupleniyah)», «Polozheniem o edinom poryadke uchetnykh dokumentov»). Zaregistrovano v Minyuste RF 30 dekabrya 2005 g. № 7339// Rossiyskaya gazeta, № 13, 25.01.2006g.;
6. Rimskiy Statut Mezhdunarodnogo Ugolovnogo Suda (Prinyat v g. Rime 17.07.1998 g. Diplomaticheskoy konferentsiyey polnomochnykh predstaviteley pod egidoy OON po uchrezhdeniyu Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda). Rossiya podpisala dannyiy dokument (Rasporyazhenie Prezidenta RF ot 08.09.2000 N 394-rp). Dokument opublikovan ne byl.// Elektronnyy resurs/Rezhim dostupa: <http://base.consultant.ru>;
7. Dourbekov A.A. Pravovaya problema opredeleniya nalichiya etnicheskogo motiva prestupleniy. /Razvitie yuridicheskoy nauki v novykh usloviyakh: edinstvo teorii i praktiki /sbornik tezisov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyaschennoy 100-letiyu so dnya osnovaniya Yuzhnogo Federalnogo universiteta, 2015. – T.2. – S.197–200;
8. Mihaylov M.A. Neobhodimost ucheta kryimskogo opyita pri reshenii voprosa o sozdanii instituta sledstvennykh sudey v Rossiyskoy Federatsii//Ugolovnoe proizvodstvo: protsessualnaya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: materialy III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 24-25 aprelya 2015 goda, g. Simferopol-Alushta / otv. red. M. A. Mihaylov, T. V. Omelchenko; Kryimskiy federalnyy universitet imeni V. I. Vernadskogo. – Simferopol: 2015. – 90 s. S.54-56;
9. Sklyarov S. V. Motivyy individualnogo prestupnogo povedeniya i ih ugolovno-pravovoe znachenie. – M, 2000. – S. 67.
10. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast /Pod red. I.Ya. Kozachenko, Z.A. Neznamovoy, G.P. Novoselova. – M., 1998. – S. 586.

УДК 343

ОБЪЕКТИВНЫЕ КРИТЕРИИ ПРЕСТУПНОГО БЕЗДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ

Чеботарева Г. В., Подкорытова Л. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье выделены в пределах раздела II Особенной части УК составы преступлений, наносящие ущерб правопорядку в сфере медицины. Авторы относят к этой группе посягательства, предусмотренные ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122 и ст. 124 УК РФ. Общественно опасное деяние в этих составах преступлений может выражаться либо в форме бездействия (ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей, неоказание помощи больному), или альтернативно – как в форме действия, так и в форме бездействия (заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей). В статье рассмотрены вопросы определения особенностей бездействия как формы общественно опасных деяний, совершаемых в сфере медицинской деятельности, уточняется содержание оснований уголовной ответственности за такое бездействие, выявлены негативные причины, усложняющие уголовно-правовую оценку случаев бездействия в сфере медицины. Безусловно, факторами, формирующими объективный критерий преступного бездействия в сфере медицинской деятельности, являются требования законов, подзаконных актов, а также профессиональные или служебные обязанности лица. Подчеркивается, что значительное количество источников, которые должны быть исследованы в случаях совершения в медицинской деятельности общественно опасного деяния в форме бездействия, осложняет оперативную и уголовно-правовую оценку случаев бездействия в сфере медицины. Поэтому авторы поддерживают точку зрения о необходимости создания и принятия единого кодифицированного законодательного акта (Медицинского кодекса РФ), что положительно повлияет на процессы применения уголовного закона в отношении правонарушений в сфере медицинской деятельности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, объективная сторона преступления, преступное бездействие, преступление, закон, нормативно-правовой акт, медицинское право, медицинский работник, пациент, стандарты.

Охрана прав и законных интересов лица от общественно опасных посягательств – приоритетная задача, которая должна решаться при разработке и применении норм законодательства об уголовной ответственности. К важнейшим объектам правовой защиты относится система общественных отношений, обеспечивающих сохранение жизни и здоровья человека. Проблема борьбы с правонарушениями в сфере медицины в последнее время приобретает в РФ особую актуальность, что объясняется существенным снижением качества медицинской помощи, предоставляемой населению, растущим количеством ее дефектов, деформацией отношений между медицинскими работниками и больными.

Невыполнение или ненадлежащее выполнение медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей, злоупотребление возможностями, которыми они наделены в сфере медицины, использование их для совершения преступлений осуждается обществом, а в случаях наступления негативных

последствий для жизни или здоровья пациентов вызывает широкий негативный резонанс. Особенно неприемлемым является совершение медицинскими работниками преступлений, связанных с нарушениями ими профессиональных обязанностей, ведь, как справедливо заметил В. А. Глушков, это наносит вред не только больному и другим заинтересованным лицам, но и всей системе здравоохранения, создает атмосферу недоверия к врачам, сужает реальные возможности оказания эффективной медицинской помощи [1, с. 5–6].

В составе преступлений, наносящих ущерб правопорядку в сфере медицины (в пределах раздела II Особенной части УК мы относим к этой группе посягательства, предусмотренные ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ст. 124 УК РФ), общественно опасное деяние может выражаться либо в форме бездействия (ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей, неоказание помощи больному), или альтернативно – как в форме действия, так и в форме бездействия (заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей).

Таким образом, бездействие (самостоятельно или в совокупности, или альтернативно с действием) является основной, характерной формой общественно опасного поведения в структуре посягательств на правопорядок в сфере медицины, в этой связи целью данной статьи является определение особенностей бездействия как формы общественно опасных деяний, совершаемых в медицинской сфере, в частности уточнение содержания оснований уголовной ответственности за такое бездействие. Значительный вклад в разработку общетеоретических вопросов преступного бездействия был сделан М. И. Бажановым, О. И. Бойко, О. С. Гореликом, М. И. Ковалевым, В. М. Кудрявцевым, Н. Ф. Кузнецовой, В. Б. Малининым, А. В. Наумовым, А. В. Парфеновым, М. С. Таганцевым, М. И. Пановым, Р. Д. Шаратовым и другими учеными, результаты исследований которых в значительной степени послужили научно-теоретическим основанием данной работы.

Как известно, право не регулирует бездействие – оно, наоборот, требует определенных действий или запрещает их. Поэтому бездействие рассматривается правом как отсутствие активного поведения, предусмотренного законом [2, с. 8–9]. Собственно, на противопоставлении преступного действия и преступного бездействия в специальной литературе в первую очередь рассматривается уголовно-правовая специфика последнего. В отличие от действия, которому присуще разрушающее воздействие на элементы общественных отношений, бездействие является качественно другим проявлением социально значимого поведения, которое выступает предметом уголовно-правовой оценки и входит в состав оснований уголовной ответственности. По определению академика В. М. Кудрявцева, основные различия между преступным действием и преступным бездействием находятся во внешней, исполнительной, физической сфере: при бездействии, в отличие от действия, лицо не осуществляет никаких внешне выраженных поступков (жестов, телодвижений, слов), которые в данной обстановке составляли бы общественную опасность. Напротив, конкретная обстановка такова, что она требует определенного вмешательства человека. Преступник же такого не делает [3, с. 86]. О. И. Бойко так характеризует это свойство бездействия: «При активной форме поведения поступок однозначно выглядит причиной наступившего результата...

При пассивном способе причинения вреда ситуация меняется: поступок подыгрывает внутренним условиям» [4, с. 86 – 87].

Специфика влияния преступного бездействия на объекты уголовно-правовой охраны требует надлежащего обоснования условий, при которых пассивная форма поведения человека считается общественно опасной, признается преступной и может повлечь уголовную ответственность. В литературе подробнейший перечень этих условий разработал Г. В. Тимейко, который отнес сюда: 1) наличие специальной правовой обязанности действовать; 2) наличие объективной необходимости действовать; 3) наличие возможности действовать; 4) наличие возможности предотвратить вред; 5) невыполнение действий; 6) причинение внешними силами вредных последствий [5, с. 88–89]. По нашему мнению, не все из предложенных обстоятельств имеют надлежащую универсальность. В частности, названное В. Тимейко условие «наличие возможности предотвратить вред» нельзя воспринять без оговорок. Во многих ситуациях обязанный действовать субъект не способен определить наличие реальной возможности предотвратить вред, что не снимает с него обязанности действовать. Так, например, в определенных случаях врач обязан прооперировать больного: даже если впоследствии будет установлено, что предотвратить вред жизни или здоровью пациента таким образом возможности не было вообще или она была утрачена, отказ от оказания медицинской помощи может быть расценен как преступное бездействие.

Чаще всего в юридической литературе указывается (с определенными вариациями) на два обязательных условия уголовной ответственности за бездействие: а) лицо обязано действовать определенным образом и б) лицо имеет реальную возможность поступать так, как требует от нее этот долг. Методологически удачным, по нашему мнению, является предложение О. И. Бойко рассматривать указанные требования как критерии бездействия – объективный и субъективный соответственно [4, с. 114].

Факторами, формирующими объективный критерий преступного бездействия, специалисты почти единогласно признают требования законов, подзаконных актов, а также профессиональные или служебные обязанности лица. М. И. Бажанов добавляет сюда трудовой договор (заведующий складом обязан сохранять вверенное ему имущество в надлежащем состоянии), различного рода родственные отношения (родители обязаны заботиться о несовершеннолетних детях), предшествующее поведение лица (когда в результате действий виновного создается опасное состояние для другого лица и тот, кто поставил потерпевшего в это положение, обязан прийти ему на помощь) [6, с. 35].

К законам, требования которых учитываются при определении объективного критерия преступной бездеятельности в медицине, в первую очередь относятся «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 22.07.1993. Они определяют правовые, организационные, экономические и социальные основы охраны здоровья граждан в РФ, регулируют общественные отношения в этой области. Их положения конкретизируются в других законах Российской Федерации, которые также могут быть использованы в указанном выше контексте (в частности, в законах «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»).

«О предупреждении распространения туберкулеза в РФ», «О лекарственных средствах», «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» и др.).

Таким критерием могут выступать и положения подзаконных нормативных актов, регулирующих отношения в сфере медицинской деятельности. Это, в частности, Постановления Правительства РФ «О порядке признания граждан инвалидами», «О вредных и (или) опасных производственных факторах и работах, при выполнении которых проводятся предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования), и порядке проведения этих осмотров (обследований)», Приказы Министерства здравоохранения РФ «Об организации медицинской помощи», «Об организации психологической и психиатрической помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях», утвержденное приказом Минздрава РФ; Постановление Главного государственного санитарного врача РФ «О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил» и др.

Требования к профессиональным обязанностям медицинского работника как объективный критерий преступного бездействия в сфере медицины могут быть закреплены не только в законах или подзаконных актах. Важно обратить внимание, на то, что в области медицинской деятельности выработаны методики лечения определенных заболеваний, которые регулируются соответствующими общеобязательными стандартами медицинской помощи больным при различных заболеваниях. В качестве примера можно привести «Стандарт медицинской помощи больным болезнью, вызванной вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ)», утвержденный Приказом Минздравсоцразвития РФ от 09.07.2007 № 474; «Стандарт медицинской помощи больным с переломами в области грудной клетки, нижней части спины и таза», утвержденный Приказом Минздравсоцразвития РФ от 09.08.2006 № 598; «Стандарт медицинской помощи больным с глаукомой», утвержденный Приказом Минздравсоцразвития РФ от 01.11.2005 № 657 и др. Использование стандартов (клинических протоколов) в практической деятельности врача позволяет стандартизировать и унифицировать диагностику и лечение, применять методики лечения с доказанной эффективностью, которые снижают заболеваемость и смертность пациента. Это дает возможность пациентам получать обоснованные диагностику и лечение, а врачам – применять современные методики, основанные на научно-доказательных началах.

Предшествующее поведение виновного можно признать источником возникновения обязанности принять меры к оказанию помощи с некоторыми оговорками: оно не должно само по себе являться преступлением, при котором умысел виновного направлялся на причинение вредного для потерпевшего последствия. Иначе ставить в вину лицу наступление этого последствия как результат его последующей бездеятельности нельзя. Такая бездеятельность не будет иметь самостоятельного уголовно-правового значения, поскольку будет считаться лишь продолжением преступления, заключающегося в умышленном причинении вреда [7, с. 35–37].

Некоторые рекомендации, высказанные на страницах юридической литературы по содержанию обстоятельств, порождающих требования по активному поведению, которые могут выступить в качестве объективного критерия бездействия, достаточно сомнительны. Так, трудно согласиться с предложением В. Питецкого

признавать устную договоренность между гражданами источником возникновения обязанностей, невыполнение которых может повлечь уголовную ответственность за бездействие [8, с. 46]. Хотя в соответствии с положениями гражданского законодательства сделка между физическими лицами действительно может быть совершена устно, однако такую форму могут получать только сделки, которые полностью выполняются сторонами в момент их совершения. Следовательно, в случае устной договоренности граждан последующее бездействие лица уже не может иметь никакого правового значения, в частности, рассматриваться как основание уголовной ответственности.

М. И. Загородников относил к источникам, которые обязывают лицо действовать, также естественно складывающиеся между людьми отношения [9, с. 62]. В современной литературе можно встретить похожее мнение, согласно которому моральные нормы и правила поведения могут обязывать лицо к действиям, невыполнение которых будет считаться преступной бездеятельностью [10, с. 137]. Вопрос о возможности отнесения моральных, этических норм в состав объективного критерия преступной бездеятельности особенно актуален именно в плоскости проблем уголовной ответственности за преступления в сфере медицины. Это вызвано тем, что моральные принципы существенно влияли и влияют на отношения между медицинскими учреждениями, врачами и гражданами (пациентами), свидетельством чего является существование института особых норм поведения врача – врачебной этики и медицинской деонтологии. Принципы профессионального поведения медицинского работника во многих случаях не охвачены правовыми нормами, а обусловлены требованиями врачебной этики и деонтологии [11, с. 25]. Более того, до недавнего времени почти все главные принципы медицинской этики (которые осуждали убийство человека, подчеркивали обязательность соблюдения тайны, предостерегали медиков от аморального использования знаний и власти) находили отражение лишь в моральной традиции, основу которой составляли клятва Гиппократата, христианская мораль, Декларация прав человека.

Не отрицая в целом того, что морально-этические принципы играют важную роль в механизме регулирования общественных отношений в сфере медицинской деятельности, следует тем не менее подчеркнуть, что они не могут рассматриваться как факторы, образующие объективный критерий преступного бездействия. Как отмечает Н. Ф. Кузнецова, нравственные нормы возникают сначала в сознании определенных (передовых) слоев общества и только затем внедряются в сознание всего народа, класса или отдельного социального слоя [12, с. 68]. Поэтому, во-первых, трудно признать их единственным для всех стандартом поведения, отклонения от которого можно считать общественно опасным, а потому нельзя и привлекать к юридической ответственности за несоблюдение их повелений. Во-вторых, как отмечается в литературе, различные революционные изменения в области биологии и развитие новых технологий в настоящее время угрожают разрушением нравственных норм, которые казались такими прочными. В-третьих, вряд ли возможно точно сформулировать такие (морально-этические) нормы в соответствующем процессуальном акте (например, обвинительном заключении).

По нашему мнению, медицинская деятельность является одной из тех социальных сфер, в которой «право должно идти по этике, а не этика по праву» [13,

с. 80]. Этические нормы и правила тесно связаны с законодательством: некоторые из них впоследствии трансформируются в правовые нормы и фиксируются в нормативно-правовых актах, а некоторые продолжают влиять на соответствующие общественные отношения непосредственно. Однако в последнем случае они не получают общеобязательную силу. Итак, возможность уголовной ответственности за бездействие в сфере медицины не может обуславливаться несоблюдением медицинским работником одних принципов морали, не зафиксированных в виде нормативных положений.

Оценка преступности пассивного поведения через призму определенных условий (объективного и субъективного критериев бездействия) не только позволяет должным образом обосновать уголовную ответственность за такое поведение, но и защищает от применения уголовного закона по принципу объективного отношения. Наличие этих критериев в каждом конкретном случае подлежит проверке, входит в предмет доказывания по любому уголовному делу о преступлении, совершаемом путем бездействия, в т. ч. посягающего на правопорядок в сфере медицинской деятельности.

В целом же анализ положений уголовного законодательства, обеспечивающего поддержание правопорядка в сфере медицины, а также регулятивного законодательства, регламентирующего отношения в этой социальной сфере, позволяет сделать следующие выводы: массив источников, которые должны быть исследованы в случаях совершения в медицине общественно опасного деяния в форме бездействия, является весьма значительным. Это обстоятельство, несомненно, осложняет оперативную и точную уголовно-правовую оценку случаев бездействия в сфере медицины. Негативным фактором в этом случае является и то обстоятельство, что нормативно-правовая база в сфере здравоохранения все еще не в полной мере отвечает современным требованиям, имеет пробелы и недостатки (нечетко определен правовой статус медицинских работников и пациентов; на уровне подзаконных актов регулируются вопросы народной и нетрадиционной медицины, коррекции пола, искусственного оплодотворения и т. д.). Поэтому одним из приоритетных направлений совершенствования законодательства о здравоохранении Российской Федерации специалисты считают систематизацию действующей нормативно-правовой базы, ее дальнейшее совершенствование, а также подготовку единого кодифицированного законодательного акта (Медицинского кодекса РФ), который не только упорядочил бы законодательство в сфере здравоохранения, устранил имеющиеся противоречия, но и поднял бы на более высокий уровень содержание нормативного материала [14, с. 281].

По нашему мнению, в случае принятия такого нормативного акта качество и точность уголовно-правовой оценки бездействия в сфере медицины значительно улучшится. Это положительно повлияет на процессы применения уголовного закона в отношении правонарушений в сфере медицины и становления в стране такой самостоятельной отрасли, как медицинское право, положения которого могли быть положены в основу решения проблемных вопросов оснований уголовной ответственности за бездействие медицинских работников.

Список литературы

1. Глушков В. А. Ответственность за преступления в области здравоохранения. – К.: Голов. изд-во издат. объединя «Вища школа», 1987. – 200 с.
2. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. – М.: Юрид. лит., 1978. – 192 с.
3. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – М.: Госюриздат, 1960. – 240 с.
4. Бойко А. И. Преступное бездействие. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 320 с.
5. Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. – 215 с.
6. Бажанов М. И. Уголовное право Украины: Конспект лекций. – Днепропетровск: Пороги, 1992. – 168 с.
7. Князьков М., Леонтьевский В., Лобанова Л. О сущности преступного бездействия и законодательной регламентации основания уголовной ответственности за него // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 35–37.
8. Питецкий В. «Деликты упущения» в уголовном праве: сущность, объективные и субъективные признаки // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 45–49.
9. Загородников Н. И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. – М.: Юридическая литература, 1976. – 568 с.
10. Уголовное право Российской Федерации: Учебник: для юрид. вузов / Афиногенов С. В., Ермакова Л. Д., Здравомыслов Б. В. и др. / Под ред. Б. В. Здравомыслова. – М.: Юристъ, 1996. – 509 с.
11. Громов А. П. Врачебная деонтология и ответственность медицинских работников. – М.: Медицина, 1969. – 78 с.
12. Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. – М.: Изд-во МГУ, 1967.
13. Булеца С. Б. Право фізичної особи на життя та здоров'я (порівняльно-правовий аспект). Монографія. – Ужгород: Ліра, 2006. – 172 с.
14. Сергеев Ю. Д. Медицинское право: учебный комплекс: в 3 т. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 784 с.

Chebotareva G., Podkorutova L. Objective criteria of criminal omission in the field of medicine // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 140–147.

The article, within the Section II of the Criminal Code Special part, marks out the bodies of crime causing damage to law and order in the field of medicine. The author refers to this group of infringements those provided for by p.2 art.118, p.4 art.122, and art.124 of the Criminal Code of the Russian Federation. Socially dangerous act in these bodies of crime can be manifested either in the form of omission (improper execution of professional duties, failure to render assistance to a patient), or alternatively – both in the form of action and omission (e.g. contamination of a patient with HIV due to improper execution of professional duties). The article points out the characteristics of omission as socially dangerous acts in the field of medicine, specifies the contents of the grounds for criminal responsibility for omission, and reveals negative causes making difficult the criminal and legal appraisal of omission in the field of medicine. Undoubtedly, the factors forming the objective criterion of criminal omission in the field of medical profession are the requirements of the laws, by-laws as well as professional and official duties of an individual. It is accentuated that a great amount of sources to be studied in case of a committed socially dangerous act in the field of medicine in the form of omission makes efficient appraisal cases in medicine difficult. Therefore, the author shares the opinion of the necessity of making and adoption a single codified legislative act (The Medical Code of the Russian Federation) which will positively affect the application of a criminal law in relation to crimes in the field of medical profession.

Key words: criminal omission, crime, law, regulatory legal act, medical law, medical profession, patient, standards.

Spisok literatury:

1. Glushkov V. A. Otvetstvennost za prestupleniya v oblasti zdavoohraneniya. – K.: Golov. izd-vo izdat. ob'ed-ya „Vischa shkola”, 1987. – 200 s.
2. Kudryavtsev V. N. Pravo i povedenie.— M.: Yurid. lit., 1978. – 192 s.
3. Kudryavtsev V. N. Ob'ektivnaya storona prestupleniya. – M.: Gosyurizdat, 1960. – 240 s.
4. Boyko A. I. Prestupnoe bezdeystvie. – SPb.: Izdatelstvo «Yuridicheskiy tsentr Press», 2003. – 320 s.

5. Timeyko G. V. Obschee uchenie ob ob'ektivnoy storone prestupleniya. – Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 1977. – 215 s.
6. Bazhanov M. I. Ugolovnoe pravo Ukrainyi: Konspekt lektsiy. – Dnepropetrovsk: Porogi, 1992. – 168 s.
7. Knyazkov M., Leontevskiy V., Lobanova L. O suschnosti prestupnogo bezdeystviya i zakonodatelnoy reglamentatsii osnovaniya ugolovnoy otvetstvennosti za nego. // Ugolovnoe pravo. – 2005. – #1. – S. 35-37.
8. Pitetskiy V. «Deliktyi upuscheniya» v ugolovnom prave: suschnost, ob'ektivnyie i sub'ektivnyie priznaki // Ugolovnoe pravo. – 2007. – №1. – s.s. 45 – 49.
9. Zagorodnikov N. I. Sovetskoe ugolovnoe pravo. Obschaya i Osobennaya chasti. – M.: «Yuridicheskaya literatura», 1976. – 568 s.
10. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: Uchebnik: dlya yurid. Vuzov/Afinogenov S.V., Ermakova L.D., Zdravomyislov B.V. i dr. / Pod red. B.V. Zdravomyislova. – M.: Yurist', 1996. – 509 s.
11. Gromov A. P. Vrachebnaya deontologiya i otvetstvennost meditsinskih rabotnikov. – M.: Izd-vo «Meditsina», 1969. – 78 s.
12. Kuznetsova N. F. Ugolovnoe pravo i moral. – M.: Izd-vo MGU, 1967.
13. Buletsa S. B. Pravo flzichnoyi osobi na zhittyta ta zdorov'ya (porivnyalno-pravoviy aspekt). Monografiya. – Uzhgorod: Lira, 2006. – 172 s.
14. Sergeev Yu. D. Meditsinskoe pravo: uchebnyiy kompleks: v 3 t. – M.: GEOTAR-Media, 2008. – 784 s.

УДК 347.965

**ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Юрченко Л. В., Ключенко А. М.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Конституционное содержание права на квалифицированную юридическую помощь рассматривается в данной статье в аспекте актуальных проблем реформы адвокатуры, в том числе связанных с введением механизмов допуска к юридическому представительству не только для адвокатов, но и для юристов, занимающихся сейчас оказанием коммерческих юридических услуг. Проведён сравнительный анализ проектов концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, созданных Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, Министерством юстиции Российской Федерации и представителями юридического бизнеса. Подчеркивается значение принципов организации и деятельности адвокатского сообщества как независимой саморегулируемой самоуправляемой некоммерческой организации, а также принципов состязательного судопроизводства как основы конституционного института правовой помощи.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, реформа адвокатуры, рынок юридических услуг, адвокатская монополия, бизнес-юристы.

Актуальность исследования. Конституцирование в Российской Федерации институтов профессиональной юридической помощи – и в ее действующем виде, и в связи с перспективами развития в ходе правовых реформ – обусловлено конституционными предписаниями. Исходя из закрепленных в Конституции принципов правового государства, основанного на уважении прав личности, подчинении праву и обеспечении прав и свобод правосудием, в России признаются и гарантируются, в частности, права каждого на защиту своих прав и законных интересов всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45, ч. 2), на судебную защиту (ст. 46, ч. 1), а также на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 123, ч. 3). Этими положениями востребуется особое, характерное для цивилизованного демократического общества предназначение юристов, профессионально обеспечивающих правовую поддержку в любых процедурах защиты прав. Ими же обусловлено конституционное закрепление (в ст. 48, ч. 1) субъективного права каждого на квалифицированную юридическую помощь.

Вопрос об упорядочении системы оказания квалифицированной юридической помощи и реформирования института адвокатуры обсуждается довольно давно. Последние лет десять он не выбывает из повестки Министерства юстиции РФ, Федеральной палаты адвокатов (ФПА) РФ и той части нашего юридического сообщества, которую мы условно можем назвать юридическим бизнесом.

Однако в последнее время вопрос приобрел особую остроту в связи с подготовкой и обсуждением Концепции регулирования рынка профессиональной

юридической помощи, которую Минюст предполагает внести в Правительство РФ. Актуальность данного вопроса заключается также в том, что реформа проводится одновременно в нескольких сферах, в её разработке и осуществлении участвуют различные субъекты, часто имеющие противоположные интересы.

Необходимо отметить, что проблема реформирования института профессиональной юридической помощи в Российской Федерации является на сегодня одной из наиболее актуальных и сложных. В результате запланированных реформ вся система оказания юридических услуг может существенно измениться, что затронет интересы как самих юристов, так и их клиентов.

Сложность рассматриваемой проблематики заключается также в том, что реформа проводится одновременно в нескольких сферах, в её разработке и осуществлении участвуют различные субъекты, часто имеющие противоположные интересы. Необходимо отметить, что основным документ, определяющий порядок реализации и суть реформы, – государственная программа «Юстиция», разработанная и реализуемая Министерством юстиции. В государственной программе должны быть изменения, которые зафиксированы в ряде нормативно-правовых актов. Так, поправки будут внесены в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». Проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения права адвоката на сбор сведений, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи» разработан Правительством и внесён в Госдуму (Распоряжение Правительства РФ от 8 февраля 2016 г. № 178-р). Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) также разработал ряд предложений, направленных на обеспечение прав адвоката, предусматривающих внесение изменений в УПК. В Рекомендациях СПЧ по итогам специального заседания на тему «О дополнительных гарантиях независимости адвокатов при исполнении ими служебных обязанностей» предложен пакет соответствующих законопроектов [13]. До 31 декабря 2017 года Министерством Юстиции должен быть разработан проект нового Федерального закона «О профессиональной юридической помощи в Российской Федерации». Безусловно, изменения будут внесены и в другие нормативно-правовые акты.

В результате реформы система оказания профессиональной юридической помощи в Российской Федерации должна стать более упорядоченной за счёт установления единых требований и стандартов. Субъектами, принимающими участие в разработке и реализации реформы, предлагаются различные пути в её осуществлении. Одним из таких направлений стало объединение большей части юристов на базе адвокатуры с одновременным предоставлением адвокатам дополнительных прав и гарантий. Для того чтобы определить основные подходы к будущему юридической профессии в России, необходимо обратиться к государственной программе «Юстиция».

9 апреля 2015 года был принят приказ Минюста «О межведомственной рабочей группе по подготовке концепции регулирования профессиональной юридической помощи в рамках государственной программы Российской Федерации “Юстиция”». В п. 3 приложения к приказу указано, что основной функцией межведомственной рабочей группы является разработка проекта концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи.

В соответствии с п. 5 приложения к приказу, межведомственная рабочая группа формируется из представителей юстиции Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, а также иных заинтересованных лиц. Руководителем межведомственной рабочей группы была назначена заместитель министра юстиции Российской Федерации Борисенко Е. А. Следовательно, в рабочую группу вошли представители Минюста, различных госорганов, в т. ч. Федеральной таможенной службы, Следственного комитета и др., Адвокатской палаты Российской Федерации, а также адвокатских палат субъектов Российской Федерации, представители научного сообщества, представители общественных организаций, в т. ч. общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», адвокаты, не представляющие адвокатские палаты, юристы, выступающие в интересах юридического бизнеса.

В результате деятельности рабочей группы были подготовлены несколько проектов по дальнейшей реформе адвокатуры Российской Федерации. При этом проекты достаточно существенно отличались в зависимости от того, кто их готовил, и от проблем, решению которых они должны содействовать.

Сравним основные положения проектов реформы.

Суть реформы института профессиональной юридической помощи в Российской Федерации представляется различными субъектами данного института по-разному. Министерство юстиции предполагает, что реформирование будет заключаться в объединении разрозненной сферы профессиональной юридической помощи в единое профессиональное сообщество, подчиненное общим правовым и этическим правилам, объединяющим лучшие стандарты как сегодняшней адвокатуры, так и юридического консалтинга [12].

Представители юридического бизнеса рассматривают содержание реформы в преодолении раскола в профессии «консультант по российскому праву» на рынке платной юридической помощи (юридических услуг) между адвокатами и адвокатскими образованиями, с одной стороны, и частнопрактикующими юристами и юридическими фирмами – с другой, и объединение их на базе института адвокатуры [3].

Адвокаты из Федеральной палаты адвокатов в первую очередь говорят об устранении негативных явлений, которые в настоящее время наблюдаются в сфере оказания юридических услуг, и создании системы оказания квалифицированной юридической помощи с едиными для всех правилами допуска в профессию и общим порядком ее регулирования [16].

СПЧ в своих рекомендациях по реформе настаивает на необходимости предоставления адвокатуře больших прав и гарантий, способных обеспечить независимость и самостоятельность в деятельности защитников. Такой же точки зрения придерживается правительство в законопроекте по адвокатскому запросу [13].

Необходимо отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации прямо не участвует в разработке реформы. Практика суда опосредованно влияет на сущность будущих изменений через конституционное толкование. Например, в Постановлении N 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан

А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других» Конституционный суд осуществил комплексное толкование положений законодательства об адвокатской тайне.

Установление в законодательстве понятия квалифицированной юридической помощи является важнейшим положением реформы.

Таким образом, оказание юридических услуг при установленных квалификационных требованиях соответствует международной практике. В международных актах неоднократно говорилось о необходимости обеспечения государствами должной квалификации лиц, оказывающих юридическую помощь. Так, в Основных принципах, которые относятся к роли юристов, принятых 8 Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г.), специально указывается, что правительства должны обеспечивать надлежащую квалификацию и подготовку юристов, знание ими профессиональных идеалов и моральных обязанностей, а также прав человека и основных свобод, признанных национальным и международным правом. О квалифицированном характере юридической помощи говорится также в Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1998 г. № 53/144) [5].

Министерством юстиции в проекте концепции регулирования профессиональной юридической помощи представлено понятие квалифицированной юридической помощи как деятельности по оказанию на постоянной профессиональной и возмездной основе неограниченному кругу лиц юридических услуг и услуг по представительству (в том числе судебному и в административных органах), осуществляемой допущенными к ней по определенной законом процедуре и в соответствии с квалификационными требованиями лицами, для которых обязательны установленные профессиональные стандарты и этические нормы [12].

Проекты Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и представителей юридического бизнеса подобных определений не содержат. Это можно считать недостатком, учитывая, что вопрос о повышении качества квалифицированной (профессиональной) юридической помощи и установления её критериев является одним из основных в реформе.

Законопроект, усиливающий роль адвокатского запроса, внесённый Правительством в Государственную думу, также затрагивает указанную проблему. В документе полномочия по установлению стандартов оказания квалифицированной юридической помощи возложены на Всероссийский съезд адвокатов.

В результате реформы адвокатам могут быть предоставлены монопольные права на судебное представительство. Как утверждает Е. Э. Макушкина: «Все последние годы шло активное обсуждение различных способов регулирования рынка юридических услуг. В качестве таковых назывались, например, лицензирование, саморегулирование юристов, адвокатская монополия [Цит. по: 4, с. 20]. Последнее предложение стало предметом наиболее пристального внимания со стороны юридической общественности (в связи с появлением соответствующего проекта закона) и, в конечном итоге, было избрано законодателем» [5].

Из доклада Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ и Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге «Адвокатское сообщество России» можно установить статистические данные по поддержке монополии, полученные при опросе практикующих адвокатов: «Подавляющее большинство адвокатов, так или иначе, поддерживают адвокатскую монополию. Лишь 5,9 % опрошенных не считают ее правильной в российском судопроизводстве. Оставить текущее монопольное положение адвокатуры по защите интересов подсудимого, обвиняемого или подозреваемого в уголовном процессе предлагает каждый восьмой адвокат. Остальные выразили поддержку расширения преимущественного права представителей адвокатуры на судебное представительство. При этом максимально широкую поддержку монополии на представление интересов стороны в гражданских и административных делах – высказали более половины – 55,5 %» [2, с. 64].

Даже поверхностный анализ свидетельствует о том, что адвокатское сообщество воспринимает себя как более компетентную, профессиональную, дисциплинированную и ответственную перед клиентами общность юристов. При этом основные конкуренты в гражданском и административном процессах представляются чаще как более свободные и неконтролируемые [3].

Приведённые данные наглядно показывают, что среди большей части адвокатов необходимость ограничения права на судебное представительство не вызывает сомнения. Утверждение о необходимости введения полной адвокатской монополии единогласной поддержки не получило, так как адвокаты высказываются за её расширение, но не во всех сферах. Более подробная статистическая информация, которая предлагает свой вариант обеспечения граждан квалифицированной юридической помощью, по отношению к указанному вопросу в адвокатском сообществе представлена в докладе Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ и Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге «Адвокатское сообщество России».

Президиумом организации было принято решение направить в Министерство юстиции Российской Федерации и Федеральную палату адвокатов Российской Федерации предложения и замечания по проекту «Концепции регулирования рынка юридических услуг». Одно из предложений заключается в том, чтобы: «рассмотреть возможность: объединения юристов в саморегулируемых организациях без перехода в адвокатуру либо возможно создание палаты судебных поверенных, которая объединит всех лиц, осуществляющих профессиональное квалифицированное судебное представительство в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, за исключением уголовных дел. Сохранив право защиты граждан в уголовном судопроизводстве за адвокатами» [9].

Одним из основных аспектов рассматриваемой проблематики является адвокатская монополия, которая имеет как свои преимущества, так и недостатки. Среди положительных, на наш взгляд, можно выделить следующие:

– преодоление разрозненности в юридической профессии, объединение наиболее квалифицированных юристов на базе адвокатуры, что приведёт к повышению качества предоставляемых юридических услуг;

– установление единых норм и стандартов деятельности по оказанию профессиональной юридической помощи, обеспечение контроля над их исполнением;

– отсеивание недобросовестных представителей юридической профессии, создание эффективной системы привлечения их к ответственности;

– частнопрактикующие юристы, приобретая статус адвоката, получают дополнительные права и гарантии, в том числе на применение адвокатского запроса, сохранение адвокатской тайны, участие в работе органов адвокатского самоуправления и т. п.

– повышение конкурентоспособности адвокатов на рынке юридических услуг через монопольное право на судебное представительство.

В Отчёте миссии МКЮ от 2015 года «Становление сильной адвокатуры в Российской Федерации» отмечается: «Тот факт, что большинство юристов в России действуют за рамками какой-либо системы самоуправления (будь то адвокатура или иная независимая параллельная структура), означает, что российская правовая система во многом полагается на лиц, которые не подчиняются требованиям кодекса этики и дисциплинарной системы» [15, с. 14].

Противники введения адвокатской монополии, а именно: частнопрактикующие юристы, представители крупных юридических фирм, обращают внимание на возможные проблемы, к которым она может привести. Это, прежде всего:

1. Нарушение права на квалифицированную юридическую помощь и на судебную защиту, когда лицо сможет выбрать представителя в суде исключительно из адвокатов.

2. Ограничение на доступ в профессию, особенно для молодых юристов, т. к. предоставление полноценных юридических услуг будет предполагать наличие у лица статуса адвоката.

3. Зависимость юристов от органов адвокатского самоуправления, отсутствие в системе квалифицированной юридической помощи полностью самостоятельных субъектов.

4. Повышение стоимости юридических услуг и недостаточность конкуренции. Количество лиц, способных предоставлять все возможные виды юридической помощи после реформы уменьшится, а те, которые останутся, получают возможность произвольно устанавливать цены.

5. Ограничение возможностей для предпринимательства в сфере юриспруденции. Развитие подобного бизнеса в существующих формах адвокатских образований будет достаточно сложным. Кроме того, некоммерческий характер таких образований ставит под сомнение саму возможность ведения бизнеса в данной сфере.

Указанные недостатки являются существенными, и меры по их устранению должны быть продуманы заранее, перед введением адвокатской монополии на представительство в суде. Одним из способов решения поставленных проблем может быть изучение опыта иностранных государств, которые создали эффективную систему квалифицированной юридической помощи и на протяжении многих лет успешно её применяют.

Как указывает С. Ж. Соловых: «Институт квалифицированной юридической помощи в зарубежном законодательстве реализуется в виде трех моделей. Первая

модель исходит из возможности оказания квалифицированной юридической помощи на рынке правовых услуг посредством только института адвокатуры (например, Австрия, Германия, Франция); вторая модель представляет возможность оказания юридической квалифицированной помощи иными лицами без статуса адвоката, но на судебное представительство существует монополия адвокатуры (Бельгия, Норвегия, Португалия); третья модель представляет возможность работать на рынке правовых услуг без статуса адвоката (например, Финляндия).

Здесь следует обратить внимание на определенную зависимость государственной правовой доктрины от выбранной модели оказания платной квалифицированной юридической помощи, которая представляет собой определенную концепцию, основывающуюся на принципе доступности правосудия» [11, с. 16–17].

Так, в государствах, где реализуется первая из указанных моделей, можно проследить жесткие требования к статусу адвоката и высокую степень защищенности адвокатского корпуса от давления государственной власти, а также высокую количественную обеспеченность населения адвокатским корпусом. Например, на 100 тыс. населения в Германии приходится 189 адвокатов, в Швейцарии – 102 адвоката, во Франции – 86 адвокатов.

На государственном уровне, где реализуется третья модель оказания платной квалифицированной юридической помощи, доля адвокатов гораздо ниже. Так, в Финляндии на 100 тыс. населения приходится 36 адвокатов, в Швеции – 57 адвокатов [14, с. 16–17]. Более того, финское, швейцарское и немецкое законодательство устанавливает четкие суммы, которые получают юристы за оказанное судебное представительство и которые определяются в зависимости от категории дела, формы разрешения спора (альтернативная либо судебная), а также судебной инстанции, в которой участвовал юрист.

В России же на 100 тыс. населения приходится 46 адвокатов. В активе мы имеем высокую степень конфликтности в обществе, что отражает судебная статистика, а также сложности с внедрением в юридическую практику альтернативных форм разрешения споров [14, с. 16–17].

Таким образом, реформа системы квалифицированной юридической помощи в России будет проводиться либо по первому пути (Франции, Австрии, Германии), либо по второму (Бельгии, Норвегии, Португалии). Такой подход является обоснованным, учитывая, что все эти страны входят в романо-германскую правовую семью, имеют сходные с российскими правовые институты. С другой стороны, обязательным условием его внедрения является обеспечение высокого уровня квалификации адвокатов в государстве, их независимости. Актуальным является зарубежный опыт по установлению фиксированных сумм оплаты за судебное представительство.

На сегодня число адвокатов в стране объясняется большим количеством частнопрактикующих юристов. Учитывая опыт иностранных государств, после ограничения полномочий юристов на судебное представительство число адвокатов должно значительно увеличиться. Вопрос о переходном периоде в реформе будет рассмотрен далее.

Из указанного следует, что введение адвокатской монополии на судебное представительство является спорным положением реформы, по-разному

оценивается представителями юридического сообщества, имеет ряд преимуществ и недостатков.

Получается, прежде чем ограничивать для юристов права на судебное представительство, необходимо рассмотреть иные решения вопроса повышения качества профессиональной юридической помощи.

Таким решением может стать создание саморегулируемых общественных организации (СРО) по аналогии с организациями аудиторов, членами которых будут все юристы-консультанты по российскому праву. Такие организации могли бы объединить различных представителей юридического сообщества, стать местом для решения актуальных проблем юридической профессии, выполнять методические и образовательные функции, разрабатывать стандарты юридической этики, проводить мероприятия, направленные на повышение качества оказания юридических услуг, привлекать к ответственности за дисциплинарные правонарушения.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О саморегулируемых организациях», под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил.

Содержание саморегулирования соответствует задачам, которые стоят перед реформой института профессиональной юридической помощи в Российской Федерации. Саморегулируемые организации смогут охватить юристов, развивающих собственный юридический бизнес, осуществляющих юридическое консультирование, работающих по найму. В таком случае решится проблема переходного периода, юристам-предпринимателям не нужно будет прекращать свою деятельность ради возможности вступления в адвокатуру, не возникнет необходимости коммерциализации адвокатуры для её соответствия потребностям юридического бизнеса. Кроме того, даже в случае введения адвокатской монополии не все юристы пожелают (смогут) тут же получить статус адвоката. Кто-то продолжит работу по правовому консультированию. Следовательно, вопрос о регулировании деятельности юристов-консультантов по российскому праву всё равно будет подниматься.

Положительным для такого подхода будет независимость для юристов, наличие у них выбора между различными саморегулируемыми организациями либо объединением для самостоятельного создания такой организации. В Федеральном законе «О саморегулируемых организациях» прописаны основные нормы о членстве в такой организации, её функциях, правах и обязанностях, контроле за деятельностью её членов, порядке применения мер дисциплинарного воздействия на её членов, способах обеспечения имущественной ответственности её членов перед потребителями услуг, органах управления такой организацией, её взаимодействии с органами государственной власти и государственном надзоре за её деятельностью.

В будущем законе о квалифицированной юридической помощи можно предусмотреть обязательное членство в саморегулируемых организациях для

юристов, оказывающих такую помощь, уточнить особенности создания СРО в юридической сфере. При введении института саморегулирования для юристов можно опираться на опыт создания и функционирования СРО арбитражных управляющих, профессиональных участников рынка ценных бумаг, аудиторов, оценщиков и др.

Применение СРО в юридической сфере позволит наиболее безболезненно решить проблемы в деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи без введения адвокатской монополии на судебное представительство, определить юридический статус юристов-консультантов по российскому праву, повысить качество юридических услуг в стране.

Перспективным является также создание единой общественной организации, не являющейся саморегулируемой, которая объединила бы в себе всё юридическое сообщество, представителей различных юридических специальностей. Такая организация сможет стать местом для дебатов по наиболее актуальным вопросам юридической профессии, позволит юристам, работающим в различных сферах, аргументированно и целенаправленно защищать свои интересы. Данный подход позволит увидеть целостную картину юридического сообщества в стране, проблемы, которые в нём существуют. Важно предоставить такой организации возможность участвовать в законодательной деятельности, взаимодействовать с органами государственной власти, направлять своих представителей в квалификационные комиссии.

Таким образом, установление адвокатской монополии не является единственным вариантом повышения качества квалифицированной юридической помощи в стране. Тем не менее именно данное направление взято за основу будущей реформы. Предоставление права на представительство в суде только для адвокатов предполагает расширение форм адвокатских образований.

Новая форма адвокатского образования будет создана для обеспечения интересов тех юристов, которые до реформы работали в частных юридических фирмах. Её внедрение необходимо для обеспечения юридическим фирмам возможности эффективно работать. Подобная форма адвокатского образования должна разрешить вопросы управления, распределения прибыли, ответственности, привлечения наёмных работников в данной сфере.

Разработчики реформы уделили новой форме адвокатских образований достаточно внимания, но их проекты концепции регулирования профессиональной юридической помощи по указанному вопросу существенно различаются.

Проект Министерства юстиции Российской Федерации предполагает создание адвокатского партнерства, имеющего некоммерческий характер деятельности. Термин «юридическая фирма» в нём не применяется: «В качестве новации предлагается введение новой организационной формы адвокатской деятельности – адвокатского партнерства, имеющего некоммерческий характер деятельности, но позволяющего более гибко регулировать вопросы распределения гонораров между адвокатами, корпоративного управления, оформления взаимоотношений адвокатов между собой и с клиентами. В рамках новой организационной формы предлагается создать условия для деятельности адвокатов, сопоставимые с условиями организации деятельности частных (коммерческих) юридических консультантов»

[12]. Более конкретной информации об особенностях создания и функционирования адвокатского партнёрства в документе нет.

Отметим, что такой подход не соответствует интересам представителей юридического бизнеса. В работе по проекту они изначально большое внимание уделили реформированию существующих форм адвокатских образований. По их мнению, необходимо отменить ограничения на создание в адвокатуре юридических фирм, действующих как коммерческие организации, в противном случае огромное количество существующих фирм вынуждены будут прекратить свою деятельность, что затронет интересы не только юристов, но их клиентов.

Проект Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации содержит компромисс между двумя предыдущими подходами: «Представляется необходимым введение дополнительной организационной формы адвокатской деятельности – адвокатской фирмы, которая сочетала бы в себе основополагающий принцип некоммерческого характера деятельности, а также позволила бы в полной мере реализовать столь необходимые на практике возможности корпоративного управления, разграничения и страхования ответственности адвокатов и адвокатской фирмы и проч.» [11].

Исполнительный вице-президент Федеральной палаты адвокатов России А. Сучков в интервью «Российской газете» утверждает, что: «Отсутствие упоминания в тексте о льготном переходном периоде для частнопрактикующих юристов и о разнообразии новых форм адвокатских образований (в том числе и в виде хозяйственных обществ), что было одобрено в ходе обсуждения созданной миноюстом межведомственной рабочей группой, следует расценить как редакционную недоработку, которую следует исправить на дальнейших этапах работы» [8].

Учитывая, что окончательный вариант концепции содержится именно в проекте Миноста России, интересы юристов, не имеющих статус адвокатов по данному вопросу полностью не учтены. Это обоснованно вызывает критику реформы с их стороны:

Для объединения всех профессиональных субъектов рынка юридической помощи в рамках адвокатуры требуется реформа самого этого общественного института. Ключевыми моментами реформы адвокатуры следует считать:

– Признание адвокатской деятельности коммерческой.

– Переход к общим организационно-правовым формам, предусмотренным ГК РФ при ведении адвокатской деятельности и соответствующим формам налогообложения.

– Снятие запрета на работу адвокатов по трудовому договору.

– Отказ от внесудебной дисциплинарной практики адвокатских образований.

Любая практика лишения гражданина адвокатского статуса должна реализовываться исключительно в рамках судебных процедур. Так как данная практика вступает в противоречие с конституционными правами граждан на свободное распоряжение своими способностями, выбор рода деятельности и профессии (п. 1 ст. 37 Конституции РФ).

– Исключение дублирующей функции оценки квалификации юриста посредством экзаменов при получении статуса адвоката.

Существующий проект Концепции нарушает конституционные права граждан и предпринимателей» [9].

Таким образом, интересы юристов-консультантов по российскому праву в ходе реформы обеспечены недостаточно. Данный вопрос требует решения. Первый вариант действий: отказ от адвокатской монополии, создание единой организации юристов по аналогии с органами адвокатского самоуправления, организация палаты судебных поверенных. Второе решение: создание форм адвокатских образований, которые бы действительно (а не декларативно) соответствовали потребностям юридического бизнеса. Первый подход всё же более перспективен, т. к. второй может привести к коммерциализации адвокатуры, нарушению её статуса как института гражданского общества.

Налогообложение адвокатских образований затронуто в проекте концепции от юридического бизнеса. В проекте установлено, что юридические фирмы будут уплачивать налоги так же, как иные коммерческие организации. В традиционных формах адвокатских образований налогообложение останется без изменений. В проектах Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации данный вопрос не затронут.

В проектах Минюста и Федеральной палаты адвокатов без внимания также осталось предоставление адвокатским образованиям права на использование средств индивидуализации. Представители юридического бизнеса, в свою очередь, считают его необходимым.

Право адвокатов работать по найму прямо запрещено в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: «Адвокат не вправе вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности, а также занимать государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной службы и муниципальные должности».

Эта норма в скором времени будет изменена, так как все разработчики реформы считают необходимым предоставления адвокатам возможности вступать в трудовые отношения с адвокатскими образованиями на основании трудового договора.

Не вызвал противоречий также вопрос о предоставлении адвокатам социальных гарантий. Такие гарантии в будущем должны соответствовать тем, которые предоставляются работникам по трудовому законодательству. Решение проблемы ответственности адвокатов по представлению Министерства юстиции Российской Федерации заключается в обязательном страховании рисков профессиональной ответственности адвокатов и адвокатских образований. Представители юридического бизнеса, в свою очередь, считают, что ответственность адвоката перед доверителем необходимо ограничить. В проекте Федеральной палаты адвокатов России высказана поддержка как первой, так и второй идее, так как они между собой не противоречат. Между тем институт обязательного страхования профессиональной ответственности адвокатов является достаточно спорным и может негативно сказаться на их профессиональной деятельности. Данный вопрос требует дополнительного изучения.

Реформа должна будет решить проблему исключения из сферы оказания квалифицированной юридической помощи недобросовестных участников. По информации Е. Э. Макушкиной: «В 2011–2012 гг. квалификационные комиссии рассмотрели 9689 дисциплинарных производств. К дисциплинарной ответственности привлечено 5341 человек, прекращен статус 867 (811) адвокатов. В адвокатские палаты субъектов РФ на действия (бездействие) адвокатов поступили 21633 жалобы и сообщения, в территориальные органы юстиции – 3064. Численность адвокатуры к началу 2013 г. составила 67978 человек» [5, с. 22].

Составители реформы предложили различные способы преодоления данной негативной тенденции. По мнению Минюста России, после реализации реформы необходимо будет введение административной ответственности в отношении граждан, систематически занимающихся частной юридической практикой, но не зарегистрированных в установленном порядке, с соответствующими дополнениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Представители ФПА выступили за ещё более строгие меры, т. е. введение за указанные выше действия не только административной, но и уголовной ответственности. Способствовать ограничению доступа непрофессионалов к оказанию квалифицированных юридических услуг, с их точки зрения, будет также введение единых квалификационных требований на допуск к оказанию юридической помощи на профессиональной основе, распространение на всех участников этой сферы существующего в адвокатуре механизма ответственности за нарушение положений закона и корпоративных норм.

Юристы от юридического бизнеса предложили воздействовать на недобросовестных коллег через корпоративные нормы. По их мнению, юридическая фирма в целом и ее отдельные адвокаты обязаны соблюдать требования законодательства об адвокатуре в части:

- адвокатской этики,
- конфликта интересов,
- сохранения адвокатской тайны.

В целях соблюдения этих требований в юридической фирме могут быть образованы органы для рассмотрения спорных вопросов и применения дисциплинарных взысканий. Юридическая фирма в целом может быть лишена статуса в случае неоднократного грубого нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности. Юридическая фирма обязана сообщать в адвокатскую палату по месту своего нахождения о составе адвокатов, работающих в юридической фирме [3].

Доступ в профессию для молодых юристов является перспективным направлением изучения проблематики на сегодня. Недостаточно разработаны в законодательстве нормы о правовом статусе стажёра адвоката, порядке сдачи квалификационного экзамена на приобретение адвокатского статуса, уплаты обязательных единовременных отчислений в адвокатские палаты. Как указывает Л. Ю. Грудцына: «Адвокат – это лицо с высшим юридическим образованием, полученным в имеющем государственную аккредитацию образовательном учреждении высшего профессионального образования, либо с ученой степенью по юридической специальности. Согласно Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

(ст. 9, 11 и 26) для получения статуса адвоката необходим стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо стажировка в адвокатском образовании в течение одного-двух лет, а также сдача квалификационного экзамена. Устанавливая такие высокие профессиональные требования и условия для наделения лица статусом адвоката, государство тем самым гарантирует любому человеку, обратившемуся к адвокату, реализацию им конституционного права на квалифицированную юридическую помощь» [4, с. 23].

Однако, по мнению многих учёных, существующая процедура наделения лица статусом адвоката имеет ряд недостатков и в будущем должна быть изменена.

Е. Э. Макушкина утверждает, что процесс сдачи квалификационного экзамена следует усовершенствовать в целях профессионализации квалификационных комиссий, введения специализации адвокатов, обеспечения информационной открытости, снижения рисков субъективизма при оценке знаний, детализации процедуры экзамена, совершенствования регламентации прав экзаменуемого (в частности, решение вопросов о возможности использования нормативных правовых актов, апелляции результатов экзамена, количестве возможных пересдач и т. д.), установления алгоритма оценки выполненных заданий. Очевидна потребность во введении инструментов государственного контроля за процедурой сдачи квалификационного экзамена, поскольку существующая сегодня система неэффективна. Такой контроль должен быть направлен на обеспечение равного доступа в профессию (независимо от места проживания и финансовых возможностей), снижение рисков коррупции, нарушений закона при сдаче экзамена, ущемлений прав экзаменуемых [5, с. 24].

Отметим, что позиция, представленная выше, безусловно, должна быть учтена в дальнейшем реформировании системы оказания квалифицированной юридической помощи, но в проектах реформы она отражена недостаточно.

Вопрос о статусе стажера адвоката детализирован в проекте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. Представители ФПА считают, что необходимо наделить стажеров адвоката достаточно широкими полномочиями, которые позволили бы им практиковать до получения статуса адвоката. Полномочия стажеров адвоката применительно к участию в судопроизводстве должны быть разумно широкими (ознакомление с делом, заявление устных доводов в судебном заседании и др.) [11].

Минюст России также рассматривает проблемы адвокатской корпорации, а именно невозможность создания своего адвокатского кабинета в первые пять лет [6]. Приведённое положение реформы уже приобрело как сторонников, так и противников. Его сторонники считают, что таким образом неопытные адвокаты получают возможность перенять профессиональные навыки коллег, традиции и ценности адвокатуры. По мнению противников нововведения, оно помешает доступу новых кадров в профессию, поскольку их возможность работать будет полностью зависеть от наличия вакантных мест в уже существующих адвокатских образованиях.

С предыдущим аспектом реформы тесно связан такой её пункт, как введение специализации адвокатов по отраслям права. По проекту Минюста России в ходе реализации Концепции предусматривается введение специализации претендента на статус адвоката при сдаче им вступительных экзаменов, создание условий для

профессиональной специализации юристов по профилям/сообществам (гражданское, арбитражное и уголовное) [12].

Проект Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации также не исключает принятие во внимание специализации претендента на получение статуса адвоката при сдаче им вступительных экзаменов [11].

Вопрос об усилении роли Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации поставлен в проекте, представленном самой палатой. Как указано в проекте, важным условием реформирования должно стать усиление роли Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по введению и обеспечению исполнения единых стандартов адвокатской деятельности, в том числе минимальных стандартов ее качества, ведению методической работы, обеспечению единых условий в регионах по доступу к адвокатской профессии, выработке принципов единообразия дисциплинарной практики [11].

Ассоциации юристов должны играть «основополагающую роль в обеспечении соблюдения профессиональных норм и этики, в защите своих членов от преследования и неправомерных ограничений и посягательств». Это особенно относится к тем государствам, в которых отсутствует прочная традиция независимых адвокатских образований [16, с. 19].

Необходимо отметить, что вопрос реализации реформы, обеспечения ее для юридического сообщества, возможности без потерь приспособиться к новым условиям является спорным. Министерство юстиции Российской Федерации предлагает установить переходный период, в течение которого будут возможны два варианта приобретения статуса адвоката:

- 1) в общем порядке, предусмотренном законом об адвокатуре;
- 2) в новом, установленном законом порядке (пункт 4.1 Концепции) [12].

Данное предложение не является конкретным, не учитывает все сложности, с которыми могут столкнуться практикующие юристы, и требует более подробной детализации.

В проекте бизнес-юристов указано, что сохранение уровня правовой защищенности граждан и организаций требует возможной минимизации организационных процедур, связанных со вступлением юристов, не имеющих в настоящее время адвокатского статуса, в адвокатское сообщество, в том числе по возможности уменьшение ограничений, связанных с изменением корпоративной организации таких юристов [3].

Адвокаты из ФПА предложили альтернативный вариант, в котором уточнили, что в рамках перехода к оказанию квалифицированной юридической помощи на базе адвокатуры предлагается установить переходный период, в течение которого будут возможны два варианта приобретения статуса адвоката:

- 1) в общем порядке, предусмотренном действующей редакцией закона об адвокатской деятельности и адвокатуре;
- 2) в специальном порядке (посредством сдачи экзамена на знание положений Закона об адвокатской деятельности и Кодекса профессиональной этики адвоката) – для лиц, имеющих стаж работы по специальности не менее пяти лет с момента получения диплома о высшем юридическом образовании [11].

Проект Минюста России уже вызвал обоснованную критику. Например, Федеральная палата адвокатов Российской Федерации намерена в ходе обсуждения

в правительстве настаивать на том, чтобы вернуть в концепцию нормы о льготном вступительном периоде перехода юристов в адвокатуру и упрощенный порядок экзаменов (только на знание норм об адвокатуре), а также два варианта адвокатских образований. По его словам, в одном из рабочих вариантов такие предложения присутствовали, но выпали в ходе согласований с Минюстом. Сейчас в концепции говорится только о том, что необходимо обеспечить юристам комфортный переход в адвокатуру [7]. Противоположную точку зрения, которую представляют не только Минюст России, но и СПЧ, выражает член совета Тамара Морщакова: «Такое упрощение снижает гарантии юридической помощи по уголовным делам, а это противоречит Конституции, – подчеркивает Морщакова, – Сейчас адвокаты сдают квалификационные экзамены, т. е. проходят более строгий отбор, напоминает она» [1]. Реформа системы квалифицированной юридической помощи предусматривает не только выдвигание более строгих требований к практикующим юристам, не имеющим статус адвоката, но и решение проблем в самой адвокатуре. Если сегодняшний проект концепции останется без изменений, количество адвокатов в стране увеличится в разы. Поэтому разрешить данные проблемы легче заранее. Это касается обеспечения независимости адвоката, адвокатской тайны, оплаты деятельности адвоката по оказанию бесплатной юридической помощи, адвокатского запроса.

Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека разработал пакет законопроектов, направленных на улучшение юридического статуса адвоката. Речь идёт о проекте Федерального закона N 925819-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в целях дополнительного гарантирования подозреваемым и обвиняемым права на квалифицированную юридическую помощь» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.11.2015) и проекте Федерального закона N 925837-6 «О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях дополнительного гарантирования подозреваемым и обвиняемым права на квалифицированную юридическую помощь» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.11.2015).

Законопроекты решают ряд актуальных вопросов, но уже вызвали некоторые возражения.

Для обеспечения независимости адвокатуры СПЧ предлагает ввести уголовную ответственность за воспрепятствование работы адвоката в качестве защитника в уголовном процессе. Эта идея нашла отклик в Федеральной палате адвокатов России, против неё выступает Генеральная прокуратура России.

В законопроектах содержится норма о повышении оплаты труда адвокатам за оказания бесплатной юридической помощи, а также передаче данного вопроса Министерству юстиции Российской Федерации. Законопроекты устанавливают дополнительные гарантии адвокатской тайны: запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля по делу, в котором он выступает защитником; установление недопустимости доказательств, полученных из досье адвоката; введение для органов расследования обязанности получить разрешение суда для проведения обыска у адвоката. Между тем актуальность последнего предложения вызывает вопросы, так как данные нормы уже установлены в законодательстве. Об этом

свидетельствует Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. N 33-П «по делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других».

Конституционный Суд постановил: «Признать пункт 7 части второй статьи 29, часть четвертую статьи 165 и часть первую статьи 182 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи со статьей 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьями 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьями 14 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, предполагают, что:

– обыск, связанный с доступом к материалам адвокатского производства, возможен только на основании судебного решения, в котором должны быть указаны конкретные объекты поиска и изъятия в ходе данного следственного действия и сведения, служащие законным основанием для его проведения;

– исследованию органами, осуществляющими уголовное преследование, и принудительному изъятию в ходе обыска не подлежат такие материалы адвокатского производства в отношении доверителя адвоката, которые содержат сведения, не выходящие за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи как по уголовному делу, в котором адвокат является защитником, так и по каким-либо другим делам, находящимся в производстве адвоката, т. е. материалы, не связанные непосредственно с нарушениями со стороны как адвоката, так и его доверителя, совершенными в ходе производства по данному делу, которые имеют уголовно противоправный характер, либо другими преступлениями, совершенными третьими лицами, либо состоят в хранении орудий преступления или предметов, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен на основании закона;

– в ходе обыска в помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается видео-, фото- и иная фиксация материалов адвокатских производств в той их части, которая составляет адвокатскую тайну.

Конституционно-правовой смысл пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике».

Предложение СПЧ направлено на обеспечение участия защитника в процессе доказывания и предполагает введение запрета для следователя на отказ защите в проведении следственных действий, в т. ч. допроса свидетелей. Данная позиция является достаточно спорной. С одной стороны, она сможет обеспечить большую состязательность в уголовном процессе, с другой – может затруднить работу следствия по уголовным делам, способствовать их необоснованному затягиванию. Так как следствие является стороной обвинения, то и в проведении следственных действий в пользу стороны защиты оно не заинтересовано. С учётом того, что в состязательном процессе окончательную оценку доказательств осуществляет суд,

каждая из сторон должна иметь независимость в сборе доказательств. Возможным решением в данном случае будет введение перечня оснований, по которым следователь имеет право отказать в проведении следственного действия, ограничение сроков, в которые сторона защиты сможет предъявить соответствующее ходатайство. Наиболее приемлемый вариант – увеличение возможностей для защиты по сбору доказательств. В таком случае адвокат самостоятельно и независимо от органов предварительного расследования сможет собирать доказательства, которые впоследствии будут оценены судом. Отсюда следует необходимость не только усилить роль адвокатского запроса, которая реформой также предусмотрена, но и предоставить ему дополнительные возможности по сбору доказательств. Например, самостоятельно обращаться в судебно-экспертные учреждения для проведения экспертиз.

Проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения права адвоката на сбор сведений, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи» должен будет способствовать решению указанной проблемы: «Законопроект укрепит сторону защиты, в том числе определит требования к форме адвокатского запроса и реакции соответствующих органов на него», – сказал «РГ» президент Федеральной палаты адвокатов Юрий Пилипенко. – Для предоставления запрашиваемой информации предусмотрен срок в 30 дней, конкретизирован перечень оснований, по которым адвокату может быть отказано в предоставлении сведений.

Штраф за игнорирование адвокатских запросов предусмотрен до трех тысяч рублей.

Новые нормы, как надеются представители адвокатуры, создадут дополнительные гарантии равноправия для сторон процесса [10].

СПЧ принадлежит инициатива об ограничении обязанности адвоката по неразглашению тайны следствия. Предполагается, что: «Следователь, заставляя адвоката дать подписку о неразглашении, должен в своем постановлении уточнить, что именно является тайной следствия».

В соответствии с международными стандартами государства обязаны создать условия, в которых адвокаты смогут выполнять свои профессиональные обязанности и функции, а также обеспечить защиту их роли и прав, как и других участников судебной системы. В таких условиях адвокаты смогут защищать своих клиентов в соответствии с законом в отсутствие давления или вмешательства извне [16, с. 22].

Таким образом, проведенный сравнительный анализ проектов концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи позволяет прийти к выводу, что основные направления реформирования адвокатуры в Российской Федерации уже намечены. К ним относим создание упорядоченной системы квалифицированной юридической помощи, ограничение возможностей на судебное представительство, введение новых форм адвокатских образований, предоставление адвокатам больших прав, введение дополнительных гарантий их деятельности. Положения будущей реформы активно обсуждаются в юридическом сообществе. При этом далеко не все из предложенных нововведений получили однозначную поддержку. Один из наиболее спорных вопросов реформы – установление

адвокатской монополии на судебное представительство, против чего выступают многие частнопрактикующие юристы, представители крупных юридических фирм.

Список литературы:

1. Адвокатский минимум Реформа адвокатуры столкнулась с возражениями. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/10/08/611946-reforma-advokaturi>
2. Адвокатское сообщество России: доклад Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ и Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге / А. Казун, Е. Ходжаева, А. Яковлев. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/04/08/1095147351/Адвокатское%20сообщество%20России.pdf>
3. Вариант раздела 4.2.2 проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи от 19.08.2015 г. Разработан представителями инициативной группы юридического бизнеса (Е. Н. Шестаковым, А. Н. Латыевым). URL: https://zakon.ru/blog/2015/12/02/konceptiya_izmenila_chast_1ya_povestvuyushhaya_o_tom_kak_sovmestno_potrudilsya_yurbiznes_i_advokatu
4. Грудцына Л. Ю. Правовое обеспечение гарантий независимости, самоуправления и финансирования адвокатской деятельности // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 23–27.
5. Макушкина Е. Э. Некоторые проблемы профессиональной подготовки адвокатов и сдачи квалификационного экзамена в свете реформы рынка юридических услуг // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 5 (12). – С. 19–28.
6. Минюст задумал реформу адвокатуры. – <http://pravo.ru/review/view/111053/>
7. Минюст и Совфед укажут путь к адвокатской монополии. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2872581>
8. Минюст установил сроки подготовки проекта об адвокатской монополии. URL: <http://rg.ru/2016/01/14/advokatura.html>
9. Открытое обращение к Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». URL: <https://zakon.ru/discussion/2016/3/18/obraschenie>
10. Правительство внесло в Госдуму законопроект об адвокатском запросе. URL: <http://rg.ru/2016/02/11/v-gosdumu-vnesen-zakonoproekt-ob-advokatskom-zaprose.html>
11. Проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи по обеспечению доступа граждан и юридических лиц на получение квалифицированной юридической помощи от 21.08.2015 г. Разработан представителями ФПА РФ. URL: https://zakon.ru/blog/2015/12/02/konceptiya_izmenila_chast_1ya_povestvuyushhaya_o_tom_kak_sovmestno_potrudilsya_yurbiznes_i_advokatu
12. Проект распоряжения Правительства Российской Федерации об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи. Разработан Минюстом России. URL: https://zakon.ru/blog/2015/12/02/konceptiya_izmenila_chast_1ya_povestvuyushhaya_o_tom_kak_sovmestno_potrudilsya_yurbiznes_i_advokatu
13. Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «О дополнительных гарантиях независимости адвокатов при исполнении ими служебных обязанностей». URL: <http://www.president-sovet.ru/documents/read/447/>
14. Соловых С. Ж. Институт юридической квалифицированной помощи как гарантия доступности правосудия // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: Материалы V международной научно-практической конференции (г. Уфа, 8 февраля 2015 г.) / под общ. ред. А. В. Рагулина, И. Т. Кантюковой; Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. – Уфа, 2015. – С. 158–162.
15. Становление сильной адвокатуры в Российской Федерации. Отчёт миссии МКЮ 2015. URL: <http://www.eurasian-advocacy.ru/PDF/Russia-Towards-a-Stronger-Legal-Profession-Publication-2015-RUS.pdf>
16. Шакиров Т. Р. Международные стандарты независимости и подотчетности адвокатов // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 6 (7). – С. 18–25.

Yurchenko L., Klyuchenko A. Problems of reformation of institute of professional legal aid in Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). – № 3. – P. 144–162.

Constitutional maintenance of right on a professional legal aid is examined in this article. This issue is examined in the aspect of the actual advocacy reform problems, connected with the introduction of the access mechanism to the legal representation, true not only for advocates, but also for lawyers, engaged in commercial legal services providing. The comparative analysis of the concepts projects, devoted to the regulation of the professional legal aid market, is made. The projects mentioned were developed by the Federal Chamber of advocates of the Russian Federation, Ministry of justice of the Russian Federation and representatives of the legal business. The importance of the advocate association's organization and activity is emphasized, while the advocate association is defined as an independent, self-regulated and self-directed non-commercial organization. Alongside, the principles of the competitive rule-making as a basis for constitutional institute of legal aid are described.

Keywords: professional legal aid, reform of advocacy, market of legal services, advocate monopoly, business-lawyers.

Spisok literatury:

1. Advokatskij minimum Reforma advokatury stolknulas s vozrashcheniyami <<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/10/08/611946-reforma-advokaturi>>
2. Advokatskoe soobshhestvo rossii: doklad Instituta analiza predpriyatij i rynkov NIU VSHE i Instituta problem pravoprimeneniya pri Evropejskom universitete v Sankt-Peterburge / A. Kazun, E. Xodzhaeva, A. Yakovlev <<https://www.hse.ru/data/2015/04/08/1095147351/advokatskoe%20soobshhestvo%20rossii.pdf>>
3. Variant razdela 4.2.2 proekta Konceptii regulirovaniya rynka professionalnoj yuridicheskoy pomoshhi ot 19.08.2015 Razrabotan predstavitelnyimi iniciativnoj grupy yuridicheskogo biznesa E.N. Shestakovym, A.N. Latyevym) <https://zakon.ru/blog/2015/12/02/koncepciya_izmenilas_chast_1ya_povestvuyushhaya_o_tom_kak_sovmestno_potrudilsya_yurbiznes_i_advokatu>
4. Grudcyna L. Yu. Pravovoe obespechenie garantij nezavisimosti, samoupravleniya i finansirovaniya advokatskoj deyatel'nosti // Evrazijskaya advokatura . 2013. №2 (3). S.23–27.
5. Makushkina E. E. Nekotorye problemy professionalnoj podgotovki advokatov i sdachi kvalifikacionnogo ekzamina v svete reformy rynka yuridicheskix uslug // Evrazijskaya advokatura . 2014. №5 (12). S. 19–28.
6. Minyust zadumal reformu advokatury <<http://pravo.ru/review/view/111053/>>
7. Minyust i Sovfed ukazhut put k advokatskoj monopolii <<http://www.kommersant.ru/doc/2872581>>
8. Minyust ustanovil sroki podgotovki proekta ob advokatskoj monopolii <<http://rg.ru/2016/01/14/advokatura.html>>
9. Otkrytoe obrashhenie k Obshherossijskoj obshhestvennoj organizacii «Associaciya yuristov Rossii» <<https://zakon.ru/discussion/2016/3/18/obraschenie>>
10. Pravitel'stvo vneslo v Gosdumu zakonoproekt ob advokatskom zaprose <<http://rg.ru/2016/02/11/v-gosdumu-vnesen-zakonoproekt-ob-advokatskom-zaprose.html>>
11. Proekt Konceptii regulirovaniya rynka professionalnoj yuridicheskoy pomoshhi po obespecheniyu dostupa grazhdan i yuridicheskix lic na poluchenie kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshhi ot 21.08.2015g. Razrabotan predstavitelnyimi FPA RF <https://zakon.ru/blog/2015/12/02/koncepciya_izmenilas_chast_1ya_povestvuyushhaya_o_tom_kak_sovmestno_potrudilsya_yurbiznes_i_advokatu>
12. Proekt rasporyazheniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ob utverzhdenii Konceptii regulirovaniya rynka professionalnoj yuridicheskoy pomoshhi. razrabotan Minyustom Rossii <https://zakon.ru/blog/2015/12/02/koncepciya_izmenilas_chast_1ya_povestvuyushhaya_o_tom_kak_sovmestno_potrudilsya_yurbiznes_i_advokatu>
13. Rekomendacii Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po razvitiyu grazhdanskogo obshhestva i pravam cheloveka po itogam specialnogo zasedaniya na temu «O dopolnitelnyx garantiyax nezavisimosti advokatov pri ispolnenii imi sluzhebnyx obyazannostej» <<http://www.president-sovet.ru/documents/read/447/>>
14. Solovyh S. Zh. Institut yuridicheskoy kvalificirovannoj pomoshhi kak garantiya dostupnosti pravosudiya// Aktualnye problemy sovershenstvovaniya zakonodatelstva i pravoprimeneniya: materialy v mezhdunarodnoj

nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Ufa, 8 fevralya 2015 g.) / pod obshh. red. A.V. Ragulina, I.T. Kantyukovoj; Evrazijskij nauchno-issledovatel'skij institut problem prava. Ufa, 2015. S. 158–162.

15. Stanovlenie silnoj advokatury v Rossijskoj Federacii. Otchyt missii MKYu 2015 <<http://www.eurasian-advocacy.ru/pdf/russia-towards-a-stronger-legal-profession-publication-2015-rus.pdf>>

16. Shakirov T. R. Mezhdunarodnye standarty nezavisimosti i podotchetnosti advokatov // Evrazijskaya advokatura. 2013. №6 (7)/ s. 18–25.

УДК 346.12

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОСОБАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА» И «СВОБОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА»

Буткевич О. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье на основе анализа нормативных правовых актов по созданию и функционированию особых и свободных экономических зон в Российской Федерации и юридической литературы выявлены особенности, установленные для свободной экономической зоны, созданной на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя, определены ее отличия от особых экономических зон, функционирующих в Российской Федерации.

Предложено авторское определение свободной экономической зоны, созданной на территории Крыма. Обращено внимание, что специфика свободной экономической зоны проявляется в порядке ее создания, особом сроке действия, органах управления, среди которых отсутствует управляющая компания, особой терминологии, отличающейся от той, которая используется в особых экономических зонах, содержании правового режима предпринимательской деятельности, который вводится на территории свободной и особой экономической зоны.

Делается вывод, что законодатель предусматривает возможность создания и функционирования как свободных, так и особых экономических зон на основании Соглашения по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны от 18 июня 2010 года, тем самым указывая на то, что это разновидности одного экономического явления, которое вышеуказанным Соглашением именуется «свободная (специальная, особая) экономическая зона».

Ключевые слова: свободная экономическая зона, особая экономическая зона, специальный правовой режим предпринимательской деятельности, участник свободной экономической зоны, резидент особой экономической зоны.

Особые экономические зоны – это одно из средств организации ускорения экономического развития. Существует широкое разнообразие форм, целей, механизмов, стратегий развития и результатов зонирования. Но такое разнообразие должно быть теоретически осознанно и сведено в общую схему, прежде всего, это касается понятийного аппарата.

Первые свободные экономические зоны создавались в портах и назывались «porto franco» (свободный порт, гавань). Учитывая их положительные результаты, зоны создавались в разных странах, развивалась их функциональная направленность, менялись термины, которые применялись для обозначения этого явления. В XX в. это экономическое явление получило значительное количество наименований: зоны внешней торговли (в Соединённых Штатах Америки), свободные промышленные зоны (в Ирландии), свободные таможенные зоны (в Югославии), зоны свободного предпринимательства (в Молдове), свободные экономические зоны (в Кыргызстане), специальные (свободные) экономические зоны (в Украине), особые экономические зоны (в России) и др.

Существует много вариантов в определении самого явления особых экономических зон (далее – ОЭЗ). Толкование ОЭЗ дают законодательство стран, в

которых существует это экономическое явление, международные соглашения и конвенции, теоретико-практические исследования, документы специализированных организаций, ассоциаций и тому подобное. Поэтому вопросам понятия ОЭЗ, выделения их признаков, особенностей правового регулирования предпринимательской деятельности в ОЭЗ посвящен целый ряд научных работ. Исследование проблем правового регулирования предпринимательской деятельности в ОЭЗ, особенностей их создания и функционирования связано с необходимостью совершенствования правового механизма регулирования предпринимательской деятельности в ОЭЗ (восполнения пробелов и устранения неясностей в законодательстве, упрощение административных процедур и др.) В связи с этим общественные отношения, которые возникают при создании, функционировании и ликвидации ОЭЗ, были объектом исследования таких ученых как А. Ю. Архипов [1], Е. В. Безикова [2], В. Г. Вишняков [3], А. В. Гасумянова [4], Е. А. Колчеданцева [5], П. В. Павлов [1], А. В. Татарова [1] и др.

Федеральным Законом от 29.11.2014 № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма») на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя была создана свободная экономическая зона (далее – СЭЗ на территории Крыма).

На сегодня на территории Российской Федерации создано и функционирует более 21 ОЭЗ и 1 СЭЗ.

Важным аспектом, на который следует обратить внимание, является используемая законодателем терминология: «особая экономическая зона» и «свободная экономическая зона». В связи с этим актуальным является изучение особенностей правового регулирования отношений по созданию и функционированию как особых экономических зон, так и свободной экономической зоны на территории Российской Федерации и определение соотношения понятий «особая экономическая зона» и «свободная экономическая зона» между собой, что и является целью данной статьи.

Исторически в зарубежной научной литературе и законодательстве о свободных зонах, на основе которых было построено и российское законодательство, использовалось понятие «free trade zones» – свободные экономические (торговые) зоны. В России до принятия Федерального закона 2005 г. «Об особых экономических зонах» практически повсеместно, когда речь шла о специальных территориальных образованиях, также использовался термин «свободная экономическая зона» [1, с. 40].

Свободные экономические зоны были переименованы в особые экономические зоны с момента вступления в силу Федерального Закона от 22.05.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об ОЭЗ»). До принятия указанного закона они назывались свободными зонами (конец 1980-х гг.), зонами свободного предпринимательства, свободными экономическими зонами (1990-е гг.) и отличались от современных ОЭЗ, по мнению ряда ученых, направленностью на экспортное производство и на стимулирование внешнеэкономической деятельности, отсутствием специального закона, непосредственно регулирующего их положение [5, с. 77]. Смешение различных

понятий привело к проблемам функционирования ОЭЗ в силу одновременного действия внешнеэкономического и инвестиционного режимов в рамках одной территории [4, с. 14].

В. Г. Вишняков, уточняя смысл замены слов «свободная» на «особая», пишет о том, что такая позиция законодателя выражается в усилении государственного контроля над внешнеэкономической деятельностью ОЭЗ с целью недопущения превращения их в офшорные зоны. По его мнению, «особая экономическая зона» отличается от «простой», «свободной» экономической зоны тем, что в ней фактически и системно переплетаются все аспекты понятия «территория»: территория государства, сфера государственного суверенитета, внешние пределы и границы его осуществления; географическое пространство, природная среда, земная поверхность; объект хозяйствования, базис и условие хозяйственной деятельности [3, с. 23]. Его точку зрения разделяет Е. В. Безикова [2, с. 23].

В свою очередь, такие ученые, как А. Ю. Архипов, П. В. Павлов, А. В. Татарова, считают, что особую экономическую зону можно представить как отечественную разновидность международного института СЭЗ, специфика которого заключается в предоставлении особого территориального статуса и режимов осуществления предпринимательской деятельности, установленных российским законодательством [1, с. 43–44].

Научное пояснение использования законодателем терминов «особая экономическая зона» и «свободная экономическая зона» требует доработки с учетом последних изменений в действующем законодательстве Российской Федерации. Обратимся к анализу нормативных правовых актов относительно создания и функционирования СЭЗ на территории Крыма и определим их соотношение с другими нормативными правовыми актами, составляющими законодательство об особых экономических зонах.

Федеральным Законом от 22.05.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах Российской Федерации» под особой экономической зоной понимается часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны (ст. 2).

В статье 1 ФЗ «Об ОЭЗ» указывается, что отношения в сфере особых экономических зон в Российской Федерации регулируются Соглашением от 18 июня 2010 года по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны. В указанном соглашении употребляется термин «свободная (специальная, особая) экономическая зона», под которой понимается часть территории государства-члена таможенного союза в пределах, установленных законодательством государства-члена таможенного союза, на которой действует особый (специальный правовой) режим осуществления предпринимательской и иной деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.

В соответствии со ст. 8 ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» свободная экономическая зона определяется как территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя, на которых действует особый режим

осуществления предпринимательской и иной деятельности, а также применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны.

Отношения, возникающие в связи с созданием, функционированием и прекращением функционирования СЭЗ на территории Крыма, регулируются ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» и Соглашением по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны от 18 июня 2010 года, иными актами таможенного законодательства Таможенного союза, другими федеральными законами, а также принятыми в соответствии с ними указами Президента Российской Федерации и нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации. При этом в ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» не указывается, что такие отношения регулируются законодательством об особых экономических зонах.

СЭЗ на территории Крыма имеет особый правовой статус, который проявляется в следующем.

1. СЭЗ на территории Крыма создается отдельным федеральным законом, которым определена территория СЭЗ и порядок ее функционирования. ОЭЗ создаются постановлением Правительства Российской Федерации (в соответствии со ст. 6 ФЗ «Об ОЭЗ» решение о создании ОЭЗ на территории субъекта Российской Федерации или территориях субъектов Российской Федерации и территории муниципального образования или территориях муниципальных образований принимается Правительством Российской Федерации и оформляется постановлением Правительства Российской Федерации).

Такая особенность характерна не только для СЭЗ на территории Крыма. В Российской Федерации еще две ОЭЗ были созданы и функционируют на основе федеральных законов: Федеральный закон от 31.05.1999 № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» и Федеральный закон от 10.01.2006 № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

2. При создании каждой ОЭЗ определяется ее тип: промышленно-производственная; технико-внедренческая; туристско-рекреационная; портовая. Для СЭЗ на территории Крыма такой тип не определен.

3. В соответствии со ст. 9 ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» свободная экономическая зона создается сроком на 25 лет. Срок существования СЭЗ может быть продлен федеральным законом, в то время как ОЭЗ создается сроком на 49 лет, который продлению не подлежит (ст.6 ФЗ «Об ОЭЗ»). Также надо обратить внимание на то, что ОЭЗ в Магаданской области создана сроком до 31 декабря 2025 года, а ОЭЗ в Калининградской области – до 1 апреля 2031 (т. е. сроком на 25 лет).

4. Не полностью совпадает круг субъектов, которые могут выступать органами управления особой экономической зоны и свободной экономической зоны. Так, в СЭЗ на территории Крыма, а также в ОЭЗ в Магаданской области и ОЭЗ в Калининградской области отсутствует такой орган управления ОЭЗ, как управляющая компания.

5. Содержание правового режима осуществления предпринимательской деятельности на территории ОЭЗ зависит от ее типа. Для СЭЗ на территории Крыма, ОЭЗ в Магаданской области и ОЭЗ в Калининградской области особенности

вводимого на территории зоны режима предпринимательской деятельности определяется соответствующим федеральным законом.

6. Важным признаком любой экономической зоны являются специальные субъекты хозяйствования, для которых вводится особый льготный режим осуществления предпринимательской деятельности. Правовой статус участников СЭЗ имеет свою специфику, которая проявляется не только в особой терминологии, отличающейся от той, которая используется в особых экономических зонах (например, «участник СЭЗ» и «резидент ОЭЗ»; «договор об условиях деятельности в свободной экономической зоне» и «соглашения о ведении промышленно-производственной, технико-внедренческой, туристско-рекреационной деятельности или о деятельности в портовой особой экономической зоне»), но и в отсутствии запретов на регистрацию в качестве участников СЭЗ некоммерческих организаций и унитарных предприятий. Такие запреты в отношении видов и организационно-правовых форм участников отсутствуют и в ОЭЗ в Магаданской области.

Как для участников СЭЗ, так и резидентов ОЭЗ соответствующими статьями федеральных законов устанавливаются гарантии от неблагоприятного изменения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах (ст. 38 ФЗ «Об ОЭЗ» и ст. 16 ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма»).

Таким образом, можно сделать вывод, что СЭЗ на территории Крыма – это часть территории Российской Федерации (территория Республики Крым и города федерального значения Севастополя), на которой специальным федеральным законом сроком на 25 лет вводится специальный правовой режим предпринимательской деятельности льготной направленности для участников СЭЗ и управление осуществляется специальными органами управления с целью обеспечения устойчивого социально-экономического развития, привлечения инвестиций в развитие действующих и создание новых производств, развития транспортной и иных инфраструктур, туризма, сельского хозяйства и санаторно-курортной сферы, а также повышения уровня и качества жизни граждан.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что СЭЗ на территории Крыма присущи все признаки особых экономических зон, которые имеют определенную специфику. Такая специфика проявляется в порядке создания СЭЗ, особом сроке ее действия, органах управления, среди которых отсутствует управляющая компания, особой терминологии, отличающейся от той, которая используется в особых экономических зонах (например «участник СЭЗ» и «резидент ОЭЗ»; «договор об условиях деятельности в свободной экономической зоне» и «соглашения о ведении промышленно-производственной, технико-внедренческой, туристско-рекреационной деятельности или о деятельности в портовой особой экономической зоне»), содержании правового режима предпринимательской деятельности, который вводится на территории СЭЗ и на территории ОЭЗ. В то же время по своей специфике СЭЗ не подпадает ни под один из типов ОЭЗ, указанных в ФЗ «Об ОЭЗ».

Общим для ОЭЗ и СЭЗ является то, что отношения, которые в них складываются, регулируются Соглашением по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны от 18 июня 2010 года. При этом в ФЗ «О СЭЗ на территории Крыма» не указывается, что такие отношения регулируются законодательством об особых экономических зонах (такой термин

содержит ФЗ «Об ОЭЗ» и указывает, что «законодательство Российской Федерации об особых экономических зонах состоит из настоящего Федерального закона и принимаемых в соответствии с ним иных федеральных законов»).

Можно сделать вывод, что ОЭЗ и СЭЗ на современном этапе развития Российской Федерации имеют много общих признаков, которые в то же время своей спецификой отличают между собой СЭЗ и ОЭЗ. Анализ нормативных правовых актов свидетельствует, что законодатель предусматривает возможность создания и функционирования как СЭЗ, так и ОЭЗ на основании Соглашения по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны от 18 июня 2010 года, тем самым указывая на то, что это разновидности одного экономического явления, которое вышеуказанным Соглашением именуется «свободная (специальная, особая) экономическая зона». Данный вывод подтверждается также выявленной спецификой, установленной соответствующими федеральными законами для ОЭЗ в Магаданской области и ОЭЗ в Калининградской области.

В связи с этим законодательство об ОЭЗ необходимо совершенствовать путем закрепления на законодательном уровне основных понятий, которые используются в правоотношениях по функционированию ОЭЗ и СЭЗ, общих положений, касающихся создания и функционирования не только ОЭЗ, но и СЭЗ, а также определения соотношения между собой этих экономических явлений.

Список литературы

1. Архипов А. Ю., Павлов П. В., Татарова А. В. Институты особой экономической зоны и приграничной торговли как структуры эффективного развития международной инвестиционной деятельности. Монография. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. – 294 с.
2. Безикова Е. В. Особые экономические зоны в Российской Федерации: финансово-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Безикова. – Москва, 2014. – 212 с.
3. Вишняков В. Г. Особые экономические зоны: правовые проблемы и пути развития // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С 18–28.
4. Гасумянова А. В. Правовой режим предпринимательства в особых экономических зонах в Российской Федерации. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 144 с.
5. Колчеданцева Е. А. Понятие особой экономической зоны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 18(194). – С. 77–79.

Butkevich O. On the relation between the concepts of «special economic zone» and «free economic zone» // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 163–169.

On the basis of analysis of regulations on the establishment and functioning of special and free economic zones in the Russian Federation and legal literature, peculiarities established for the free economic zone established in the territories of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol, defined its difference from the special economic zones operating in the Russian Federation.

The author's definition of a free economic zone established in the territory of Crimea. The attention that the specificity of the free economic zones is shown in the manner of its creation, a special period of validity, the organs of management of which there is no management company specific terminology that differs from that used in special economic zones, the content of the legal regime of business activity, which is introduced in the territory free and special economic zones.

It is concluded that the legislator provides for the establishment and functioning of a free way of special economic zones on the basis of the Agreement on the free (special) economic zones in the customs territory of the Customs Union and the free customs zone procedure, dated June 18, 2010, thereby pointing to that this species of economic phenomena that the above-mentioned Agreement, referred to as «free (special) economic zone».

Keywords: free economic zone, special economic zone, the special legal regime of business activity, member of the free economic zone, special economic zone resident.

Spisok literatury

1. Arkhipov A. Yu., Pavlov P. V., Tatarova A. V. Instituty osoboy ekonomicheskoy zony i prigranichnoy trgovli kak struktury effektivnogo razvitiya mezhdunarodnoy investitsionnoy deyatel'nosti. Monografiya. Taganrog: Izd-vo TTI YUFU, 2011. – 294 s.

2. Bezikova E.V. Osobyeh ekonomicheskikh zon v Rossijskoj Federacii: finansovo-pravovoe regulirovanie: dis. ...kand. jurid. nauk / E.V. Bezikova. – Moskva, 2014. – 212 s.

3. Vishnyakov V.G. Osobyeh ekonomicheskikh zon: pravovye problemy i puti razvitiya // Zhurnal rossijskogo prava. 2003. №1. – S 18–28.

4. Gasumyanova A. V. Pravovoj rezhim predprinimatel'stva v osobyh ekonomicheskikh zonah v Rossijskoj Federacii. SPb.: Izd-vo SPbGUEHF, 2010. – 144 s.

5. Kolchedanceva E. A. Ponyatie osoboy ekonomicheskoy zony // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2010. №18(194). – S.77–79.

УДК 347:22

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ БИБЛИИ

Донская Л. Д., Кащенко С. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассмотрены установления Ветхого Завета Библии, направленные на регулирование имущественных и связанных с ними личных отношений. Они использовались в Иудее и Израиле при изменении права собственности, при совершении кредитно-заемных операций и во время торгового оборота. Показано, что целью этих установлений были с учетом ветхозаветной этики охрана частной собственности и защита интересов малоимущих евреев.

Ключевые слова: Библия, Ветхий завет, Тора, собственность, заемщик, должник, заимодавец, наемник, покупатель, субботный год, санкция, правовая фикция.

В советские времена предписания Ветхого Завета Библии, на основании которых осуществлялось регулирование имущественных и связанных с ними личных отношений в Иудее и Израиле, оценивались только негативно. Так, И. А. Крывелев высказал относительно их такое суждение: «Это были законы жреческого государства, в котором эксплуататоры систематически грабили народ под предлогом соблюдения требований Яхве, изложенных в Моисеевом законе» [1, с. 171]. Подобным же образом оценивал этот закон и А. И. Эдельман [2, с. 10].

В последние годы его негативная оценка стала меняться в позитивную сторону. В частности, это присуще статье М. Д. Грубарга. В ней речь идет об организации жизни древних евреев, об особенностях их государств и права [3]. Однако особенности регулирования среди древних евреев имущественных и связанных с ними личных правоотношений до сих пор в основном оцениваются с прежних позиций.

Оно осуществлялось на основе предписаний Ветхого завета Библии. Они главным образом изложены в его Торе (Пятикнижии Моисея), состоящей из пяти книг – Бытия, Исхода, Левита, Чисел и Второзакония [4].

Основным объектом регулирования в них имущественных и связанных с ними личных отношений являлась земля – главное богатство древнееврейского общества.

После поселения евреев в Палестине ее земля была разделена между ними на правовых основах, как говорится в Ветхом Завете, определенных богом Яхве. «Кто многочисленнее, – говорилось в связи с этим в его предписании пророку Моисею, – тем дай удел более: каждому должно дать удел соразмерно с числом вошедших в исчисление» [5, 26:54].

Использование уравнительного принципа при распределении земли должно было привести к одинаковому уровню благосостояния и социальному равенству среди древних евреев. Однако уже в Ветхом завете обращалось внимание на то, что

достичь этого на практике по различным причинам невозможно. В связи с этим приводились слова Яхве Моисею: «Нищие всегда будут среди земли (твоей)» [6, 15:11].

Поэтому в его заповедях предусматривалось применение в сфере землевладения и землепользования довольно эффективных правовых средств, которые должны были затормозить процесс социального расслоения среди древних евреев путем оказания своевременной и достаточной помощи тем из них, кто в ней нуждался для поддержания их жизнедеятельности.

Имелось в Ветхом завете и немало предписаний Яхве, обязывающих евреев уважать и не нарушать в различных видах имущественных и связанных с ними личных отношений чужое право собственности. Одно из них прямо требовалось от евреев: «Не крадите!» [7, 19:11].

Ряд ветхозаветных норм квалифицировал кражу значительной чужой собственности как преступное деяние, которое обязательно должно сопровождаться наложением на виновного материальной санкции: «Если кто украдет вола или овцу, – говорилось в одной из таких норм, – заколет их или продаст, то пять волов пусть заплатит (отдаст) за вола и четыре овцы за овцу» [8, 22:1].

Наказание за такое воровство значительно уменьшалось, если ворованный скот мог быть возвращен владельцу, т. е. когда «украденное найдется у него в руках живым». В этом случае вор должен был заплатить пострадавшему лишь «вдвойне» [8, 22:4]. Когда же скот, по словам подозреваемого, был растерзан зверем, он от ответственности освобождался, если «в доказательство представлял растерзанное» [8, 22:12–13].

Когда же чей-либо вол был забодан (до смерти) чужим волем, то ответственность его владельца не предусматривалась. В этом случае должна была производиться продажа вола и разделение поровну полученной от этого суммы между владельцем бодливого вола и хозяином забоданного. Однако если этот вол ранее уже лишал жизни другого вола, то его владелец обязан был компенсировать владельцу забоданного его стоимость [8, 22:35].

Специальная статья Ветхого завета определяла ответственность за воровство, которое происходило при «отдаче ближнему на сохранение серебра или вещи» в его доме. Если вор был обнаружен, он должен был «заплатить вдвойне». А если вор не был установлен, то хозяин дома не нес ответственности перед владельцем украденного, когда в суде клялся, что «не простер руки своей на собственность ближнего своего». Если же он такую клятву не давал, то должен был возместить стоимость данного ему на сохранение [8, 22:7–13].

Ветхий завет запрещал евреям присваивать найденную ими чужую собственность. «Когда увидишь вола брата твоего или овцу его заблудившихся, возврати брату своему (тоже еврею)... Так поступай и с ослом его, так поступай с одеждою его, так поступай со всякой потерянной вещью брата твоего, которая будет им потеряна и которую ты найдешь». Нашедший заблудившееся или утерянное должен был хранить его у себя до тех пор, пока не объявится их владелец [6, 22:1–4].

Запрет на присвоение чужой собственности распространялся и на найденных заблудившихся волов и овец, принадлежавших «врагу твоему». Их тоже следовало ему вернуть [8, 23:45].

Важным объектом регулирования в Ветхом завете имущественных и связанных с ними личных отношений был и такой вид собственности древних евреев, как их рабы. Институт рабства и в Иудее, и в Израиле резко отличался от аналогичного института у других древних народов, у которых они были вне закона. По словам М. Д. Грубарга, рабов у древних евреев можно рассматривать как «пожизненных работников» [3, с. 91].

Однако это не совсем так и в отношении «пожизненных», и в отношении «работников». По национальному признаку рабы разделялись на две категории – на «сынов Израиля» и неевреев, правовой статус которых был неодинаков.

Среди невольников рабы-евреи занимали особое положение, мало напоминавшее рабское. В одном из заветов Яхве подчеркивалось, что «не должно продавать их, (евреев) как продают рабов» [7, 25:42].

Рассматривать их как работников действительно можно: Ветхий завет предписывал владельцу раба-еврея «не налагать на него рабской работы: он должен быть у тебя как наемник, как поселенец», «не господствовать над ним с жестокостью» [7, 25:39, 40, 53].

Однако такое привилегированное положение раба-еврея не было пожизненным. Он сам мог выкупиться, если у него появлялись необходимые для этого средства. Когда же их у него не было, эта обязанность возлагалась на его братьев или братьев отца, или их сыновей, или на кого-нибудь еще из его родства [7,25:47–49]. Но этими установлениями могли воспользоваться не все рабы, а только те, у которых владельцами были евреи.

Если раб-еврей не выкупался сам или его не выкупали родственники, у него не исчезала возможность стать свободным. «Если купить раба-еврея, – устанавливал Ветхий завет, – пусть он работает (у тебя) 6 лет, а в седьмой (субботний) год пусть выйдет на волю даром» [8, 21:2].

«Не считай этого для себя тяжким, – говорилось далее в Ветхом завете, – что ты должен отпустить его на свободу, ибо он в шесть лет заработал тебе вдвое против наемника; и благословит тебя (за это) господь бог твой, во всем, что не будешь делать» [6, 15:18].

Была у евреев-невольников еще одна возможность получить свободу – в юбилейный год: «Пусть отойдет он (в этот год) от тебя (его владельца), сам и дети его с ним, и возвратится в имение свое, и вступит опять во владение отцов своих» [7, 25:40, 41].

Определялись и правила, которые должны были соблюдать владельцы-евреи при освобождении своих рабов-евреев. В этом случае должна была освободиться и его жена, ставшая рабыней одновременно с ним. Но если он женился уже в рабском состоянии и у него появились дети, то и жена и дети права на освобождение не имели.

В Ветхом завете устанавливались особый порядок и условия предоставления свободы рабыням-еврейкам. Если еврей продавал свою дочь в рабыни, она не могла выйти (на свободу) так, как выходят другие рабы (евреи). Она не имела права на освобождение, если хозяин брал ее в жены или «обручал» ее в жены своему сыну. Только после того, как сын хозяина «обручался» с другой женщиной, она в субботний год должна была «отойти даром, без выкупа» [8, 27:7–11].

В Ветхом завете предусматривалось регулирование и такой правовой ситуации, которая могла сложиться в субботний год: «Если же он (раб-еврей) скажет тебе (своему хозяину): «Не пойду я от тебя, потому что я люблю тебя и дом твой, потому что мне хорошо у тебя» [6, 21:15–17].

Его отказ от освобождения требовалось засвидетельствовать в суде. При этом хозяин прокалывал такому рабу шилом ухо и он оставался рабом его до юбилейного года [6, 21:6]. И в субботний, и в юбилейный¹ годы хозяин-еврей должен был не просто предоставлять рабу-еврею свободу. Ему предписывалось «не отпускать его с пустыми руками, но снабдить его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего» [6, 15:12–13].

Воровство «сынов Израилевых», их порабощение и продажа в рабство считались тягчайшим преступлением: «...такого вора должно предать смерти» [6, 24:7].

Совсем иным был определенный Ветхим заветом правовой статус рабов-неевреев: «А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя (настоящими рабами), покупай себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас» [7, 25:44, 45].

Их выкуп и освобождение ни в субботние, ни в юбилейные годы не предусматривались: «Вы можете их передавать в наследство и сынам вашим по себе, как имение, вечно владейте ими как рабами» [7, 25:46].

Правила обращения владельцев с рабами-нееврейями определяли сами их хозяева. Однако в Ветхом завете были и предписания, направленные на то, чтобы оградить их от жестокого обращения с ними хозяина – он не имел права лишать жизни такого раба: «А если кто ударит раба своего или служанку (рабыню) свою и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан». Но конкретный вид наказания и его мера Ветхим заветом не определялись.

Это правило действовало только тогда, когда рабы умирали во время их избияния хозяином. «Но если они день или два дня (после избияния) переживут, то не должно наказывать его, ибо это его серебро (собственность)» [8, 21:21, 22].

Не должно было оставаться безнаказанным и нанесение владельцем своему рабу тяжелого телесного повреждения. Если он при этом выбивал ему глаз или зуб, пострадавший раб подлежал освобождению [8, 21:27].

Произвол владельцев в отношении своих рабов-неевреев ограничивался и следующим установлением: если раб, не выдержав жестокого обращения со стороны владельца, пускался в бег, «не выдавайте его господину его, когда он прибежит к вам от господина своего; пусть он живет среди вас..., на месте, которое он изберет в каком-нибудь из жилищ ваших, где ему понравится; не притесняйте его» [6, 23:15–16].

Регламентировалась в Ветхом завете и правовая ситуация, которая возникала, когда чужой «вол забодает (до смерти) раба или рабыню». В этом случае хозяин вола должен был заплатить их владельцу 30 сиклей серебра [8, 21:32].

Одним из объектов ветхозаветного правового регулирования имущественных и связанных с ними личных отношения были те из них, которые имели место между евреем-работодателем и работником, нанятым им для использования в своем

¹ Юбилейный год определялся так: «И насчитай себе семь субботних лет, семь раз по семь лет... И освятите пятидесятый год... да это будет у вас юбилейный год» [7, 25:8, 10].

хозяйстве или в доме. Общее предписание при этом для работодателя было таким: «Не обижай наемника, бедного и нищего, из братьев твоих или пришельцев». Работодателю предписывалось в конце каждого рабочего дня, пока «солнце не зашло», произвести оплату услуг наемного работника, «ибо он беден и ждет ее душа его, чтобы он не возопил на тебя к господу и не было на тебе греха» [6, 24:14–15].

Немало в Ветхом завете и предписаний, которые регламентировали имущественные и связанные с ними личные отношения при совершении евреями кредитно-заемных операций. Общее при этом установление было таким: «Не лгите и не обманывайте друг друга» [7, 19:11].

Предусматривалось, что важным средством, которое должно было помочь обедневшим евреям выжить, преодолеть материальные и финансовые трудности, должно являться своевременное предоставление им со стороны зажиточных займа – денежного или материального.

«Если, – предписывалось Яхве, – будет у тебя нищий (обедневший) кто-либо из братьев твоих... на земле твоей, которую господь дал тебе, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей пред нищим братом своим, но открой ему руку твою и дай ему займы, смотря по его нужде в чем он нуждается» [6, 15:78].

За это займодавцу обещалось (божье) вознаграждение: «И когда будешь давать ему (бедному), не должно скорбеть сердце твое, ибо за то благословит тебя господь, бог твой, во всех делах твоих, что будут делаться твоими руками» [6, 15:10].

Ветхозаветные предписания предусматривали и правила, исполнение которых должно было облегчить экономическое положение бедных заемщиков, испытавших проблемы с возвращением полученных займов и долгов.

В них займодавцам в этом случае настойчиво рекомендовалось их прощать. Прощение же должно было состоять в том, чтобы займодавец не требовал от заемщика долг и не взыскивал с него заем [6, 15:1–2].

Если же займодавец этого не делал, то должник имел возможность его не возвращать, но для этого ему следовало дожидаться наступления или очередного субботнего, или юбилейного года. Юридический смысл этого ветхозаветного установления заключался в том, что в эти годы займодавец терял право собственности на числившийся за заемщиком непогашенный долг. Однако действие этого правила распространялось не на всех жителей Иудеи и Израиля, а только на «сынов Израилевых». «С иноземца же, – говорилось в Ветхом завете, –(заем) взыскивай, а что будет у брата твоего прости» [6, 15:3].

На практике предписание займодавцам прощать долги заемщикам-евреям не всегда действовало эффективно – из-за противодействия их частнособственнической психологии. Особенно когда приближался субботний или юбилейный год, когда данный ими заем бедняку приобретал благотворительный характер – шансов на его возвращение не было.

Поэтому в Ветхом завете имелось специально адресованное займодавцу увещание: «Берегись, чтобы не вошла в сердце твое мысль: «приближается седьмой (субботний) год, год прощения», и чтоб от того глаз твой не сделался немилостив к нищему брату твоему и ты не отказал ему, ибо он возопит на тебя к господу и будет на тебе грех, дай ему (займы сколько он просит и сколько ему нужно), и когда будешь давать ему, не должно скорбеть сердце твое, ибо за то благословит тебя господь» [6, 15:9–10].

Чтобы устранить психологические препятствия, затруднявшие процесс предоставления состоятельными евреями займов нуждающимся, один из авторитетов еврейского права предложил прощать только личные долги, подлежащие возвращению через суд.

В этом случае заимодавец должен был предварительно уведомить суд, что будет требовать от заемщика возвращения в субботний год данного ему займа. Этим его уведомлением долг автоматически переводился с заемщика на суд, и после этого считалось, что заимодавцем является не отдельный еврей, а суд. После чего он взыскивал с должника заем и переводил его заимодавцу [9, с. 161].

Чтобы заемщики серьезнее относились к возврату займов стали и составлять о займах письменные договоры, а также требовать от заемщиков предоставления поручителя – гаранта своевременного возвращения займа. А при составлении договора должны были присутствовать заимодавец, заемщик, составитель договора, поручитель и свидетели.

Чтобы стимулировать процесс кредитно-заемных операций, тормозившийся боязнью заимодавцев невозврата займов, Ветхий завет позволял им брать в обеспечение их своевременного возврата от заемщиков залог.

Однако права заимодавца при этом значительно ограничивались. Общее предписание Яхве при этом было таким: «Если даешь деньги взаймы бедному из народа моего, то не притесняй его» [8, 22:25]. Заимодавцу запрещалось требовать у заемщика залог, если ему было известно, что тот не в состоянии будет его вернуть. Он мог его требовать по решению суда, если ему было известно, что кредитуемый в состоянии вернуть долг, но просто стремиться уклониться от этого.

Ветхий завет определял и некоторые правила передачи залога заимодавцу: «Если ты ближнему твоему даешь... взаймы, то не ходи к нему в дом, чтобы взять у него залог, постой на улице, а тот, которому ты даешь взаймы, (пусть) вынесет тебе залог на улицу» [6, 24:10–11].

Заимодавцу запрещалось брать в залог предметы, необходимые для обеспечения жизнедеятельности заемщика – верхний и нижний жернова и посуду, используемую для приготовления еды [6, 24:6].

Дозволялось брать в качестве залога одежду заемщика (кроме вдовы), но заимодавец должен был «до захождения солнца возвратить ее, ибо она есть единственный покров у него» [6, 22:26–27], «чтобы он лег спать в одежде своей и благословить тебя» [6, 25:12:13].

И в Иудее, и в Израиле в соответствии с ветхозаветной этикой своевременное предоставление благополучным евреям займа нуждающемуся в нем другому «сыну Израиля» рассматривалось как одна их форм милосердия и благотворительности, за которые ему обещались небесное воздаяние и хозяйственное благоденствие в земной жизни.

Благотворительный аспект в ветхозаветном регулировании кредитно-заемных операций проявлялся в том, что заимодавцам Ветхим заветом запрещалось их использовать для собственного обогащения: «Если даешь деньги взаймы бедному, то... не притесняй его, не налагай на него роста» [8, 22:25]. Запрет на взимание с заемщика процентов действовал не только при даче денежных ссуд («серебра»): «Не отдавай в рост брату твоему... и то (другое), что можно отдать в рост» [6, 23:19].

И составитель письменного договора о займе, и поручитель, и свидетель должны были следить за тем, чтобы в нем не предусматривалось взимание с заемщика процентов [10]. Не допускалось и взимание с него в виде процентов за предоставляемую ссуду подарков, «дача им различных обещаний и проявление заемщиком по отношению к заимодателю особого уважения и почитания».

Поскольку не все состоятельные евреи стремились вступать в беспроцентные заемные отношения, среди них стала применяться особая правовая фикция. Она заключалась в том, что заемщик становился партнером в деле кредитуемого и получал после этого плату за кредит, превышавшую его первоначальную сумму, как свою долю в совместном бизнесе, даже если дело не приносило прибыли [11]. Однако применение этой фикции допускалось только при предоставлении кредитов состоятельным евреям.

Запрещая взимание процентов с заемщиков-евреев, Ветхий завет рекомендовал это делать в отношении заемщиков-неевреев. Одновременно он запрещал евреям брать кредиты у неевреев: «И ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать (у них) займы».

Этим предписанием преследовалось осуществление не только экономических целей. Такое кредитование неевреев, как подчеркивалось в Ветхом завете, даст им возможность «господствовать... над многими народами, а они над (вами) не будут господствовать» [6, 15:6].

Объектом кредитно-заемных операций и в Иудее, и в Израиле были не только денежные средства. В его роли также могли выступать продукты, семена, зерно, сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот. Правоотношения, связанные с предоставлением их в заем, регулировались теми же правилами, на основании которых осуществлялись денежные кредитно-заемные операции.

В Ветхом завете имела специальная статья, которая определяла ответственность заемщика, когда взятый им заем скот был поврежден или умирал. Она зависела от того, присутствовал ли при этом владелец этого скота. Если он не присутствовал, то заемщик должен был возместить нанесенный при этом владельцу ущерб. А когда это происходило в его присутствии, заемщик не обязан был возмещать его стоимость [8, 22:14–15].

Согласно ветхозаветной этике, милосердие со стороны состоятельных евреев по отношению к нуждающимся евреям должно было проявляться не только в виде своевременного, достаточного и беспроцентного кредитования последних и в прощении их займов и долгов в субботные и юбилейные годы, но и в форме прямой благотворительности.

А она могла иметь вид своевременной безвозвратной денежной и материальной помощи, моральной и иной поддержки, кормления голодных, предоставления нуждающимся одежды и обуви, погребения умерших, выкупа пленных и выдачи замуж девушек из бедных семей [3, с. 92]. Евреям также предписывалось каждые три года (при наступлении третьего) десятую часть своих доходов использовать в благотворительных целях [6, 26:12].

Особенностью ветхозаветных милосердия и благотворительности было и то, что право на них имели не только нуждающиеся в них жители данной еврейской общины. «Когда поселенец (тоже еврей) в земле вашей, – предписывалось в Ветхом

завете, – не притесняйте его; пришелец, поселившийся у вас, то же, что туземец ваш, любите его как себя» [7, 19:33–34].

На основании предписаний Ветхого завета и в Иудее, и в Израиле регулировались и те имущественные и связанные с ними личные отношения, которые имели место в процессе изменения права собственности при совершении актов купли-продажи.

Евреи не имели права продавать и покупать только некошерные продукты питания, изготовленные из мяса запрещенных им Ветхим заветом для еды зверей и из мяса животных, зарезанных без соблюдения при этом установленных правил забоя скота [11].

Торговля недвижимостью должна была осуществляться на основании следующих правил [11]:

- при приобретении ее преимущество перед всеми покупателями имели знатоки Торы;
- из покупателей (один местный, другой нет) преимущественные права на ее приобретение имел абориген;
- если оба покупателя были местными жителями, то такое право имел сосед продавца;
- когда один покупатель являлся близким другом продавца, а другой был просто соседом, недвижимость имел право приобрести друг;
- а если один покупатель был другом, а другой родственником, преимущественное право на приобретение имел друг;
- когда у одного из покупателей имелась общая граница с продаваемым земельным участком, то он имел преимущество перед всеми иными покупателями.

На основании установлений Ветхого завета, с позиций его этики регламентировались и те имущественные и связанные с ними личные отношения, которые имели место при изменении права собственности при торговле движимым имуществом.

Общее установление в этом случае для торговцев было таким: «Торгующий должен быть далек от обмана, грабежа, лишнего процента» [12, с. 24].

Ветхий завет обязывал и продавцов, и покупателей в процессе осуществления торговых операций быть взаимочестными, не стремиться к тому, чтобы обвешивать друг друга: «Если будешь продавать что ближнему твоему (тоже еврею) или что будешь покупать... у ближнего твоего, не обижайте друг друга» [7, 25:14].

Продавцам запрещалось мошенничать в мере, весе и других измерениях, «ибо мерзок пред господом богом твоим всякий делающий неправду» [6, 25:16].

В связи с этим продавцам запрещалось использование тех измерительных приборов, которые давали им возможность допускать злоупотребления при торговле: «В кисе твоей не должны быть двоякие гири, большая и меньшая, в доме твоем не должна быть двойная ефа (мера при продаже сыпучих товаров), гиря у тебя должна быть точная и правильная» [6, 25:13–15].

Талмудом давались конкретные предписания насчет того, из чего должны быть изготовлены измерительные приборы, чтобы не было возможности мошенничества при торговле: «Гири торговых весов не следует делать из цинка, свинца, олова или другого металла (так как они стираются и теряют в весе). Но должно их

приготавливать из твердого камня или стекла. Гребло для уравнивания сыпучих веществ с краями не следует приготавливать из дыни, потому что она весьма легка, и из металла... Следует приготавливать из маслины (дерева) или орехового дерева и египетской смоковницы и дубового дерева... У гребла концы не должны быть разной толщины».

Интересы покупателя Талмудом² защищались и иным способом: продавцам запрещалось при продаже товара евреям взвинчивать цены: «Прибыль продавца не должны превышать шестой доли стоимости продаваемой вещи» [12, с. 72].

Чтобы исключить злоупотребления со стороны оптовых продавцов, им предписывалось вычищать свои гири, весы и другие измерительные приборы раз в тридцать дней. Розничные же продавцы должны были их прочищать при продаже жидкостей два раза в неделю, весы – раз в неделю, а их чаши – перед каждым взвешиванием.

Во время торговли продавцам также запрещалось приукрашивать для обмана покупателей продаваемый товар, к примеру, смешивать плохие фрукты с хорошими, чтобы выдать все плоды за хорошие.

Когда между евреями имели место споры и конфликты в сфере имущественных и связанных с ними личных отношений, то их участники должны были обращаться в суд, где «рассудят их, правого оправдают, а виновного осудят». «И если виновный достоин будет побоев, – говорилось в Ветхом завете, – то судья пусть прикажет положить его и бить при себе, смотря по вине его» (до сорока ударов с учетом состояния его здоровья и возраста) [5:1–3].

В Ветхом завете имелось немало предписаний, направленных на регулирование с учетом ветхозаветной этики различных видов имущественных и связанных с ними личных отношений. Это регулирование имело религиозно-правовой характер: нарушение ветхозаветных норм одновременно считалось и земным преступлением, и преступлением против бога Яхве.

После ликвидации древнееврейской государственности (и Иудеи, и Израиля) ветхозаветные правила регулирования имущественных и связанных с ними личных отношений продолжали функционировать как правовая система жившей в различных странах преимущественно общинами еврейской диаспоры.

Список литературы

1. Крывелев И. А. Книга о библии / И. А. Крывелев. – М.: б. и., 1958. – 296 с.
2. Эйдельман А. И. Прошлое без будущего / А. И. Эйдельман. – Ужгород: Карпаты, 1977. – 211 с.
3. Грубарг М. Д. К истокам социального учения иудаизма / М. Д. Грубарг // Социс. – 2002. – № 4. – С. 90–101.
4. Библия или книги священного писания Ветхого и Нового завета. – С параллельными местами. – Издание одиннадцатое. – По благословению святейшего правительствующего Синода. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1913. – 1548 с.
5. Библия. Ветхий завет. Числа.

² Формальное определение Талмуда: Устная Тора: свод законов, разработанных еврейскими мудрецами, которые жили в Эрац-Израэль и Вавилоне с древнейших времен и до начала средних веков. Он состоит из двух основных частей: Мишны – книги по толкованию Торы – и Гемары – комментария к ней.

6. Библия. Ветхий завет. Второзаконие.
7. Библия. Ветхий завет. Левит.
8. Библия. Ветхий завет. Исход.
9. Равин Исраэль Меир Лау. Практика иудаизма в свете устной Торы / Исраэль Меир Лау Равин. – Мосада, 1991. – 346 с.
10. Швут Ами. Сефериа Мицвот / Ами Швут. URL: www.chassidus.ru/librsry/rsmban/seferhamitzvos/index.htm.
11. Рав Шломо Ганцфрид. Кицур Шульхан Арух / Ганцфрид Рав Шломо. URL: www.istok.ru/jews-n-world/K:tsur.
12. Мировоззрение талмудистов: свод религиозно-правовых поучений. В 2-х т. – М.: Ладомир, 1994. – Т. 2. – 411 с.

Donskaya L. D., Kashchenko S. G. A regulation of the property and related personal non-property relations in the Old Testament of the Bible // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2016. – Т. 2 (68). – № 3. – P. 70– 79.

The article deals with the provisions of the Old Testament of the Bible which regulate the property and related personal non-property relations. They were used in Judah and Israel for a change of ownership, for making credit and loan operations and during the trade. It is shown that the purpose of these prescriptions were the defense of private property and the protection the interests of the poor Jews.

Key words: Bible, Old Testament, Torah, property, borrower, debtor, creditor, mercenary, buyer, the Sabbath year, sanction, legal fiction.

Spisok literaturyi

1. Kryivelev I. A. Kniga o biblii / I. A. Kryivelev. – М.: b.i., 1958. – 296 s.
2. Eydelman A. I. Proshloe bez budushego / A. I. Eydelman. – Uzhgorod: Karpatyi, 1977. – 211 s.
3. Grubarg M. D. K istokam sotsialnogo ucheniya iudaizma / M. D. Grubarg // Sotsis. – 2002. - #4. – s. 90–101.
4. Bibliya ili knigi svyaschennogo pisaniya Vethogo i Novogo zaveta. – S parallelnymi mestami. – Izdanie odinnadtsatoe. – Po blagosloveniuyu svyateyshego pravitelstvuyushego Sinoda. – Sankt-Peterburg: Sinodalnaya tipografiya, 1913. – 1548 s.
5. Bibliya. Vethiy zavet. Chisla.
6. Bibliya. Vethiy zavet. Vtorozakonie.
7. Bibliya. Vethiy zavet. Levit.
8. Bibliya. Vethiy zavet. Ishod.
9. Ravin Israel Meir Lau. Praktika iudaizma v svete ustnoy Toryi / Israel Meir Lau Ravin. – Mosada, 1991. – 346 s.
10. Shvut Ami. Seferia Mitsvot / Ami Shvut «www.chassidus.ru/librsry/rsmban/seferhamitzvos/index.htm».
11. Rav Shlomo Gantsfrid. Kitsur Shulhan Aruh / Gantsfrid Rav Shlomo «www.istok.ru/jews-n-world/K:tsur».
12. Mirovozzrenie talmudistov: svod religiozno-pravovyih poucheniy: V 2-h t. – М.: Ladomir, 1994. – Т.2. – 411 s.

УДК 342.9

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СУД: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
(НА ПРИМЕРЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА
ПОЛОЖЕНИЙ КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В УКРАИНЕ)**

В. В. Коноплев

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье проведен анализ научной, справочной литературы и норм действующего законодательства с целью проведения сравнительно-правового анализа положений Кодекса административного судопроизводства в Российской Федерации и в Украине. Автор концентрирует внимание на исследовании основных положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Кодекса административного судопроизводства Украины. Установлено, что вступление в законную силу Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации является позитивной предпосылкой дальнейшего развития административного судопроизводства в Российской Федерации. Обосновано, что принципы и процессуальные новеллы, изложенные в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации, позволяют обеспечить процессуальное равенство всех субъектов процесса, специфическим образом распределяя бремя доказывания, определяя активную роль суда в истребовании доказательств. Кроме того, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации имеет более четкую и детальную регламентацию осуществления административного судопроизводства особых производств, чем Кодекс административного судопроизводства Украины.

Ключевые слова: Кодекс административного судопроизводства, действующее законодательство, содержание, сравнительно-правовой анализ, исследование основных положений.

Принятие Крыма в состав Российской Федерации актуализирует проблему обеспечения единства ее правового пространства. До 1 января 2017 г. на территории новых субъектов Российской Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя – должны быть окончательно завершены все интеграционные процессы. Общее историческое прошлое в развитии правовых систем России и Украины позволяет найти точки соприкосновения. Между тем не должны остаться без внимания различия в правовом регулировании, обусловленные особенностями государственно-территориального устройства, местными культурными традициями, уровнем правосознания и развитием национального законодательства.

Начало интеграционных процессов закономерно связано с публичной сферой правового регулирования, выступающей в роли «фундамента» правового строительства. Важная роль здесь принадлежит законодательству об административных и иных публичных правоотношениях.

Определенный интерес в связи с этим представляет сравнительный анализ действующего законодательства, в частности Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Кодекса административного судопроизводства Украины.

По нашему мнению, данный вопрос является актуальным по нескольким причинам:

– во-первых, началом действия в 2015 году Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации;

– во-вторых, отсутствием широкой практики применения положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в правоприменительной практике;

– в-третьих, в связи с имеющейся положительной правоприменительной практики осуществления административного судопроизводства в Крыму во время нахождения в составе Украины, а в частности – функционирования административных судов, реализации положений Кодекса административного судопроизводства Украины, опыт применения судьями положений Кодекса административного судопроизводства Украины.

Находясь в составе Украины, на территории полуострова функционировали окружной административный суд (г. Симферополь) и апелляционный административный суд (г. Севастополь), в которых осуществляли правосудие более 45 судей. Имея значительную положительную практику функционирования административных судов в Крыму, можем перейти к сравнению положений двух кодексов, которые, по нашему мнению, отражают наиболее принципиальные их отличия.

Отметим, что первой и одной из самых главных принципиальных особенностей осуществления административного процесса на Украине является наличие специализированных судов, в частности административных судов, деятельность которых направлена на рассмотрение только административных дел. Кодекс административного судопроизводства РФ создание таких судов не предполагает, что, по нашему мнению, существенно усложняет правоприменительную практику судов общей юрисдикции и может снизить эффективность применения норм Кодекса административного судопроизводства РФ. Отметим, что европейская практика осуществления административного судопроизводства показывает, что во многих странах данные суды созданы и эффективно функционируют. Кроме того, отсутствие специализированных судов по рассмотрению административных дел усложняет правоприменительную практику, так как в практической деятельности судьи «появился» еще один дополнительный процессуальный кодекс и еще один вид производства. Бесспорно, указанный подход приведет к дополнительному увеличению «нагрузки» на суды общей юрисдикции.

В связи с указанным в рамках широкой научной дискуссии предлагаем рассмотреть вопрос целесообразности создания административных судов, а также о внедрении «пилотного» проекта по созданию и функционированию административного суда на территории Республики Крым. Как уже было отмечено ранее, имеется положительная правоприменительная практика и имеется кадровое обеспечение – судьи. Безусловно, данное предложение является дискуссионным и требует проведения дополнительных научных исследований.

Кроме того, ключевым отличием является предмет регулирования данного данных кодексов. Так, ст. 1. КАС РФ закрепляет, что суды в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или

оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела: 1) об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих; 2) об оспаривании решений, действий (бездействия) некоммерческих организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, в том числе саморегулируемых организаций; 3) об оспаривании решений, действий (бездействия) квалификационных коллегий судей; 4) об оспаривании решений, действий (бездействия) Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи и экзаменационных комиссий субъектов Российской Федерации по приему квалификационного экзамена на должность судьи; 5) о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции, или права на исполнение судебного акта суда общей юрисдикции в разумный срок [1].

Также суды в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела, связанные с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям, в том числе административные дела: 1) о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии, ее регионального отделения или иного структурного подразделения, другого общественного объединения, религиозной и иной некоммерческой организации, а также о запрете деятельности общественного объединения или религиозной организации, не являющихся юридическими лицами, об исключении сведений о некоммерческой организации из государственного реестра; 2) о прекращении деятельности средств массовой информации; 3) о взыскании денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций с физических лиц; 4) о помещении иностранного гражданина или лица без гражданства, подлежащих депортации или передаче Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, в предназначенное для этого специальное учреждение и о продлении срока пребывания иностранного гражданина в специальном учреждении; 5) об установлении, о продлении, досрочном прекращении административного надзора, а также о частичной отмене или дополнении ранее установленных поднадзорному лицу административных ограничений; 6) о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке; 7) о госпитализации гражданина в медицинскую организацию противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке; 8) иные административные дела о госпитализации гражданина в медицинскую организацию непсихиатрического профиля в недобровольном порядке [1].

В свою очередь, КАС Украины закрепляет юрисдикцию административных судов, которая распространяется на публично-правовые споры, в частности: 1) споры по поводу принятия граждан на публичную службу, ее прохождения, увольнения с публичной службы; 2) споры между субъектами властных полномочий по поводу реализации их компетенции в сфере управления, в том числе делегированных полномочий; 3) споры, возникающие по поводу заключения, исполнения, прекращения, отмены или признания недействительными административных договоров; 4) споры по обращению субъекта властных полномочий в случаях, установленных Конституцией и законами Украины; 5) споры физических или юридических лиц с распорядителем публичной информации относительно обжалования его решений, действий или бездействия в части доступа к публичной информации [2].

Во-вторых, КАС Украины [2] имеет главу, которая содержит законодательные определения понятийного аппарата, в частности, административное судопроизводство – деятельность административных судов по рассмотрению и разрешению административных дел в порядке, установленном настоящим Кодексом; административный процесс – правоотношения, складывающиеся при осуществлении административного судопроизводства; административный иск – обращение в административный суд о защите прав, свобод и интересов или во исполнение полномочий в публично-правовых отношениях; субъект властных полномочий – орган государственной власти, орган местного самоуправления, их должностное или служебное лицо, другой субъект при осуществлении ими властных управленческих функций на основе законодательства, в том числе на выполнение делегированных полномочий;

В-третьих, немаловажное значение имеют отличия в определении задач административного судопроизводства. КАС Украины определяет, что задачей административного судопроизводства является защита прав, свобод и интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц в сфере публично-правовых отношений от нарушений со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц, других субъектов при осуществлении ими властных управленческих функций на основе законодательства, в том числе на выполнение делегированных полномочий путем справедливого, непредвзятого и своевременного рассмотрения административных дел.

По нашему мнению, КАС РФ [1] более четко и структурировано определяет задачи административного судопроизводства, которыми являются: 1) обеспечение доступности правосудия в сфере административных и иных публичных правоотношений; 2) защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений; 3) правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел; 4) укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений.

В-четвертых, следует указать на отсутствие в КАС Украины [2] следующих принципов административного судопроизводства, которые содержатся в КАС РФ: 1) независимость судей; 2) справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел; 3) осуществление административного судопроизводства в

разумный срок и исполнение судебных актов по административным делам в разумный срок; б) непосредственность судебного разбирательства.

Однако КАС Украины закрепляет принципы верховенство права; диспозитивность и официальное выяснение всех обстоятельств по делу; обеспечение апелляционного и кассационного обжалования решений административного суда, кроме случаев, установленных настоящим Кодексом.

В-пятых, важное значение имеет закрепление в КАС РФ [1] особенностей производства по отдельным категориям административных дел, а в частности – производство по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами; производство по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих; производство по административным делам, рассматриваемым Дисциплинарной коллегией Верховного Суда Российской Федерации; производство по административным делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации; производство по административным делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости; производство по административным делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок; производство по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и т. д.

Подводя итог проведенному сравнительно-правовому анализу, отметим, что принятый КАС РФ имеет более четкую и детальную регламентацию осуществления административного судопроизводства, чем КАС Украины. Детализация в КАС РФ порядка рассмотрения отдельных категорий дел достаточно упрощает правоприменительную деятельность. Практика осуществления административного судопроизводства в Украине показывает, что отсутствие подобных положений приводит к тому, что судьи при осуществлении правосудия вынуждены руководствоваться не нормой закона, а сложившейся судебной практикой, разъяснениями вышестоящих судов и т. д.

Кроме того, на сегодня остается дискуссионный вопрос, связанный с перспективой создания и функционирования административных судов в России. Учитывая позитивный опыт стран Европейского Союза, в том числе и Украины, в сфере функционирования административных судов необходимо рассмотреть вопрос о целесообразности создания аналогичных судов в России. Отметим, что практика реализации административного судопроизводства на территории полуострова, накопленный положительный опыт осуществления административного судопроизводства и организации работы административного суда, кадровое обеспечение – наличие лиц (судей), которые ранее осуществляли рассмотрение аналогичных дел, может быть положено в основу реализации предложенного ранее пилотного проекта.

Список литературы:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 07.12.2016).
2. Кодекс адміністративного судочинства України від 06.07.2005. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2747-15> (дата обращения: 07.12.2016).

Konoplev V. Administrative court: past and present (on the example of a comparative legal analysis of the provisions of the Code of administrative procedure in the Russian Federation and Ukraine) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 180–185.

The article analyzes the scientific, reference literature and the current legislation in order to conduct a comparative analysis of the legal provisions of the Code of Administrative Justice in the Russian Federation and Ukraine. The author focuses on the study of the basic provisions of the Russian Federation Code of Administrative Procedure and the Code of Administrative Procedure of Ukraine. It has been established that the entry into force of the Code of administrative justice of the Russian Federation is a positive prerequisite for the further development of administrative justice in the Russian Federation. It is proved that the principles and procedural novelties, set out in the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, allow to ensure procedural equality of all subjects of the process, in a specific manner by distributing the burden of proof, defining the active role of the court in the taking of evidence. In addition, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation has a clear and detailed regulation of the administrative proceedings of special productions than the Code of Administrative Procedure of Ukraine.

Key words: Code of Administrative Procedure, applicable law, the content sransitelno legal analysis, the study of the basic provisions.

Spisok literatury

1. Кодекс административного судопроизводства Россиjsкоj Федератсии от 08.03.2015 № 21-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (data obrashheniya 07.12.2016).
2. Кодекс административного судочинства України від 06.07.2005. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2747-15> (data obrashheniya 07.12.2016).

УДК 347.77'78

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРОВ ПО ПОВОДУ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Пасечник Е. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследованы правоотношения, возникающие в процессе заключения гражданско-правовых договоров по поводу результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, а также правоотношений (обязательств), возникающих на основании таких договоров. Определен момент возникновения соответствующих правоотношений. Отмечается, что содержание правоотношений, возникающих в процессе заключения договоров, составляют права, не способные приобретать характер требования – секундарные права. При этом в процессе заключения таких договоров могут возникать и обязательства, эти обязательства являются организационными. Проведен анализ возможности заключения рассматриваемых договоров как по схеме реальных, так и консенсуальных. Автором предложено новое родовое понятие – абсолютный договор, позволяющее расширить сферу применения института вещного договора на договоры о распоряжении результатами интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. В работе проводится разграничение абсолютно-правовых и обязательственных последствий заключения договоров об отчуждении исключительных прав и о предоставлении права использования результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. Разработаны теоретические положения, которые касаются правовых форм заключения договоров и возникновения обязательств по поводу распоряжения исключительными правами и могли бы быть использованы в законодательной и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, исключительные права, обязательства, обязательственные договоры, абсолютно-обязательственные договоры, абсолютно-правовые последствия, обязательственные последствия, реальный и консенсуальный, абсолютный договор, вещный договор

Современное развитие информационных технологий, возникновение новых способов сбора, хранения, переработки и передачи информации, расширение использования исключительных прав интеллектуальной собственности приводят к тому, что интеллектуальные права становятся привычным объектом гражданско-правового оборота. Они выступают предметом договоров, используются как вклады в уставный капитал предприятий. Распространяется залог исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации как способ обеспечения исполнения обязательств. В этих условиях проблема заключения договоров и возникновения обязательств по поводу передачи исключительных прав интеллектуальной собственности приобретает актуальность. Однако в науке проблема правовых форм заключения таких договоров и возникновения указанных обязательств не только не исследовалась системно, а преимущественно и вообще остается без должного внимания.

Хотя специально проблема правовой формы заключения договоров и возникновения обязательств по поводу распоряжения исключительными правами

интеллектуальной собственности не исследовалась, методологическая основа для ее разрешения существует. Она создана исследованиями обязательств и договоров Ф. К. ф. Савиньи, О. С. Иоффе, М. М. Агарковым, В. А. Тарховым, М. И. Брагинским, В. С. Толстым, Е. А. Сухановым, В. А. Беловым, И. Б. Новицким, Л. А. Лунцем и другими учеными.

Целью настоящей статьи является разработка теоретических положений, которые касаются правовых форм заключения договоров и возникновения обязательств по поводу распоряжения исключительными правами и могли бы быть использованы в законодательной и правоприменительной деятельности.

Специфика исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации как объектов гражданского оборота обуславливают специальное правовое регулирование соответствующих гражданских отношений. В свою очередь, специальные правовые нормы, регулирующие гражданские отношения по поводу названных объектов, необходимо согласовать с общими положениями гражданского законодательства, в том числе с общими положениями об обязательствах и договорах. Однако такое согласование имеет место не всегда, а терминология, применяемая законодателем, подчас вообще закрывает путь к такому согласованию.

Так, обратившись к статье 4 Гражданского кодекса, мы замечаем важность установления применительно к отношениям по поводу распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, момента возникновения этих отношений, момента возникновения прав и обязанностей. Но согласовать положения этой статьи, устанавливающей правила о действии актов гражданского законодательства во времени, с положениями части 4 Гражданского кодекса очень трудно. В частности, в пункте 2 статьи 1233 Гражданского кодекса речь идет об определенных законодательных положениях, которые применяются не к отношениям, не к правоотношениям, не к правам и обязанностям, а к «договорам о распоряжении исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации».

Основополагающими являются теоретико-правовые положения о том, что право регулирует общественные отношения [2, с. 289], а применяются правовые нормы к правоотношениям, которые в силу их спорного характера или по другим причинам требуют правоприменения. Однако из пункта 2 статьи 1233 Гражданского кодекса мы узнаем, что соответствующие законодательные правила применяются к договорам. В этой связи следует, конечно, вспомнить, что стремление к отождествлению договора и возникающего на его основании правоотношения проявилось в науке гражданского права давно в трудах таких ученых, как Ф. К. фон Савиньи [12, с. 12], К. П. Победоносцев [11, с. 312], М. М. Агарков [1, с. 179], О. С. Иоффе [9, с. 26], а в настоящее время достигло апогея в концепции «договора-правоотношения», изложенной М. И. Брагинским [6, с. 222]. Но против такого смешения понятий решительно высказывались В. И. Голевинский [8, с. 32], О. А. Красавчиков [10, с. 117], К. Н. Анненков [3, с. 3–4], а в современной литературе наиболее категорично против высказывается В. А. Белов [4, с. 3]. Здесь не место анализировать соответствующие мнения ученых. Отметим только, что в любом случае есть потребность исследования и правоотношений, возникающих в процессе

заключения гражданско-правовых договоров по поводу результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, и правоотношений (обязательств), возникающих на основании таких договоров, в том числе потребность в определении момента возникновения соответствующих правоотношений. Если же объектом правового регулирования, в том числе правоприменения, признается договор, а не отношения, закрывается путь к разрешению многих теоретических и практических вопросов.

Отношения, возникающие в процессе заключения гражданско-правовых договоров, регулируются статьями 420–449 Гражданского кодекса. Эти законодательные положения распространяются в силу специального указания в пункте 2 статьи 1233 Гражданского кодекса и на отношения по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Из статьи 421 Гражданского кодекса следует, что договоры, как правило, заключаются на основе свободного волеизъявления. Свободное волеизъявление не должно, однако, пониматься так, что в процессе заключения договора никакие правоотношения вообще не возникают. Совершенно очевидно, что оферта порождает правоотношение между лицом, сделавшим предложение заключить договор, и лицом, которому оферта адресована. Очевидно и то, что эти правоотношения являются относительными, связывающими двух конкретных лиц. В то же время они не являются обязательствами, так как не охватываются определением понятия обязательства, содержащимся в статье 307 Гражданского кодекса: в содержании правоотношений, о которых здесь идет речь, нет и не может быть права требования. Содержание таких правоотношений составляют права, не способные приобретать характер требования. Такие права не являются субъективными. Это – права секундарные, то есть права на собственные действия, которым не корреспондируют обязанности. Форму таких правоотношений и приобретают наиболее часто отношения в процессе заключения договоров по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Указанные отношения и правоотношения могут осложняться передачей исключительных прав в процессе заключения договоров по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Гражданское законодательство такую возможность допускает. Статьи 1234, 1235, 1285, 1286, 1307, 1308, 1365, 1367, 1426, 1428, 1458, 1459, 1468, 1469, 1488, 1489 Гражданского кодекса предусматривают, что на усмотрение сторон договоры по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации могут заключаться по схеме не только консенсуальных, но и реальных договоров. Сама идея передачи исключительных прав интеллектуальной собственности в процессе заключения договоров, последовательно воплощенная в указанных выше статьях Гражданского кодекса, заслуживает критической оценки. Действительно, Гражданский кодекс предоставляет подобную возможность выбора только при заключении договоров дарения (ст. 572 ГК), безвозмездного пользования (ст. 689 ГК) и договоров финансирования под уступку денежного требования (ст. 824 ГК). Совершенно

неожиданно в эту группу договоров попали и договоры по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

При этом законодателю не удалось согласовать положения о возможности передачи результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации в процессе заключения договоров с другими положениями части 4 Гражданского кодекса. С положением пункта 4 статьи 1234 Гражданского кодекса правовая конструкция передачи прав в процессе заключения договора удовлетворительно согласуется, хотя уже здесь возникают вопросы, на которые трудно дать ответы.

Формулировка «передает ... исключительное право» (п. 1 ст. 1234 ГК) означает передачу такого права в процессе заключения договора. Однако если понятие передачи вещи определено в статье 224 Гражданского кодекса, то определение понятия передачи исключительных прав в Гражданском кодексе не дается. Между тем это имеет существенное практическое значение, ибо специфика исключительных прав такова, что допускает возможность (при условии недобросовестности лица, которое отчуждает такое право) их передачи несколько раз (нескольким лицам). Представляется, что под передачей результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации следует понимать как передачу материального носителя, на котором зафиксированы результаты интеллектуальной деятельности, так и исключительного права на него. Таким образом, договор по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации может по выбору сторон считаться заключенным, если стороны подписали договор и осуществили передачу исключительного права и материального носителя, на котором зафиксированы такие результаты интеллектуальной деятельности. Однако, в соответствии с пунктом 4 статьи 1234 Гражданского кодекса, исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации переходит от правообладателя к приобретателю в момент заключения договора. Выходит, что обязательство по передаче исключительного права вообще, как правило, не возникает, а это право не передается, а переходит в силу закона и в момент, определенный законом, при условии наступления соответствующего юридического факта (заключения договора). Выходит, что договор отчуждения исключительного права всегда заключается по схеме реального, если соглашением сторон не предусмотрено иное.

В пункте 4 статьи 1234 Гражданского кодекса содержится специальное указание на то, что, если переход исключительного права по договору об отчуждении исключительного права подлежит государственной регистрации, исключительное право на такой результат или на такое средство переходит от правообладателя к приобретателю в момент государственной регистрации. В соответствии с пунктом 2 статьи 1369 Гражданского кодекса «Отчуждение ... исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец, ... подлежат государственной регистрации в порядке, установленном статьей 1232 ГК». Следовательно, переход исключительного права по договору об отчуждении такого права на изобретение, полезную модель или промышленный образец, происходит в момент, определенный законодателем. Никакая

договоренность между сторонами об этом моменте не является возможной. И это касается также залога, предоставления права использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов (п. 2 ст. 1369 ГК). При таких условиях предоставление сторонам права заключать договоры по поводу таких объектов по схеме как консенсуальных, так и реальных не имеет никакого смысла. А из пункта 1 статьи 1365 Гражданского кодекса указание на то, что патентообладатель «передает...», а из статьи 1376 Гражданского кодекса указание на то, что патентообладатель «предоставляет...», следует исключить.

Аналогично в пункте 2 статьи 1490 Гражданского кодекса устанавливается, что «отчуждение и залог исключительного права на товарный знак, предоставление по договору права его использования... подлежат государственной регистрации ...». Необходимость государственной регистрации перехода исключительного права при передаче такого права по договору об отчуждении и при заключении лицензионного договора о предоставлении права использования селекционного достижения также очевидна. Прямое указание на это в специальных нормах (параграф 3 главы 73 ГК) отсутствует. Однако такая необходимость вытекает из общих положений, содержащихся в пункте 2 статьи 1232 Гражданского кодекса; согласно этой необходимости «в случаях, когда результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации подлежит в соответствии с ГК государственной регистрации, отчуждение исключительного права на такой результат или на такое средство по договору, залог этого права и предоставление права использования такого результата или такого средства по договору ... также подлежат государственной регистрации...». На основании пункта 4 статьи 1234 Гражданского кодекса можно сделать однозначный вывод о нецелесообразности предоставления права на заключения договора по поводу распоряжения исключительными правами на товарный знак и селекционное достижение по схеме реального договора. Из статей 1426 и 1488 Гражданского кодекса необходимо исключить указание на то, что патентообладатель (правообладатель) «...передает», а из статей 1428 и 1489 указание на то, что патентообладатель (обладатель исключительного права) «...предоставляет».

Все же определенная сфера, в которой возможно заключение договоров по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, по схеме реальных остается. Это – сфера распоряжения исключительным правом на произведения науки, литературы и искусства, а также правами, смежными с авторскими. Заключение договоров по схеме реальных также может иметь место при распоряжении исключительными правами на топологию интегральной микросхемы в случае, если правообладатель не регистрировал такую топологию. Возможность заключения таких договоров по схеме реальных требует соответствующей корректировки теоретических конструкций вещных и обязательственных договоров.

Науке гражданского права известна правовая конструкция вещного договора. В случаях заключения безвозмездного договора как реального (например – договора дарения) основное обязательство не возникает, поскольку передача имущества осуществляется в процедуре заключения договора, в правоотношениях по поводу заключения договора. Реальные договоры дарения существуют как процесс, в этом

процессе одаряемый приобретает право собственности. Это и стало поводом для определения в работах М. И. Брагинского [7, с. 226–227], А. Ю. Кабалкина [13, с. 439] таких договоров, как вещные. Если договор по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации заключается по схеме реальных договоров и при этом он является безвозмездным, то какое-либо обязательство на основании этого договора не возникает. По своим правовым последствиям такой договор является тождественным вещному договору. Но он не может быть назван вещным, поскольку в процессе заключения такого договора передается не вещь, а исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Следовательно, признавая правовую конструкцию вещного договора, мы должны выработать родовое понятие, которое будет охватывать и вещные договоры, и заключенные по схеме реальных безвозмездные договоры по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Таким родовым понятием могло бы стать понятие абсолютных договоров, порождающих абсолютное право, но не порождающих обязательств.

Другая категория договоров – это обязательственные договоры. Они порождают обязательства. Еще одна категория договоров – это абсолютно-обязательственные. Сегодня они называются реальными, но их сущность является именно абсолютно-обязательственной: в процессе заключения таких договоров передается вещь и право на нее, а на основании таких договоров возникают обязательства по поводу оплаты стоимости вещи. Абсолютно-обязательственными могут быть и договоры по поводу результатов интеллектуальной деятельности, если эти результаты и права на них передаются в процессе заключения договора. Обязательство возникает при этом только по поводу оплаты стоимости исключительных прав или внесения платы за пользование исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Мы рассмотрели выше правоотношения, которые возникают в процессе заключения договоров и которые не являются обязательственными. Однако заключение договоров по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации может осуществляться и в правовой форме обязательств. Эти обязательства являются организационными. Они могут быть односторонними и взаимными (двусторонними). Односторонние обязательства возникают в случаях, когда на лицо, являющееся обладателем исключительного права, возлагается обязанность заключить договор. Так, в соответствии со статьей 1366 Гражданского кодекса, «заявитель, являющийся единственным автором изобретения ... в случае выдачи патента *обязуется заключить* договор об отчуждении патента...»; в соответствии со статьей 1368 «патентообладатель *обязан заключить* ...»; в соответствии со статьей 1427 Гражданского кодекса «заявитель, являющийся автором селекционного достижения ... в случае выдачи патента *обязуется заключить* договор об отчуждении патента...»; в соответствии со статьей 1429 Гражданского кодекса «патентообладатель *обязан заключить* ...». В указанных случаях возникает простое одностороннее организационное обязательство,

содержание которого составляет субъективное право любого лица, изъявившего желание заключить договор и корреспондирующая ему обязанность патентообладателя заключить договор. Указанное субъективное право может приобретать характер требования. Оно защищается судом.

Двусторонние организационные обязательства по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации возникают на основании предварительного договора (ст. 429 ГК). Нет никаких препятствий для заключения предварительных договоров и возникновения организационных обязательств заключить договор по поводу распоряжения результатами интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. Такие двусторонние обязательства являются весьма своеобразными. Обычно двусторонние обязательства являются взаимными, опосредуют обмен товаров, работ, услуг на деньги. Сложное двустороннее обязательство, возникающее на основании предварительного договора, состоит из двух простых обязательств с одинаковым содержанием. Но в каждом из них роли сторон изменяются на противоположные: кредитор в одном простом обязательстве является должником в другом и наоборот.

Используемая законодателем терминология, как и тексты соответствующих законодательных положений, не дает возможности четко разграничить абсолютно-правовые и обязательственные последствия заключения договора об отчуждении исключительных прав и о предоставлении права использования результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. Это связано с более общей проблемой передачи по договору абсолютных прав. Правоотношения в процессе заключения договора о передаче исключительного права и о предоставлении права использования результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации являются относительными. Но такой договор порождает не только обязательства между сторонами, но и абсолютно-правовые последствия: лицо, которое приобрело исключительные права или получило в силу договора право использования результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, становится участником абсолютных правоотношений и вправе требовать от любого лица не препятствовать ему осуществлять приобретенное им абсолютное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Абсолютно-правовые последствия договоров, о которых идет речь, наступают с момента государственной регистрации перехода исключительных прав (при их отчуждении) (п. 4 ст. 1234 ГК) или предоставления права на использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, если такой переход и предоставление подлежат государственной регистрации. Если же государственная регистрация не осуществляется или она не является обязательной (п. 1 ст. 1262, п. 1 ст. 1452 ГК), правообладатель не воспользовался правом на регистрацию, то при отчуждении исключительных прав действует правило пункта 4 статьи 1234 Гражданского кодекса, согласно которому исключительное право переходит от правообладателя к приобретателю в момент заключения договора. А при предоставлении права на

использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации этот момент законом не определяется. Он должен определяться договором, а если договором этот вопрос не решен, то указанный момент должен приурочиваться к моменту заключения договора. Этот вывод основан на применении пункта 4 статьи 1234 Гражданского кодекса по аналогии, что не исключает необходимости определения в будущем этого момента законом.

Момент возникновения обязательств между сторонами договора об отчуждении исключительных прав или о предоставлении права на использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации на основе действующего законодательства может быть удовлетворительно решен только применительно к денежным обязательствам, в форме которых выплачивается денежное вознаграждение правообладателю (прежнему правообладателю). Такие денежные обязательства возникают в момент заключения договора. Это касается и тех случаев, когда договором предусмотрено осуществление периодических платежей. Правда, усилиями ученых момент возникновения такого обязательства стал предметом дискуссии. Так, В. А. Белов отмечает, что «... обязательство по предоставлению эквивалента товара, состоящее из требования продавца и обязанности покупателя уплатить определенную денежную сумму (цену товара), возникает отнюдь не с момента заключения договора, а несколько позднее, а именно – в момент исполнения продавцом своей обязанности (передачи товара)» [5, с. 68].

Что касается обязательств по поводу отчуждения исключительных прав или предоставления права использования результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, то тут необходима новая теоретическая концепция, на основе которой будут сформулированы законодательные положения о передаче исключительных прав, об их переходе, о предоставлении права на использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, об обязанности передать исключительные права, предоставить право на их использование, о соотношении передачи (перехода) исключительных прав, предоставлении права на их использование, с одной стороны, и передачи материального носителя, на котором зафиксированы результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Разработка такой концепции требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. / М. М. Агарков. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – Т. 1. – 2002. – 490 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. I. – М.: Юрид. лит., 1981. – 360 с.
3. Анненков К. Н. Система русского гражданского права: в 6 т. / К. Н. Анненков. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1898. – Т. 3: Права обязательственных. – 1898. – 678 с.
4. Белов В. А. Денежные обязательства / В. А. Белов. – М.: Эксмо, 2007. – 192 с.
5. Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. / В. А. Белов. – М.: Юрайт, 2012 – 2013. – Т. 4: Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавров. – 2013. – 1085 с.
6. Брагинский М. И. Договорное право: в 5 кн. Книга первая: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2001. – 848 с.
7. Брагинский М. И. Договор – правоотношение. Договорное право. Общие положения / Брагинский М. И., Витрянский В. В. – М.: Статут, 1997. – С. 222–334.

8. Голевинский В. И. О происхождении и делении обязательств / В. И. Голевинский. – Варшава: Типография О. Бергера, 1872. – 302 с.
9. Иоффе О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М.: Юр. литература, 1975. – 880 с.
10. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – М.: Госюриздат, 1950. – 182 с.
11. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3-х ч. Ч. 3: Договоры и обязательства / К. П. Победоносцев. – М.: Статут, 2003. – 622 с.
12. Савиньи Ф. К. Обязательственное право / Ф. К. Савиньи; [пер. с нем. В. Фукс и Н. Мандро]. – М.: Типография А. В. Кудрявцевой, 1867. – 217 с.
13. Советское гражданское право в 2-х томах. Т. I. / Под ред. А. Ю. Кабалкина. – М.: Юридическая литература, 1965. – 560с.

Y.S. Pasechnik. Contract execution for disposal of exclusive intellectual property rights // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 186–194.

This work presents the research of the legal relations arising in the process of civil contract execution in regards to the results of intellectual activity and the means of identification that are considered equivalent to them, and of the legal relationships (obligations) arising on the grounds of such contracts and agreements. The moment when the corresponding relations come into existence has been determined. It has been noted that the content of the legal relations arising in the process of contract execution are the rights that cannot take the form of a requirement (secondary rights). In this case certain obligations (organization obligations) may arise in the process of such contracts execution. The analysis of the possibility of execution of the considered contracts (both real and consensual ones) has been performed. The author has proposed a new generic term (concept) “absolute contract” that can allow to extend the scope of institution of property contract to the contracts of results of intellectual activities disposition and means of identification that are considered equivalent to them. In this work a distinction is made between the absolute legal consequences and liabilities of contract execution for the alienation of exclusive rights, and for the granting of the right to use the results of intellectual activity and the means of identification that are considered equivalent to them. The theoretical provisions associated with legal forms of contract execution and the creation of obligations for the disposition of exclusive rights that could be used in the legislative and law-enforcement activities, have been developed.

Key words: results of intellectual activity, means of identification, exclusive rights, liability, liability contracts, absolute liability contracts, absolute legal consequences, liability consequences, real and consensual, absolute contract, property contract.

Spisok literatury

1. Agarkov M. M. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. / M.M. Agarkov. – М.: АО "Centr JurInfoR", 2002j. – Т. 1. – 2002. – 490s.
2. Alekseev S. S. Obshhaja teorija prava: v 2t. Т. I. – М.: Jurid. lit., 1981. – 360s.
3. Annenkov K. N. Sistema russkago grazhdanskago prava: v 6 t. / K.N. Annenkov. – Spb.: Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1898. - Т. 3: Prava objazatel'stvennyja. – 1898. – 678 s.
4. Belov V. A. Denezhnye objazatel'stva / V.A. Belov. – М.: Jeksmo, 2007. – 192 s.
5. Belov V. A. Grazhdanskoe pravo: v 4 t. / V.A. Belov. – М.: Jurajt, 2012 – 2013. – Т. 4: Osobennaja chast'. Otnositel'nye grazhdansko-ravovye formy: uchebnik dlja bakalavrov. – 2013. – 1085 s.
6. Braginskij M. I. Dogovornoe pravo: v 5 kn. / M.I. Braginskij, V.V. Vitrijanskij. – М.: Statut, – Kniga pervaja: Obshhie polozhenija. – 2001. – 848s.
7. Braginskij M. I. Dogovor-pravootnoshenie / Braginskij M.I., Vitrijanskij V.V. Dogovoronoje pravo. Obshhie polozhenija. – М.: Statut, 1997. – S. 222 – 334.
8. Golevinskij V. I. O proishozhdenii i delenii objazatel'stv / V.I. Golevinskij. – Varshava: Tipografija O. Bergera, 1872. – 302 s.
9. Ioffe O. S. Objazatel'stvennoe pravo / O.S. Ioffe. – М.: Jur. Literatura, 1975. – 880 s.
10. Krasavchikov O.A. Juridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave / O.A. Krasavchikov. – М.: Gosjurizdat, 1950. – 182 s.
11. Pobedonoscev K. P. Kurs grazhdanskago prava: v 3-h ch. / K.P. Pobedonoscev. - М.: Statut, 2003. – Ch.3: Dogovory i objazatel'stva. – 2003. – 622s.

12. Savin'i F.K. Objazatel'stvennoe pravo / F.K. Savin'i; [per. s nem. V. Fuks i N. Mandro]. – M.: Tipografija A.V. Kudrjavcevoj, 1867. – 217 s.
13. Sovetskoe grazhdanskoe pravo v 2-h tomah. T. I / Pod red. A.Ju. Kabalkina. – M.: Juridicheskaja literatura, 1965. – 560 s.

УДК 34.03

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Потапенко С. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье раскрыта система гражданско-правовых способов защиты деловой репутации юридических лиц. Возмещение убытков автор относит к мерам ответственности, а все другие предусмотренные ст. 152 ГК РФ способы – к мерам защиты. Деловая репутация коммерческих организаций рассматривается в качестве нематериального актива, приобретая подобным образом стоимостную форму и имущественный характер.

Ключевые слова: защита деловой репутации, юридические лица, способы защиты гражданских прав.

По данным судебной статистики, в Российской Федерации в год в среднем рассматривается 5000 дел о защите чести, достоинства и деловой репутации в судах общей юрисдикции и 800 дел о защите деловой репутации в арбитражных судах [12]. Если дела юридических лиц о защите деловой репутации, не связанные с их предпринимательской и иной экономической деятельностью (в основном, это некоммерческие организации), могут рассматриваться и в судах общей юрисдикции, то п. 7 ч. 6 ст. 27 АПК РФ для юридических лиц предусмотрена специальная подведомственность арбитражным судам дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Действующая сейчас редакция п. 1 ст. 48 ГК РФ [17] не указывает, как ранее, что юридическое лицо может иметь как имущественные, так и личные неимущественные права и обязанности. Поэтому Е. А. Суханов справедливо отмечает, что у юридического лица нет и не может быть личных неимущественных прав, даже его деловая репутация целиком обусловлена его участием в имущественных отношениях [16]. К числу наиболее значимых признаков деловой репутации относится ее публичный характер, то есть общественная оценка деловых качеств конкретного юридического лица, а также позитивный характер деловой репутации. Именно поэтому судебной защите подлежит деловая репутация, сопровождающаяся положительной оценкой. Как нам представляется, деловая репутация юридического лица как объект гражданско-правовой судебной защиты от диффамации – это морально-правовая категория позитивно-объективного характера, определяющая его деловые качества в общественном сознании. Такое понимание деловой репутации относится как коммерческим, так и к некоммерческим организациям. При этом деловая репутация коммерческих организаций в качестве нематериального блага в отдельных случаях относится к их нематериальным активам, приобретая подобным образом стоимостную форму и имущественный характер.

Что же касается чести и достоинства, то это действительно в чистом виде именно нематериальные блага присущие исключительно человеческой личности и не имеющие отношения к юридическому лицу. Поэтому, несмотря на то, что гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации регламентированы одной статьей 152 ГК РФ, их следует делить на две неравнозначные группы: с одной стороны, честь, достоинство и деловая репутация граждан, а с другой стороны, деловая репутация юридических лиц. Первой группе граждан законодатель предоставил максимальную по способам защиту их чести, достоинства и деловой репутации, значительно меньше способов защиты деловой репутации имеется у юридических лиц. Такой подход обусловлен тем, что честь, достоинство и деловая репутация граждан – это нематериальные блага неэкономического, духовного, личностного характера, а деловая репутация юридических лиц, несмотря на то, что закон называет и ее нематериальным благом, зачастую является их нематериальным активом, способствующим приращению имущества. Иными словами, деловая репутация юридического лица как нематериальное благо характеризуется экономической природой и имеет отношение к экономической выгоде (доходу) [11].

С 1 октября 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [15], которым были внесены изменения в главу 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита», в частности, существенно расширен перечень способов гражданско-правовой защиты деловой репутации граждан и юридических лиц.

Накануне вступления в силу Федерального закона № 142-ФЗ в силу было принято Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова» [8], в котором указано, что «применительно к защите таких нематериальных благ, как достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация... использование способов защиты гражданских прав, включая восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, а также самозащиту права (статьи 12 и 14), отвечает существу нарушенного нематериального права и характеру последствий этого нарушения».

В этой связи встает вопрос о том, могут ли использоваться общие способы защиты, вытекающие для граждан из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения, как об этом сказано в п. 2 ст. 150 ГК РФ, для защиты деловой репутации юридических лиц.

Наш ответ отрицательный, поскольку в данном случае речь идет исключительно о гражданах. У юридических лиц, как уже отмечалось, вообще не может быть личных неимущественных прав, а деловая репутация, несмотря на ее безусловную принадлежность к нематериальным благам, зачастую носит имущественный характер как нематериальный актив юридического лица. Поэтому юридическим лицам доступны лишь те гражданско-правовые способы защиты деловой репутации, которые прямо указаны в ст. 152 ГК РФ. На это счет в п. 11 ст. 152 ГК РФ

отмечено, что правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.

Говоря о гражданско-правовых способах защиты субъективных прав, нельзя хотя бы схематично не коснуться известного в цивилистике их деления на меры защиты и меры ответственности [10]. Мы разделяем позицию В. Ф. Яковлева [18, с. 25–26] и Ю. Н. Андреева [1, с. 124], полагающих, что меры защиты отличаются от мер ответственности тем, что не обладают признаками гражданско-правовой ответственности. Как нам представляется, первым таким признаком является имущественное воздействие на правонарушителя, влекущее неблагоприятные для него последствия в имущественной сфере. Следствием гражданско-правового деликта для правонарушителя становится дополнительное имущественное обременение, которое он не понес бы, если бы не совершил правонарушение.

Применительно к защите деловой репутации юридического лица, возмещение убытков относится к мерам гражданско-правовой ответственности, а все другие способы гражданско-правовые способы защиты деловой репутации, указанные в ст. 152 ГК РФ, – к мерам защиты. Поскольку все эти способы защиты деловой репутации перечислены в пп. 1–9 ст. 152 ГК РФ, из которых первые 8 пунктов посвящены мерам защиты, то вначале кратко охарактеризуем именно их, затем рассмотрим единственную меру ответственности – возмещение убытков.

Базовым гражданско-правовым способом деловой репутации юридических лиц является опровержение (пп. 1–2 ст. 152 ГК РФ). Как отмечается в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», при удовлетворении иска суд в резолютивной части решения обязан указать способ опровержения не соответствующих действительности порочащих сведений и при необходимости изложить текст такого опровержения, где должно быть указано, какие именно сведения являются не соответствующими действительности порочащими сведениями, когда и как они были распространены, а также определить срок, в течение которого оно должно последовать [3].

Термин «опровержение» в законе не раскрыт, поэтому в литературе даются разные его определения. Утверждается, что опровержение – это санкция нормы права [7, с. 312], что опровержение – это доведение до круга лиц, в среде которых сведения были распространены, информации о признании судом несоответствия их действительности [2, с. 30], что существует два вида опровержения – само решение суда, содержащее опровержение, и его исполнение ответчиком [5, с. 21].

Вряд ли с такими подходами можно согласиться. Опровержение нельзя отнести к конкретной гражданско-правовой санкции, применяемой в рамках гражданско-правовой ответственности, поскольку оно не носит имущественного характера. «Доведение до круга лиц» – далеко не главный признак опровержения, которое относится скорее к исполнению решения суда об опровержении, чем к содержательной части этого понятия.

Поскольку опровержение является специальным способом защиты гражданских прав, то главное в нем признание вступившим в законную силу судебным решением распространенных сведений ложными и порочащими и однозначно

выраженная в судебном решении обязанность ответчика опровергнуть эти сведения. Что же касается исполнения решения суда об опровержении, то оно реализуется уже не в гражданском охранительном правоотношении по судебной защите деловой репутации от диффамации и даже не в гражданском процессуальном или в арбитражном процессуальном правоотношении, а уже исключительно в рамках исполнительного производства.

Анализ правового содержания ст. ст. 12, 152 ГК РФ позволяет прийти к выводу, что опровержение – это специальный способ защиты гражданских прав, представляющий собой обоснованное отрицание не соответствующих действительности и/или порочащих деловую репутацию юридического лица сведений, исходящее от лица, распространившего такие сведения.

Поскольку опровержение направлено на восстановление умаленной деловой репутации юридического лица в первоначальное состояние, оно относится к одному из общих способов защиты гражданских прав, предусмотренных в ст. 12 ГК РФ, – восстановлению положения, существовавшего до нарушения права.

Одним из способов защиты деловой репутации юридического лица является опубликование ответа. Это неюрисдикционная форма защиты деловой репутации юридического лица, по сути своей самозащита права (ст. ст. 12, 14 ГК РФ) путем реализации права на ответ.

Ю. С. Поваров справедливо указывает, что опубликование ответа в отличие от опровержения лишено универсальности, ограничено сферой деятельности СМИ (распространяя свое действие исключительно на ситуации опубликования отрицательных сведений в СМИ) [13, с. 48]. Здесь также следует отметить, что опубликование ответа как способ защиты деловой репутации юридического лица носит субсидиарный характер по отношению к базовому способу защиты деловой репутации опровержению, поскольку в силу п. 2 ст. 152 ГК РФ юридическое лицо, в отношении которого в средствах массовой информации распространены не соответствующие действительности и/или порочащие сведения, имеет право потребовать наряду с опровержением также опубликования своего ответа в тех же средствах массовой информации.

Еще одним гражданско-правовым способом защиты деловой репутации юридических лиц является замена или отзыв документа, порочащего деловую репутацию юридического лица (п. 3 ст. 152 ГК РФ). Замену или отзыв указанного документа обязана осуществить организация, от которой он исходит. Это может быть публичное сообщение об отзыве или недействительности документа, а в случае замены документа – направление его новой редакции лицам, которым он ранее был направлен. Так, по одному из дел арбитражный суд признал, что сведения, изложенные в письме, порочат деловую репутацию истца, и обязал его автора направить фирме новое письмо с опровержением ранее изложенной информации [9].

Что касается понятия документа, согласно п. 11 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм.) [14], документированная информация – это зафиксированная на материальном носителе путем документирования информации с реквизитами, позволяющими определить такую информацию, или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель.

Согласно п. 11.1 ст. 2 этого же федерального закона электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме.

Следующим гражданско-правовым способом защиты деловой репутации юридических лиц является удаление порочащей информации, пресечение или запрещение ее дальнейшего распространения путем изъятия и уничтожения (п. 4 ст. 152 ГК РФ). В литературе отмечается, что по смыслу ст. 152 ГК РФ этот способ защиты является альтернативой (либо дополнением) опровержения [6].

Если п. 5 ст. 152 ГК РФ предусмотрено право на удаление недостоверной информации из Интернета, то п. 4 ст. 152 ГК РФ закреплено право на удаление порочащей информации с материальных носителей, обусловленное, как подчеркнуто в этом пункте, широкой известностью порочащих сведений и невозможностью доведения опровержения до всеобщего сведения. Остаются вопросы о том, что понимать под широкой известностью при применении п. 4 ст. 152 ГК РФ и почему опровержение нельзя довести до всеобщего сведения, разместив его в том же Интернете. Ведь говорить о широкой известности, например, книги можно только после ее распространения достаточно большим тиражом. А если тираж не распространен, то широкую известность можно только предполагать, поскольку ряд готовых печатных изданий попросту не раскупают.

Далее в качестве способа гражданско-правовой защиты деловой репутации юридических лиц следует удаление порочащей информации и ее опровержение в сети Интернет (п. 5 ст. 152 ГК РФ).

Этот специальный способ защиты деловой репутации юридических лиц может рассматриваться как разновидность общего способа защиты гражданских прав – пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (ст. 12 ГК РФ).

Как указано в п. 16 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации [12], в случае, если порочащие сведения, размещенные на сайте в сети Интернет, признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или иное управомоченное им лицо, которое размещает информацию на этом сайте, обязаны удалить такие сведения по заявлению потерпевшего. В этом же пункте названного Обзора приведена выдержка из постановления арбитражного суда апелляционной инстанции, где указано, что возложение обязанности на лицо, которое имеет техническую возможность без ущерба для своих прав и законных интересов удалять сведения, признанные судом не соответствующими действительности, представляет собой не меру ответственности за виновное правонарушение, а законный способ защиты права, что предполагает возможность обращения потерпевшего в суд за защитой нарушенного права в случае, если администратор сайта отказывается выполнить эту обязанность в добровольном порядке.

Представляется, что вопрос об удалении порочащей информации и ее опровержении в сети Интернет должен решаться исключительно при условии одновременного или предварительного признания судом распространенных сведений не соответствующими действительности и/или порочащими.

Признание порочащих сведений не соответствующими действительности при невозможности установить лицо, распространившее такие сведения, также является

гражданско-правовым способом защиты деловой репутации юридических лиц (п. 8 ст. 152 ГК РФ).

Как разъяснено в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [3], судебная защита чести, достоинства и деловой репутации лица, в отношении которого распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, не исключается также в случае, когда невозможно установить лицо, распространившее такие сведения (например, при направлении анонимных писем в адрес граждан и организаций либо распространении сведений в сети Интернет лицом, которое невозможно идентифицировать). Такое заявление рассматривается в порядке особого производства.

Единственным способом гражданско-правовой защиты деловой репутации юридических лиц, являющимся мерой гражданско-правовой ответственности, есть возмещение убытков (ст. ст. 12, 15, п. 9 ст. 152 ГК РФ). Чаще всего иски о возмещении убытков предъявляются при посягательствах на деловую репутацию юридических лиц, участвующих в хозяйственном обороте. Для них подрыв деловой репутации влечет за собой реальные убытки, вызванные оттоком клиентуры, ужесточением предоставления кредита и т. п.

Требования о возмещении убытков подлежат удовлетворению, если истец докажет, что они возникли вследствие распространения сведений, не соответствующих действительности. Убытки не презюмируются, их нужно доказывать в каждом конкретном случае, включая размер убытков, вину причинителя вреда и причинную связь между распространенными порочащими сведениями и наступившими убытками. Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4] размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. Здесь же отмечено, что если точный размер убытков невозможно установить, то в этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Таким образом, можно констатировать, что в ст. 152 ГК РФ установлены достаточно эффективные гражданско-правовые способы защиты деловой репутации юридических лиц.

Список литературы:

1. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. – М., 2010. – 464 с.
2. Анисимов А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: Учеб. пособие. – М., 2001. – 224 с.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. N 4.
4. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. N 8.
5. Власов А. А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 2000. – 52 с.

6. Гаврилов Е. В. Удаление информации, пресечение или запрещение дальнейшего распространения сведений как способы защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. – 2014. – № 9. – С. 41–45.
- Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2000. – 411 с.
7. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 6.
8. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.09.1999 № 46 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 11.
9. Кравченко А. А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // Российский юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 94–104.
10. Маркина М. В. Деловая репутация в составе объектов гражданских прав // Конкурентное право. – 2016. – № 2. – С. 26–28.
11. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г. URL: <http://base.garant.ru/71351694/>.
12. Поваров Ю. С. Право на опубликование ответа в средстве массовой информации (в аспекте соотношения с правом на опровержение сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию) // Цивилист. – 2012. – № 2. – С. 47–54.
13. Российская газета. 29 июля 2006 г. № 165
14. Российская газета. 5 июля 2013 г. № 145.
15. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Том 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е. А. Суханов. – М., 2010. – 958 с.
16. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
17. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. – 210 с.

Potapenko S. V. Civil-law ways of protection of business reputation of legal entities // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). – № 3. – P. 195–202.

The article describes a system of civil law means of protection of business reputation. Indemnification author refers to measures of responsibility, and all the other under Art. 152 of the Civil Code ways - to measures of protection. Goodwill commercial organizations is considered as an intangible asset, acquiring in this way value form and character of the property.

Keywords: protection of business reputation, legal entities, methods of protection of civil rights.

Spisok literatury:

1. Andreev Yu. N. Mehanizm grazhdansko-pravovoy zashchityi. M., 2010. – 464 s.
2. Anisimov A. L. Grazhdansko – pravovaya zashchita chesti, dostoinstva chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii: Ucheb. posobie. M., 2001. – 224 s.
3. Byulleten Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2005. № 4.
4. Byulleten Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2015. № 8.
5. Vlasov A. A. Problemyi sudebnoy zashchityi chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora yuridicheskikh nauk. M., 2000. – 52 s.
6. Gavrilov E.V. Udalenie informatsii, presechenie ili zapreschenie dalneyshego rasprostraneniya svedeniy kak sposobyi zashchityi chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii // Zakonodatelstvo i ekonomika. 2014. № 9. S. 41-45;
7. Griбанov V. P. Osuschestvlenie i zashchita grazhdanskih prav. M., 2000. – 411 s.
8. Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2013. № 6.

9. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.09.1999 № 46 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации» // *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 1999. № 11.

10. Kravchenko A. A. Sootnoshenie mer zaschity i mer otvetstvennosti kak sposobov zaschity sub'ektivnykh grazhdanskih prav // *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2015. N 2. S. 94–104.

11. Markina M. V. Delovaya reputatsiya v sostave ob'ektov grazhdanskih prav // *Konkurentnoe pra-vo*. 2016. № 2. S. 26–28.

12. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г. URL: <http://base.garant.ru/71351694/>.

13. Povarov Yu. S. Pravo na opublikovanie otveta v sredstve massovoy informatsii (v aspekte sootnosheniya s pravom na oproverzhenie svedeniy, porochaschih chest, dostoinstvo ili delo-vuyu reputatsiyu) // *Tsivilist*. 2012. № 2. S. 47–54.

14. *Rossiyskaya gazeta*. 29 iyulya 2006 g. № 165

15. *Rossiyskaya gazeta*. 5 iyulya 2013 g. № 145.

16. *Rossiyskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. Tom 1: Obschaya chast. Veschnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektualnyie prava. Lichnyie neimuschestvennyie prava* / *Otv. red. E. A. Suhanov*. M., 2010. – 958 s.

17. *Federalnyiy zakon ot 05.05.2014 № 99-FZ (red. ot 03.07.2016) «O vnesenii izmeneniy v glavu 4 chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i o priznanii utrativshimi silu otdelnykh polozheniy zakonodatelnykh aktov Rossiyskoy Federatsii»* // *SPS Konsultant Plyus*.

18. Yakovlev V.F. *Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obschestvennykh otnosheniy*. Sverdlovsk, 1972. – 210 s.

УДК 347.1

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗРАБОТКИ, ИЗУЧЕНИЯ И ВНЕДРЕНИЯ В СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ УЧЕНИЯ О ТОЛКОВАНИИ АКТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ротань В. Г.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье утверждается, что правотолкование в настоящее время представляет собой преимущественно нормотолкование, которое носит характер интуитивного, иррационального, ассоциативного, органолептического. Такое правотолкование не имеет исторических перспектив. А потому необходим переход к правотолкованию, которое будет осуществляться на научной основе. Но для этого необходимо создание современного учения о правотолковании. Логико-юридический фундамент такого учения создал Е. В. Васьковский на рубеже XIX–XX веков. Однако его идеи не развивались в течение более 100 лет, а учение о правотолковании, пригодное для практического применения, не создано до настоящего времени.

Намечаются направления научных исследований с целью создания современного учения о правотолковании.

Ключевые слова: правотолкование, правопонимание, текстуально закрепленные нормы, логически закрепленные нормы, общая норма, специальная норма.

Кажется само собой разумеющимся, что толкование актов законодательства должно опираться на добротное научное основание. Однако изучение судебных решений показывает, что они готовятся преимущественно без такой опоры. При таких условиях возникает необходимость исследования проблемы, обозначенной в заголовке настоящей статьи.

Нельзя сказать, что проблемы правотолкования не исследовались в науке. К этой проблеме в разное время обращались Ф. К. Ф. Савиньи, Р. Ф. Иеринг, Е. В. Васьковский, Н. А. Гредескул, С. И. Вильнянский, Н. А. Власенко, А. С. Пиголкин, А. Ф. Черданцев, П. Е. Недбайло, С. С. Алексеев, Т. Я. Хабриева и другие ученые. Однако пригодное для изучения в высших юридических учебных заведениях и для использования практиками правоприменения учение о толковании актов законодательства на данное время отсутствует.

Целью настоящей статьи является исследование перспектив разработки, изучения и внедрения в судебную практику учения о толковании актов законодательства.

Выдающийся советский и постсоветский теоретик права С. С. Алексеев проблему правотолкования держал в поле своего внимания почти 30 лет, начиная от издания книги «Общая теория права» в начале 80-х годов прошлого века [1, с. 290–316]. Приведем одно из сформулированных им научных положений, свидетельствующих о его оценке состояния науки и практики правотолкования: «Юридическая герменевтика, т. е. наука и искусство толкования юридических

терминов и понятий, есть своего рода вершина юридического мастерства, кульминационный пункт юридической деятельности. Именно поэтому одним из самых надежных показателей высококачественной работы юриста-профессионала является такой уровень профессиональной подготовки, который позволяет ему «с ходу» полно и точно толковать какие угодно законы, иные правовые акты» [2, с.130]. Автор настоящей статьи, возможно, потому что он по натуре пессимист, не склонен к таким высоким оценкам и юридической герменевтики, и профессиональной подготовки юристов, и их способности толковать акты законодательства, особенно «с ходу», полно и точно. А сведение С. С. Алексеевым юридической герменевтики к толкованию юридических терминов и понятий вызывает недоумение.

Наши оценки таковы, что к настоящему времени разработаны только отдельные проблемы учения о толкования актов законодательства, которые могут быть использованы при разработке такого учения, а само учение о толковании еще необходимо создать.

Логико-теоретические основы учения о толковании актов законодательства создал Е. В. Васьковский. Но эти основы ожидала весьма странная судьба. С одной стороны, они получили оценку как лучшая книга по проблемам правотолкования. Такую оценку дал С. И. Вильнянский в 1948 г. [4, с. 45], а еще через 50 лет – В. А. Белов [5, с. 12]. С другой стороны, Е. В. Васьковский все-таки создал не учение о толковании, а только его логико-теоретические основы. Поэтому нужна была дискуссия, в какой-то части нужна была критическая оценка, в существенной части научные положения, сформулированные Е. В. Васьковским, нуждались в развитии, с течением времени они нуждались в обновлении с учетом изменений в правовой системе. Но ничего этого не было. Так, созданные Е. В. Васьковским основы учения о правотолковании не были доведены до уровня учения о толковании актов законодательства.

Поэтому учение о правотолковании в высших юридических учебных заведениях не изучается (кроме его отдельных фрагментов). Навыками правотолкования не владеет никто – ни ученые, ни практикующие юристы. Господствует интуитивное, иррациональное, ассоциативное толкование. Немецкие исследователи К. Цвайгерт и Х. Кетц назвали его применительно к германским государствам позднего средневековья органолептическим [6, с.207]. В лучшем случае юристы стремятся овладеть искусством толкования, не освоив (впрочем, не существующую) науку правотолкования. Но и идея овладения искусством правотолкования была доведена до абсурда – судья Конституционного Суда Украины, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины С. В. Шевчук эпиграфом к своей монографии о судебном правотворчестве взял слова выдающегося музыканта-дирижера Ю. Темирканова: «Музыка таится не в черных значках, испещряющих партитуру, а в пространстве между ними» [7, с. V]. То есть судья и ученый рекомендует читать закон «между строк». А в другой своей работе он написал, что положения Конституции – это пустые сосуды, которые подлежат заполнению судебной практикой [8, с. 7]. Конечно, тут велика доля образности, метафоры. Но через метафоры автор озвучивает свои научные идеи.

С. С. Алексеев рекомендует младшим коллегам использовать при толковании п. 3 ст. 401 ГК формально-логический прием «преобразования предложения».

Трудную для понимания формулировку положения предложения первого указанного пункта («лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет...») С. С. Алексеев преобразовал таким образом: «Если установлен факт неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, то нарушитель-предприниматель для того, чтобы освободиться от ответственности, обязан доказать...» [2, с. 134]. Мимо внимания уважаемого профессора, у которого автор этих строк учился всю жизнь и продолжает учиться, прошло то обстоятельство, что в трудноинтерпретируемом тексте положения предложения первого п. 3 ст. 401 ГК закреплена материально-правовая норма, а в результате «преобразования предложения» получилась норма процессуальная. Можно было обратить внимание на такое преобразование, но в первую очередь внимание ученого-юриста, толкующего нормативное положение, должно привлечь то обстоятельство, что в этом положении текстуально закреплена норма материального (гражданского) права и логически закреплена норма гражданского процессуального права. Последняя обнаруживается при помощи вывода от последующего правового явления (ответственности) к предыдущему (обязанности доказывать, что нарушение обязательства явилось следствием непреодолимой силы).

Опытнейший и добросовестнейший в науке профессор М. Г. Розенберг сделал вывод «*a contrariō*» из положения п. 5 ст. 453 ГК, указал, что допустимость такого вывода не вызывает сомнений, но решать вопрос о соотношении обнаруженной таким образом правовой нормы с другими нормами не стал: добросовестный ученый не стал писать о том, что он надлежаще не осмыслил [9, с. 742].

Поэтому лучше было бы констатировать наличие проблемы, а не говорить о мифических профессионалах, которые легко интерпретируют какие угодно нормативные положения.

Остановимся на отдельных проблемах правотолкования, которые необходимо решить, в том числе и путем проведения научных дискуссий, для завершения разработки новейшего учения о толковании актов законодательства, пригодного для изучения в высших юридических учебных заведениях и такого, которое может быть научной основой правотолкования и правоприменения.

Идея интегрального правопонимания, которая пришла к нам из США, должна быть признана перспективной и нуждающейся в конкретизации. Необходимо искать ответы на вопросы, когда и какое правопонимание должно быть использовано при правотолковании и при разрешении коллизий в законодательстве. Поскольку ставятся вопросы «когда» и «какое», то синтетическое правопонимание должно быть признано неприемлемым, а интегральное правопонимание с выделением отдельных его видов может быть в высшей мере конструктивным. Следует заметить, что у автора есть свое понимание как этой, так и других очерчиваемых тут проблем. А постановку здесь проблем следует понимать не как «раздачу нарядов», выполнение которых не будет оплачено, а как приглашение к дискуссии. В основе учения о толковании находится позитивистское правопонимание, а точнее правопонимание конституционное (В. Крусс [10]). Это утверждение основано на положении ст. 120 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым

судьи независимы и подчиняются только Конституции и федеральному закону. Но при правотолковании возможно обращение к естественному праву, к аксиологическому правопониманию (с целью разрешения логически неразрешимых коллизий), к социологическому правопониманию (когда для толкования правового положения необходимо обращение к социальному контексту). Таким образом, основываясь на позитивистском конституционном правопонимании, новейшее учение о правовых актах не исключает в соответствующих случаях обращения к другим видам правопонимания.

С учетом практики Конституционного Суда РФ и на базе научных исследований, проведенных Т. Я. Хабриевой [11], необходимо создать учение о толковании Конституции Российской Федерации, имея ввиду перспективу (хотя бы отдаленную) перехода к прямому применению правовых норм, установленных Конституцией, всеми судами (в том числе и в случаях несоответствия законов Конституции), а также принципов (основных начал), закрепленных в кодифицированных законодательных актах. Необходимо определить, когда же все-таки принципы (основные начала) подлежат применению, и выработать приемлемую позицию по вопросу о дальнейшем сохранении в законодательных актах, конструкции аналогии права. По мнению автора настоящей статьи, особенность принципов (основных начал), в том числе конституционных, заключается в том, что в них содержится не только нормативный регулятор, но и декларация соответствующего субъекта правотворчества о его политических, экономических и социальных намерениях. Отделить декларацию от нормативного регулятора можно только с помощью учета социального контекста. Это – сложная задача. Но и решать ее в сложных случаях должен не судья районного суда, а Конституционный Суд с опорой на науку.

Основополагающие понятия законодательства, права, нормативного положения, правовой нормы, правоотношения, правового регулирования должны быть уточнены в научной дискуссии. Стремление к преодолению позитивизма, как ни странно, проявляющееся и в судебской среде, неправильно определяет направление такого преодоления. Да, у нас господствует законо- (акто-) применение, а двигаться надо в направлении правоприменения. Правоприменение же предполагает скрупулезную работу по построению правовых норм из имеющегося нормативного материала и толкование этих норм с учетом доктрины. Возможно, это будет тем, что Р. Дворкин назвал извлечением доктрины из актов законодательства и судебных решений [12, с.17]. Когда читаешь иные решения судов западноевропейских стран, поражаешься наличием ссылок не только на авторитетные научные издания, но даже и на диссертации.

Молчаливому игнорированию разработанных Е. В. Васьковским положений о логически закрепленных в нормативных актах правовых нормах, которые обнаруживаются при помощи выводов *a contrario*, *a fortiori*, от условий к следствию и наоборот (от последующего правового явления к предыдущему и наоборот), должен быть положен конец. Эти положения Е. В. Васьковского не опровергаются. Но, например, он писал о правовых нормах, которые обнаруживаются при помощи указанных выводов, а С. И. Вильнянский [4, с. 60–61], И. С. Перетерский [13, с.128], В. А. Белов [14, с. 216, 236] пишут о заполнении при помощи таких выводов пробелов в праве. Все-таки необходимо прежде всего в сообществе ученых

договориться о том, следует ли признавать логически закрепленные в положениях актов законодательства правовые нормы, или это – только средство заполнения пробелов. Автор настоящей статьи с последним вариантом согласиться не может. Пробелы заполняются при их наличии, и заполняются они «гражданским законодательством, регулирующим сходные отношения» (п. 1 ст. 6 ГК), нормами, регулирующими сходные отношения (часть 4 ст. 1 ГПК; часть 4 ст. 2 КАС). Поэтому следовало бы согласиться с тем, что логически закрепленные в актах законодательства правовые нормы могут применяться по аналогии, но это не значит, что они не могут применяться прямо. Но ведь такая возможность оспаривалась и оспаривается не аспирантами, не успевшими познать сущность вещей, а учеными, которые по праву считаются ведущими.

Сложившаяся ситуация не может быть признана нормальной, поскольку отсутствует понимание регулятивной роли и особенностей правовых норм, удельный вес которых оценочно составляет около 65 %. Это огромный нормативный массив, который либо вообще игнорируется, а когда такие правовые нормы признаются, то ни ученые ни юристы-практики не знают, как работать с такими правовыми нормами.

К тому же игнорирование такого рода правовых норм опирается на учение о правовой норме, которое в конечном счете исходит из тождественности нормативного положения и правовой нормы при всей игре в образы и метафоры.

Требует нового осмысления комплекс проблем систематического толкования актов законодательства и правовых норм. Есть надежда, что разработка этих проблем предотвратит дальнейшие попытки законодателя, поддерживаемого учеными, придать большую юридическую силу кодифицированным законодательным актам. Эти попытки являются наиболее интенсивными в сфере гражданского права. Разрешение системных коллизий, что является частью систематического толкования, предполагает разрешение на научной основе вопроса об урегулированности/неурегулированности определенных общественных отношений соответствующими правовыми нормами. Например, представляется, что общая правовая норма, запрещающая злоупотребление правом (ст.10 ГК), применяется со специальными нормами гражданского права потому, что последние вопросы злоупотребления не решают. Таким образом, отсутствие в специальной правовой норме разрешения определенного вопроса делает эту норму совместимой с общей правовой нормой, разрешающей этот вопрос.

Правило *lex specialis derogat generali* предполагает понимание критериев, по которым правовые нормы в своем соотношении квалифицируются как общая и специальная. В свое время фундамент для разрешения этой проблемы заложил Н. А. Власенко [15]. Но и сегодня то и дело встречается неразличение коллизий между общей и специальной нормой, с одной стороны, и коллизий между правовыми нормами, сферы действия которых частично совпадают. Рассуждения о том, что в последнем случае одна правовая норма является специальной в одном отношении, а другая – в другом, не имеют каких-либо логических оснований, но встречаются и в судебной практике, и в научной литературе.

Отдельной проблемой систематического толкования стало толкование нормативных положений, содержащих оговорку «если иное не предусмотрено

законом». Таких оговорок особенно много в актах гражданского законодательства. А в п. 1 ст. 168 ГК содержится две оговорки такого рода. Поборником интуитивного подхода к правотолкованию следует предложить разрешить коллизию между п. 1 ст. 308.3 ГК, содержащей оговорку «если иное не вытекает из закона», и ст. 397 ГК, также содержащей аналогичную оговорку. Вопрос состоит в том, может ли применяться п. 1 ст. 308.3 ГК к отношениям, регулируемым ст. 397 ГК.

Наконец, есть ряд периферийных проблем правотолкования. К таковым относится, в частности, проблема теологического толкования. Представляется, что такой прием толкования может быть признан допустимым в случаях, когда не удалось выяснить содержание нормативного положения на предыдущих стадиях толкования. Придавать преимущество цели правового регулирования перед содержанием нормативного положения было бы неправильным, хотя бы цель соответствующего нормативного акта и была текстуально в нем определена.

Удивительно, но факт: критическая оценка актов официального толкования законов и иных актов законодательства высказывалась российскими учеными-юристами еще в начале XX века. Н. М. Коркунов, возражая против аутентичного толкования законов, писал, что «практическое значение этого абсурдного выражения – “законодательного толкования законов” сводится к тому, что иногда, прикрываясь им придают закону обратную силу» [16, с. 347]. Что касается поручений давать толкование нормативно-правовых актов, то таким разъяснениям могут быть восприняты лишь как мнение профессионалов. Да и вообще, даже полноценные нормативно-правовые акты не могут применяться в противоречие с актами высшей юридической силы. Если же нижестоящий государственный орган разъясняет нормативно-правовой акт, изданный высшим государственным органом, то такое разъяснение тем более не может применяться в противоречие с разъясняемым актом.

Казалось бы, всем стала ясна абсолютная неприемлемость официальных разъяснений. Но ведущие ученые, начиная от С. С. Алексеева [2, с. 141], пропагандируют такие разъяснения.

Разъяснения по вопросам судебной практики, которые дает Верховный Суд РФ на основании ст. 126 Конституции, не определяются в этой статье как обязательные. Нет такого указания и в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», Федеральном конституционном законе «О Верховном Суде Российской Федерации». Но даваемые Верховным Судом разъяснения приобретают обязательный характер вследствие того, что в соответствии с п. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», п. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» разъяснения Верховным Судом (Пленумом Верховного Суда) даются в целях обеспечения единообразного применения законодательства. В этих законодательных положениях логически закреплена правовая норма, требующая от всех судов придерживаться или обеспечивать единообразное применение законодательства.

Удивительно живучей оказалась и идея расширительного и ограничительного толкования актов законодательства. Критерии расширительного и ограничительного толкования никогда не разрабатывались, если не считать таковым обнаружение, что действительное содержание юридических норм шире или уже,

чем буквальное значение слов [2, с. 138]. Как можно узнать о действительном содержании юридической нормы, помимо текста толкуемого нормативного положения, – об этом С. С. Алексеев не пишет. Не пишут и другие многочисленные представители юридической науки, хотя о расширительном и ограничительном толковании пишут почти все, что касается этой проблемы.

Наконец, следует остановиться еще на одной инфекции, которая проникла в юридическую науку, судебную практику и даже дошла до Европейского Суда по правам человека. Это учет при правотолковании внешних источников – подготовительных материалов к законопроектам, стенограмм заседаний парламента, на которых обсуждался законопроект, нормативных источников, не способных по правилам толкования повлиять на его результаты, внешних официальных источников, не имеющих силы нормативных актов (Всеобщей декларации прав человека, Декларации прав ребенка), и т. п. Как-то надо было бы в научной среде договориться о том, что право должно быть очищено от посторонних источников, не в духе Г. Кельзена, а по существу. Но наука права к посторонним источникам не должна быть отнесена, ибо право – это система правовых норм вместе с правовой доктриной.

Тут конспективно изложена проблематика, требующая научной дискуссии. Возможно, эту дискуссию удастся активизировать после конференции по проблемам правотолкования и правоприменения, которая будет организована кафедрой гражданского и трудового права Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского и проведена в сентябре 2017 г. Возможно, дискуссию вызовет книга «Новейшее учение о толковании актов законодательства», которая должна быть издана до конца 2017 г. Есть надежда, что эта книга будет рекомендована в качестве учебника для студентов юридических учебных заведений. И только через молодое поколение юристов можно будет обеспечить внедрение новейшего учения о толковании актов законодательства в практику правоприменения, в том числе судебную.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
2. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
3. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
4. Вильнянский С. И. Толкование и применение гражданско-правовых норм / Методические материалы ВЮЗИ. – М., 1948. – С. 42–61.
5. Белов В. А. «...Выдающийся русский юрист...» / Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – С. 5–41.
6. Цвайгерт К., Х. Кетц. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. 1. Основы. – М.: Международные отношения, 1998. – 480 с.
7. Шевчук С. В. Судова правотворчість: світовий досвід і перспективи в Україні. – К.: Реферат, 2007. – 640 с.
8. Шевчук С. В. Основи конституційної юриспруденції. – Х.: Консум, 2002. – 296 с.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / Под ред. О. Н. Садикова. – М.: Контракт; Инфра-М, 1997. – 778 с.
10. Кресс В. Конституционное правоприменение // Право України. – 2010. – № 4. – С. 170–175.

11. Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. Дисс. ... доктора юрид. наук. – М., 1997. – 369 с.
12. Дворкин Р. О правах всерьез. – М.: РОССПЭН, –2004. –392 с.
13. Перетерский И. С. Толкование международных договоров. – М.: Гююриздат, 1959. – 172 с.
14. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право: учебник. – М.: Юрайт, 2011. – 521 с.
15. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. – Иркутск: Изд. Иркутского университета, 1984. – 100 с.
16. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1909. – 290 с.

Rotan V. G. About the prospects of development, study and introduction in judicial practice of studies about interpretation of acts of legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 203–210.

The author points out that the interpretation of the law for the time being represents mainly the interpretation of legal norms and is in the associative, irrational and organoleptic nature. This type of the interpretation of the law has no historical perspective. As a result it is necessary to provide a transition to the interpretation of the law that will have a scientific basis.

Logical-legal foundation of this doctrine was created at the turn of the XIX-XX centuries by E. V. Vaskovskiy. However, his ideas have not been developed for a century, as for the doctrine of the interpretation of the law, suitable for practical use it is not established to the date.

Also this article outlines the areas of research with the aim to create the modern theory of the interpretation of the law.

Keywords: Interpretation of law, understanding of law, textually fixed norms, logically fixed norms, general norm, special norm.

Spisok literatury:

1. Alekseev S. S. Obschaya teoriya prava. V 2 t. T.II. – М.: Yuridicheskaya literatura, 1982. – 360 s.
2. Alekseev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyit kompleksnogo issledovaniya. – М.: Statut, 1999. – 712 s.
3. Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primeneniі grazhdanskih zakonov. – М.: Tsentр YurInfoR, 2002. – 508 s.
4. Vilnyanskiy S.I. Tolkovanie i primeneniye grazhdansko-pravovyih norm / Metodicheskie materialy VYuZl. – М., 1948. – S. 42–61.
5. Belov V.A. «...Vyidayushchiysya russkiy yurist...» / Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primeneniі grazhdanskih zakonov. – М.: Tsentр YurInfoR, 2002. – S. 5-41.
6. Tsvaygert K., H. Ketts. Vvedeniye v sravnitelnoye pravovedeniye v sfere chastnogo prava. V 2 t. T.1. Osnovy. – М.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1998. – 480 s.
7. Shevchuk S. V. Sudova pravotvorchiIst: svItoviy dosvid I perspektivi v UkraYini. – K.: Referat, 2007. – 640 s.
8. Shevchuk S.V. Osnovi konstitutsiynoyi yurisprudentsiyi. – H.: Konsum, 2002. – 296 s.
9. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii chasti pervoy (postateyniy) / Pod red. O.N. Sadikova. – М.: Kontrakt; Infra-M, 1997. – 778 s.
10. Kruss V. Konstitutsionnoye pravoprimeniye // Pravo UkraYini. – 2010. – №4. – S.170–175.
11. Habrieva T.Ya. Tolkovanie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika. Diss. ... doktora yurid. nauk. – М., 1997. – 369 s.
12. Dvorkin R. O pravah vserez. – М.: ROSSPEN, –2004. –392 s.
13. Pereterskiy I.S. Tolkovanie mezhdunarodnyih dogovorov. – М.: Goyurizdat, 1959. – 172 s.
14. Belov V.A. Grazhdanskoye pravo. Obschaya chast. T.1. Vvedeniye v grazhdanskoye pravo: uchebnik. – М.: Yurayt, 2011. – 521 s.
15. Vlasenko N.A. Kollizionnyye normy v sovetskom prave. – Irkutsk: Izd. Irkutskogo universiteta, 1984. – 100 s.
16. Korkunov N. M. Lektzii po obschey teorii prava. – SPb., 1909. – 290 s..

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 34

**X ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»: ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ
УЧАСТНИКОВ**

Михайлов М. А., Омельченко Т. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Обзор выступлений участников научно-практического форума криминалистов не подменяет содержания материалов, переданных авторами организаторам этого мероприятия и изданных к началу работы круглого стола. Изложение хода заседаний очными и заочными его участниками передает атмосферу собрания ученых и практиков, содержание вопросов и дискуссий, информацию, озвученную докладчиками, но оказавшуюся за рамками опубликованных материалов.

X Всероссийский круглый стол, проходящий в Ставрополе, хорошо известен среде ученых и практиков не только криминалистики, но и уголовного процесса, теории судебной экспертизы и собирает представителей из разных регионов страны для обмена мнениями, генерации новых идей и предложений по совершенствованию противодействия преступности криминалистическими методами.

Ознакомление с обзором, по мнению его авторов, даст представление о ходе форума, вызовет интерес к содержанию опубликованных материалов, позволит ознакомиться с опытом организации и проведения подобных мероприятий.

Думается, что взгляд со стороны будет полезен и для организаторов, может дать повод к размышлениям о совершенствовании работы будущих круглых столов, более широкому вовлечению практиков в их работу, продуктивному использованию посещения учебного заведения известными учеными-специалистами в области криминалистики путем организации занятий с обучаемыми и встреч с профессорско-преподавательским составом вуза.

Выступавшие на форуме, ознакомившись с обзором, смогут представить, достаточно ли доходчиво они доносили в своих выступлениях суть проблем и пути их решений и не были ли они по-иному интерпретированы слушателями.

Ключевые слова: всероссийский круглый стол по криминалистике, собрание ученых и практиков, проблемы противодействия преступности, Ставропольский филиал Краснодарского университета внутренних дел.

Всероссийский научно-практический круглый стол «Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений», ставший традиционной площадкой для обмена мнениями ученых и практиков в очередной уже десятый раз был проведен 26 февраля 2016 года кафедрой криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России.

В вступительном слове **начальник Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России полковник полиции Краснокутский Дмитрий Николаевич** поприветствовал участников форума и отметил необходимость перехода от количественных показателей в борьбе с преступностью к качественным, подчеркнув, что важным и незаменимым инструментом решения этой проблемы являются криминалистические средства, приемы и методы. Поэтому в современных условиях решение проблем,

возникающих в деятельности органов предварительного расследования и экспертно-криминалистических подразделений, должно быть направлено на совершенствование криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства.

Начальник Ставропольского филиала поблагодарил профессоров Гармаева Юрия Петровича и Самищенко Сергея Степановича за интересные и полезные мастер-классы, проведенные ими для преподавателей и курсантов филиала, а также огласил приказ о поощрении сотрудников Ставропольского филиала Краснодарского университета внутренних дел за высокие научные достижения.

С приветственным словом выступил **заместитель начальника Ставропольского филиала по учебной и научной работе кандидат юридических наук, доцент полковник полиции Сапронов Юрий Викторович**. Он подчеркнул, что среди участников форума представители многих регионов, вузов и научных школ страны: Москвы, Санкт-Петербурга, Симферополя, Нальчика, Орла, Воронежа, Екатеринбурга, Ставропольского и Краснодарского краёв, Ростовской области, работники практических органов – доктора, аспиранты и курсанты. В общем, все те люди, для которых изучение проблем криминалистики, путей совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию преступлений является их профессиональным делом. Выступающий выразил надежду, что в ходе этого научного мероприятия будут обозначены новые направления приложения достижений криминалистики и пути решения имеющихся в этой сфере проблем.

Из числа участников Всероссийского круглого стола первым выступил **профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Л. Кикотя доктор юридических наук, профессор Волынский Александр Фомич**. В своем докладе «**Раскрытие и расследование преступлений: совершенная организация – высокая эффективность**» он положительно отозвался о формате круглого стола при обсуждении заявленных проблем, об участии в форуме не только признанных ученых, но и курсантов – «молодых, с горящими глазами ребят», тех, кому придётся устранять пробелы и недостатки нашей системы предварительного расследования.

Профессор Волынский А. Ф. отметил необходимость не только обсуждения проблем предварительного расследования, но и получения при этом определенных результатов. Говоря о криминалистическом обеспечении, выступающий отметил, что данный термин появился в криминалистике в 1965 году и с того времени не прекращаются дискуссии о содержании данного понятия и формах его реализации в практической деятельности.

«Криминалистическое обеспечение – это система действий, направленная на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов в раскрытии и расследовании преступлений». Именно криминалистика отвечает не только за разработку новых методов, но и за их внедрение в практическую деятельность. До сих пор нет единообразного понимания ни в криминалистической литературе, ни в литературе по уголовному процессу – а что же представляет собой организация раскрытия и расследования преступлений. По мнению докладчика, именно взаимодействие выступает основой такой организации. Взаимодействует в этом процессе и ОРД, и процессуальная деятельность, и криминалистическая деятельность, и судебная, и

экспертная деятельность – все это составляет части целого. Предметом научных исследований на ближайшее время должна стать и отразиться в учебном процессе деятельность, связанная с организацией расследования преступлений. Говоря об эффективности расследования, докладчик отметил, что все сводится к следующему: «...в нынешнем году преступность должна быть на 5 % это ниже, чем в предыдущем, вот и вся цель» Критерии в математическом выражении так и не разработаны. А раз нельзя измерить – значит невозможно и оценить реальную эффективность. В качестве основных проблем повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений были названы:

- отсутствие реформ в сфере уголовного процесса;
- отсутствие реорганизаций в системе научно-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов;
- кадровые проблемы, неукомплектованность опытными криминалистами практических органов;
- несовершенство законодательной регламентации взаимодействия следователя и оперативных работников.

Доктор юридических наук, профессор Гармаев Юрий Петрович представил на суд участников доклад «**Принцип наступательности в раскрытии и расследовании преступлений органами внутренних дел**». Поблагодарив за приглашение, докладчик отметил, что сдержанно относится к критике деятельности правоохранительных органов: «За всякой критикой должны следовать реализуемые и практически выгодные предложения по устранению тех или иных ошибок».

Широко известные резонансные уголовные дела, задержания, обыски, иные конфликтные следственные действия, «шумные» на первом этапе, после определенного времени подтверждают поговорку «Гора родила мышь». Всё это сейчас, по мнению профессора Гармаева Ю. П., есть отражение некоторой закономерности – отсутствия в отдельных подразделениях правоохранительных органах понимания принципа наступательности. В буддизме есть один исключительный термин: «срединный путь» – пассивность. Есть противополодие к нему – наступательность. Принцип наступательности прямо вытекает из принципа публичности уголовного судопроизводства. На основании исследования, изучения положения ряда наук антикриминального цикла, в частности уголовного права, криминологии, ОРД, докладчик пришел к выводу, что принцип наступательности в законодательстве отсутствует. А потому в задачах самой прикладной из наук – криминологии – принцип наступательности должен быть провозглашен. Ю. П. Гармаев озвучил научную потребность – необходимость активного внедрения в научно-теоретические и прикладные разработки принципа наступательности, поощрение инициативности в раскрытии и расследовании преступлений. Нужно четко разделять наступательность – принцип деятельности, то чему мы должны научить, и принцип разработки криминологических методических, тактических и прочих рекомендаций. Атрибуты принципа наступательности: 1) он должен касаться организованной, экономической, коррупционной преступной деятельности; 2) выявление вероятной совокупности преступлений и неоднократности его совершения.

Отвечая на вопрос об отрицательной роли Европейского суда по правам человека по обращениям о нарушениях прав человека, Ю. П. Гармаев отметил, что

не имел в виду какой-то вред правам человека, речь идет о негативном влиянии на следственную и судебную практику борьбы с организованными экономическими и коррупционными преступлениями: «В частности, решением ЕСПЧ по одному из дел установлены критерии проведения полицейских операций, а именно пассивный способ; нельзя привлекать кого-то, конфиденты должны работать так-то, и получилось, что при таких условиях вообще невозможно бороться со взяточниками, проводить оперативные эксперименты по делам о получении взятки, если следовать решению ЕСПЧ». На вопрос о том, как сочетаются наступательность и отмена стадии возбуждения уголовного дела, выступающий ответил, что разделяет точку зрения о необходимости упразднения этой стадии в УПК.

Профессор Института комплексной безопасности Московского государственного университета информационных технологий, доктор юридических наук, профессор Белкин Анатолий Рафаилович в своем выступлении «Вновь о предъявлении для опознания» отметил, что особое значение следственного действия – предъявление для опознания – обусловлено ценностью доказательственной информации, получаемой при его успешном проведении. Однако законодательная регламентация неоднозначна, хотя закон достаточно детально прописывает саму процедуру. Речь идет об исчерпывающем перечне круга опознающих, проблеме повторного предъявления для опознания, проведении предъявления для опознания в случаях, когда опознающие уже видели опознаваемое лицо при задержании или в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Некоторые криминалисты и специалисты в области ОРД, не отрицая принципиальной разницы между процессуальным опознанием и оперативным узнаванием, считают допустимым предъявление для опознания лица или объекта после оперативно-розыскного отождествления или иные варианты смешения этих действий. Практика, когда после оперативно-розыскного отождествления проводится такое следственное действие, как предъявление для опознания, широко распространена, причём обычно вуалируется. Неоднозначно можно трактовать и запрет производства опознания «по тем же признакам». «По тем же признакам нельзя, видимо, по каким-то иным можно?» – задался вопросом профессор Белкин А. Р.

Отвечая на вопрос, возможно ли опознание при помощи иных органов чувств и восприятия информации, отличных от зрения, докладчик приводит пример из Вавилонского Талмуда: коль скоро мужчинам разрешается вступать в супружеские отношения со своими жёнами не только при свете, но и в темноте – значит закон не опасается ошибки и считает достоверным опознание жены по голосу и на ощупь. Однако УПК во всех случаях предусматривает лишь визуальное опознание, что прямо подтверждается используемыми оборотами «они видели» (ч. 2 ст. 193 УПК РФ), «внешне сходных» (ч. 4 ст. 193 УПК РФ). При этом понятие «внешне сходные» никак не конкретизировано, что оставляет широчайший простор для его толкования, в том числе и недобросовестного. Аналогичным дефектом страдает требование предъявлять предмет в группе однородных предметов в количестве не менее трёх, понятие «однородных предметов» никак не уточнено. С целью предупреждения злоупотреблений предлагается ввести обязательную фото- и видеофиксацию опознаваемого лица (предмета) среди других лиц (предметов), «внешне сходных» с ним, с тем, чтобы в дальнейшем наличие или отсутствие декларируемого сходства

могло быть проверено и оценено непосредственно судом. Критические замечания высказаны и по количеству опознаваемых. Как правило, предъявляется группа из трех лиц, что с психофизической точки зрения контрпродуктивно, ибо опознающий статистически гораздо чаще склонен указывать на лицо, находящееся в центре группы. Расположение опознаваемого в середине увеличивает вероятность указания именно на него, что отнюдь не означает его правдивое узнавание и наоборот.

Самищенко Сергей Степанович, заведующий кафедрой «Уголовно-правовое обеспечение национальной безопасности» Московского технологического университета кандидат медицинских наук, доктор юридических наук, профессор, свой доклад посвятил теме «**Дактилоскопическое прогнозирование на основе дактилоскопической формулы**». Анализируя историю классификационных исследований узоров на ладонных поверхностях кистей рук, выступающий отметил переход от модифицированной регистрации к составлению дактилоскопической формулы. И хотя термин «дактилоскопическая формула» появился в лексиконе исследователей папиллярных узоров еще в конце XIX века, устойчивого распространения в современной научной и практической литературе он не получил, за исключением случаев описания дактилоскопических регистрационных систем. Для оценки всей совокупности папиллярных узоров на концевых фалангах пальцев рук в дерматоглифике и дактилоскопии используется такой показатель, как дельтовый индекс. Он представляет собой сумму дельт на десяти пальцах. Дельтовый индекс – одна из основных и фактически единственная дерматоглифическая характеристика папиллярных узоров концевых фаланг пальцев рук. По отношению к комбинациям этих узоров не всегда, но довольно часто используется термин «дактилоскопическая формула». Им обозначают различные по форме варианты буквенного, цифрового и смешанного кода комбинаций, в то время как при идентификационном, диагностическом и прогностическом исследовании папиллярных узоров человека дактилоскопической формулой, по мнению выступающего, следует называть непосредственно саму комбинацию папиллярных узоров, а многочисленные варианты ее кодирования буквами, цифрами, компьютерными знаками так и следует называть – формы кодирования.

Докладчик предложил собственное понятие дактилоскопической формулы человека как комбинации папиллярных узоров на ладонной стороне концевых фаланг десяти пальцев, маркирующей свойства человека, которая может быть использована для идентификационных, диагностических и прогностических целей в криминалистике и смежных областях знаний. В докладе были приведены данные исследований о распространенности определенных формул среди различных групп населения. Было заявлено о наличии четкой взаимосвязи дактилоскопической формулы человека с уровнем его социальной адаптации. Профессор Самищенко С. С. отметил необходимость проведения дальнейших исследований в этом направлении, считая, что их результатом может быть прогнозирование девиантного поведения человека на основе анализа его папиллярных узоров.

Адвокат Ставропольского филиала Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург», член Союза писателей России Любенко Иван Иванович в своем выступлении «**Методы уголовной техники, применяемые при расследовании уголовных дел дореволюционной России**» обратился к историческим фактам. Автор отметил, что работа над детективными романами

привела его к необходимости более углубленного изучения не только современной криминалистики, но и ее истории. В Ставрополе 1907 году было учреждено сыскное отделение. Именно там два раза в год проводились курсы для полицейских чинов по криминалистике. Лекции читали известные судебные следователи. Россия стала второй страной, массово применяющей дактилоскопические методы в борьбе с преступностью. Но и преступники шли в ногу со временем и изобретали меры противодействия дактилоскопическим методам. Это были различные вещества, которые наносились на руки и застывали затем тонкой пленкой, что позволяло более свободно действовать при реализации своего преступного замысла. Автором приводились примеры из «Вестника полиции», издававшегося в дореволюционной России. В частности, об убийстве директора гимназии с помощью часового механизма, совмещенного с самострельным приспособлением. В конце выступления И. И. Любенко презентовал одну из своих книг.

После перерыва слово было предоставлено **доценту кафедры уголовного процесса и криминалистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, кандидату юридических наук, доценту Омельченко Тарасу Владимировичу** (одному из авторов настоящего обзора), который прежде всего пригласил всех участников форума на очередную четвертую международную конференцию, проводимую в Алуште. Выступающий обратил внимание на новую тенденцию в российском уголовном процессе – предлагать новации, которые уже нашли свое отражение в УПК Украины 2012 года, однако апробацию которых нельзя считать успешной. Эти идеи выдвигались и на конференциях в Нижегородской академии МВД и в Академии Следственного комитета России. Речь шла о новой теории доказывания, о внедрении института следственных судей, об упразднении стадии возбуждения уголовного дела. На Украине уже столкнулись с этим. В итоге количество зарегистрированных заявлений возросло в семь раз, а раскрываемость преступлений заметно снизилась (например, раскрываемость грабежей до 24 %).

Доцент Омельченко Т. В. отметил, что Россия в реформах все-таки более консервативна, да и на Украине зрелое поколение ученых и практиков долго не воспринимало идеи состязательного уголовного процесса, но молодые настояли, и все изменилось.

Обращаясь к теме доклада **«Криминалистическая ответственность следователя»**, выступающий отметил, что интерес к этой проблеме возник также после украинских реформ УПК, когда у следователя в работе оказалось до нескольких сот уголовных производств одновременно, он не только не мог использовать какую либо криминалистическую тактику в своих следственных действиях, но и не в состоянии был просто физически проводить их. Тактические приемы криминалистики вообще исчезли из арсенала следователя. Введение института следственного судьи уничтожило его процессуальную самостоятельность.

Академия Следственного комитета, как подчеркивал докладчик, выдвинула идею создания следственной ветви власти, и в этом есть рациональное зерно. Роль следователя усматривается в установлении истины в уголовном судопроизводстве. А это, по мнению докладчика, требует создания нового вида ответственности – криминалистической. За свою нерасторопность, отсутствие инициативы в

расследовании, отказ от использования имеющегося арсенала средств и способов получения доказательств следователь должен нести ответственность. И не только перед руководителем следственного подразделения и начальником органа, а также перед своими старшими коллегами, имеющими определенный опыт и не равнодушными к имиджу и статусу следователя. Такими людьми могут быть члены Советов ветеранов следственных подразделений, которые в силах отличить непрофессиональное отношение следователя к своим обязанностям, повлекшее серьезные последствия, от действий, вызванных профессиональным риском.

В качестве вывода было отмечено, что реформирование следствия только тогда можно считать эффективным, когда следователь будет думать лишь о расследовании дела, а не переживать за иные проблемы, которые могут стать причиной непрофессионального выполнения им своих обязанностей, необъективности и даже коррупционного поведения.

В реплике к выступлению Т. В. Омельченко модератор отметил, что требование к соблюдению дисциплины следователями вовсе не означает посягательство на их независимость.

Предваряя свой доклад **«Допрос иностранных граждан в современных условиях: тактико-криминалистический аспект»**, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института (г. Москва), кандидат юридических наук, доцент, **Шадрин Олег Юрьевич** также не удержался от того, чтобы не ответить предыдущему выступающему. Строгое соблюдение дисциплины – это не необходимость безрассудно подчиняться, а способность безопасно работать в агрессивных условиях, например в тех же горячих точках, где любое отступление может стоить «независимому следователю» не только здоровья, но и жизни.

Собственно в докладе было отмечено, что с развитием международного сотрудничества в нашу страну по разным поводам приехало большое количество иностранцев, которые нередко попадают в орбиту уголовно-процессуальной деятельности и оказываются, например, в роли допрашиваемых. Особенно заметен рост гостей из Китая на востоке нашей страны. О необходимости рекомендаций по допросу иностранцев также говорил известный русский юрист А. Ф. Кони более ста лет назад.

Не выделяя специфику допроса лиц разных национальностей, выступающий привел несколько обобщенных тактических рекомендаций для допроса китайских граждан, находящихся в разном процессуальном статусе. При первом общении не следует демонстрировать к ним повышенного интереса и быть навязчивым. Эти допрашиваемые придают большое значение впечатлению от первого знакомства, тем более с иностранцем. Определенные рамки правильного поведения установлены и сильной коммунистической идеологией в этой стране. Именно поэтому, как утверждает О. Ю. Шадрин, в ходе первого допроса не следует сразу, слишком настойчиво выяснять все интересующие следствие обстоятельства.

Установление психологического контакта будет более эффективно, если допрашивающий прежде всего поинтересуется общими личными данными собеседника, попросит написать иероглифами свою фамилию, лестно отзовется о его народе, культуре, правительстве. При этом не следует касаться китайских внешнеполитических проблем (Япония, Тайвань и т. п.), предпочтительны

нейтральные темы: быт, жилье, семья. Визуальный контроль за реакциями на вопросы поможет избежать больших тем при установлении психологического контакта. Поскольку чаще всего в сферу интереса правоохранительных органов попадают лица, приезжающие в Россию на работу, то их основным интересом и будет эта работа и получение прибыли. Они могут на допросе дать информацию о конкурентах (россиянах) и своих соотечественниках, если это не будет в ущерб их бизнесу. Китайцы очень уважительно относятся к собеседнику, знающему их язык, культуру, историю или искусство.

Выступающий отметил, что в статье им представлены подробные критерии соответствия полученных показаний и описываемой действительности (компетентности, осведомленности, уникальности показаний, эмоциональной насыщенности, характера несоответствий), с помощью которых можно судить о правдивости и ложности показаний, однако за дефицитом времени он опускает эти подробности в докладе.

Помешать установлению психологического контакта, по мнению О. Ю. Шадрина, может неправильное поведение допрашивающего при обсуждении вопросов религии.

Особенностями восприятия окружающих людей этой категории допрашиваемых является и то, что при слабом знании русского языка китаец много информации получает визуально и обращает больше внимания на внешность окружающих и особенности их поведения. Такая информация может быть востребована на допросе потерпевшего и оказаться полезной. Следует отметить при этом, что в непривычной среде китайцы плохо различают национальности и этнические группы европеоидной расы.

Выступающий отметил, что китайцы внимательны и к внешности допрашивающего: например, белая рубашка ассоциируется с одеждой выходного дня и в служебном кабинете не вызывает особого расположения. В отличие, например, от костюма с воротником стойкой, характерного для китайской действительности.

Из-за наличия множества диалектов в китайском языке существует и специфика использования помощи переводчика при допросе. Практика показывает, что переводчик, который является соотечественником допрашиваемого, может выйти за пределы своих полномочий и вступить в инициативное общение с допрашиваемым, чем намеренно или нет причинит вред расследованию. Речь идет и о безобидных упреках «Не позорь страну!» и о готовности выполнить какую-либо просьбу втайне от следователя. Для пресечения этого необходимо перед началом следственного действия строго объяснить переводчику его права и обязанности, а также организовать присутствие на допросе какого-либо официального лица, понимающего китайский язык. Не будет лишней и оперативная проверка самого переводчика перед приглашением его для участия в допросе.

Решению этих проблем может помочь и организация звукозаписи допроса. Однако полная аудиофиксация всего допроса с последующим по требованию УПК прослушиванием всей фонограммы значительно удлиняет это следственное действие. А это существенно усложняет процесс в условиях использования помощи платного переводчика или приглашения на допрос работника консульства с отвлечением его от других дел. По мнению выступающего, необходимо

законодательно разрешить фиксацию не всего допроса, а лишь его ключевых моментов. Кроме того, возникла необходимость в подготовке переводчиков в учебных заведениях системы МВД.

Особой осторожности требует проведение очных ставок между иностранцами, которые зачастую добиваются их проведения для того, чтобы передать друг другу значимую информацию для противодействия расследованию, используя языковой барьер.

В заключение доцент Шадрин О. Ю. сделал вывод о том, что знание психологических и национальных особенностей иностранцев значительно повышает эффективность получения показаний.

Начальник кафедры криминалистики первого факультета Института повышения квалификации Академии Следственного комитета (г. Ростов-на-Дону) **Волочай Сергей Николаевич**, выступая с докладом «**Методика расследования преступлений как система следственных методов раскрытия и расследования**», заявил, что попытается эту консервативную тему наполнить нестандартным содержанием. Он отметил возросшее в последнее время количество диссертационных исследований, посвященных созданию различных методик расследования преступлений. Однако, по его мнению, авторы стали легковесно относиться к решению этих серьезных задач.

Ранее такие исследования были единичны, но были более полезны для практиков. Даже указание в диссертации о том, что при ее подготовке изучено нескольких сотен уголовных дел определенной категории, вовсе не свидетельствует о полезности создаваемой методики для следователей. Диссертанты пренебрегают необходимостью изучения мнения практиков следователей и оперативных работников, занимавшихся конкретными расследованиями. Необходим анализ таких мнений, лишь после этого изложения собственной позиции. Диссертационное исследование нередко сводится к изучению способов совершения преступления, других его элементов порою без какого-то анализа взаимосвязей и без серьезных рекомендаций по их реализации.

Выступающий отметил лишь одну работу, выполненную более 30 лет назад, где по-настоящему просчитывались связи между отдельными элементами криминалистической характеристики преступления и особенностями личности преступника¹.

В докладе было отмечено и недостаточное количество типовых следственных ситуаций, выделяемых и анализируемых в современных диссертационных исследованиях. А предлагаемые наборы следственных действий для первоначального и последующего этапов расследования не облакаются в форму методических рекомендаций, а так и остаются в рукописи диссертации или в

¹ Видимо, Волочай С. Н. имел ввиду работу Видонова Л. Г.: Криминалистические характеристики убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийства в отсутствие очевидцев: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; Судостроительство; Прокурорский надзор; Криминалистика» / Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1979.

лучшем случае в монографии, что нельзя считать практической реализацией исследования.

С. Н. Волочай отметил, что практикам нужны не рассуждения о теории или категориях, а конкретная реализация в виде пособий и методических рекомендаций. При этом нельзя ограничиваться одной криминалистикой, нужна и уголовно-правовая характеристика, и учет процессуальных аспектов. Следователи нуждаются в эффективных методиках, особенно при расследовании преступлений, ранее не встречавшихся вообще или редко совершаемых на практике. Он привел пример с расследованием преступлений, совершенных серийным убийцей Чикатило. Неэффективная работа по этому уголовному делу на первоначальном этапе объясняется тем, что версии строились лишь на основании одного признака, чего делать нельзя.

Докладчик подчеркнул, что расследуя «нестандартное» преступление, следователь нередко теряется, не знает чему уделить внимание в первую очередь, от каких элементов отталкиваться при построении версии. Такие проблемы в свое время возникали при появлении преступлений, связанных с неуплатой налогов, при росте террористической активности и преступлений, совершаемых путем взрыва. Следователи не были вооружены элементарными алгоритмами работы.

Обладающий совершенной методикой расследования преступления, следователь, по мнению выступающего, является и хорошим организатором всего процесса расследования. Он ведет работу по уголовному делу активно и наступательно, выдвигает наиболее вероятные версии, отыскивает улики, компетентно привлекает для установления обстоятельств дела экспертов и специалистов. Выступающий сожалел, что сегодня издается множество теоретических публикаций непригодных для практиков. Следователи вынуждены использовать не обобщенную учеными практику множества своих коллег, а лишь собственный, зачастую не очень богатый опыт. Тратится много усилий, средств, времени, а результатов нет.

В заключении он отметил, что в свое время даже публикации опыта конкретных расследований в сборниках «Следственная практика», издаваемых прокуратурой, были очень полезны.

Соглашаясь с мнением докладчика, профессор **Гармаев Ю. П.** подчеркнул, что в выступлении С. Н. Волочай затронут актуальный и интересный вопрос. «Если у нас отсутствуют качественные востребованные методики расследования, то значит, существует проблема с «методикой подготовки этих методик». Он уже 20 лет ищет такую методику и так ее и не нашел. Что касается замечательных таблиц Л. Г. Видонова, то еще в 1993 году, работая следователем в Сибири, Ю. П. Гармаев пытался использовать их в расследовании нераскрытого убийства, но этот метод не помог, потому что используемые в нем закономерности подходили только для Горьковской области. Тем не менее следует отметить труд Л. Г. Видонова, который изучил и обработал в «докомпьютерное» время 800 уголовных дел по убийствам в условиях неочевидности. Однако такая «методика создания методик» Л. Г. Видонова не заработала. Она не стала универсальной. Сегодня необходимо создать «методику подготовки методики расследования преступления», ведь существует методика экспертного исследования. Разработкой такой методики и

должна заняться Академия следственного комитета. «Может быть, эти методики в Академии уже есть?» – задал вопрос профессор Гармаев Ю. П.

В своем ответе **С. Н. Волочай** отметил, что такая работа велась еще в Генеральной прокуратуре. Имеются огромные массивы практики, но они требуют серьезной обработки. Ведь все эти характеристики излагаются в материалах дела и далеко не всегда упомянуты в обвинительном заключении. Даже само формирование таких массивов уже нужная, хотя и масштабная работа. Завершая свой ответ, С. Н. Волочай высказал свою оптимистическую позицию о том, что это можно и нужно использовать.

Поблагодарив выступающего, модератор выразил сомнение в том, что для разработки эффективной методики обязательно изучать огромный массив уголовных дел. В качестве аргументации он привел методику расследования геноцида, которая уже защищена в рамках диссертационного исследования. А таких дел на практике – единицы. Тем не менее наука не должна отрываться от практики.

Получив слово для выступления, старший дознаватель отдела дознания по Труновскому району Ставропольского края **Воловой Михаил Геннадьевич** заявил тему своего доклада **«Проблемы совершенствования методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств»**.

В результате изучения статистики и уголовных дел за период с 2012 по 2015 г. он утверждает, что данная категория составляет 12 % от всего массива преступлений в Ставропольском крае. Причем каннабис сегодня фигурирует как единственное сырье для приготовления наркотических средств.

Выявление преступлений и изъятие наркотических средств в большинстве случаев осуществляются нарядами патрульной постовой и дорожно-патрульной службы.

При этом, отметил выступающий, сотрудники полиции сталкиваются с такой проблемой, как привлечение понятых. Хотя УПК и разрешает отказаться от их помощи в условиях полной видеофиксации, на практике такого не происходит. Нередко ситуации с таким изъятием возникают неожиданно, и требуется срочно принимать решение. В некоторых случаях практики эту проблему пытаются преодолеть путем использования возможностей административного производства.

Еще одной трудностью, отметил М. Г. Воловой, является то, что в ограниченный срок всего за один месяц необходимо предъявить обвинение и принять решение по делу. Это приводит к тому, что не выявляются важные факты, места и обстоятельства приобретения наркотических средств. Практикам не хватает четких методик, алгоритмов действий в случае неожиданного обнаружения наркотических средств. Докладчик подчеркнул важность этой проблемы, поскольку такого рода преступления имеют значительный удельный вес и оказывают заметное влияние на криминогенную ситуацию в районе, а преступники этой категории нередко совершают тяжкие и особо тяжкие преступления.

В завершении заседания круглого стола выступил представитель организаторов форума кандидат юридических наук, доцент **Потудинский Валерий Павлович**, доцент кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России. Тема его выступления **«О необходимости разработки дополнений к методике почерковедческого исследования рукописей и подписей с учетом специфических букв, их сочетаний и комбинаций,**

имеющихся в алфавитах республик Северокавказского федерального округа, письменность которых основана на кириллице» подчеркнула разносторонний характер докладов, заслушанных на заседаниях круглого стола.

Выступающий напомнил, что речь уже шла о «методике создания методик расследования и экспертных исследований». Его доклад посвящен одной из них, объектом которых являются рукописи, выполненные на языках народов Северного Кавказа, с письменностью на кириллице. Такие документы нередко попадают в сферу расследования преступлений и подвергаются экспертизе.

К настоящему времени, по утверждению выступающего, уже созданы экспертные методики рукописей, выполненных на языках коренных народов союзных республик бывшего СССР. Что касается языков народов Кавказа, то еще в 1834 году историк Иоганн Бларамберг писал: «Было бы очень интересно узнать истоки происхождения формирования и смешения этих разных языков. Но для достижения этой цели необходимо сначала узнать все языки, на которых говорят на Кавказе». Только на Северном Кавказе проживает свыше 50 народов, говорящих на языках трех лингвистических семей. Одних лишь письменных языков на Северном Кавказе насчитывается более двадцати.

Поскольку все они основаны на кириллице, отметил В. П. Подудинский, то при исследовании рукописей могут применяться методики, разработанные для русского языка. В то же время специфика этих средств общения и наличие особенных букв в некоторых случаях требуют дополнения используемой сегодня методики, что позволит выявлять отдельные признаки письменной речи и почерка. Эти методики могут быть востребованы не только для производства почерковедческих экспертиз, но и в розыскных целях, в частности для установления этнической принадлежности исполнителя рукописи, места его жительства, местности распространения определенного диалекта и т. п.

В языках народов Северного Кавказа встречаются специфические буквы и сочетания, состоящие из двух, трех и четырех знаков, не встречающиеся в русском языке. Например, только в абазинском языке имеется: 26 двухбуквенных сочетаний и 12 трехбуквенных, одна специфическая буква и 13 сочетаний с этой буквой.

В настоящее время требуется создание дополнений к имеющейся методике исследования рукописных текстов и подписей, выполненных на русском языке, иначе выводы экспертов, к тому же не владеющих языком исследуемого документа, будут признаваться неполными и недостоверными.

В своей реплике **профессор Белкин А. Р.** отметил, что в данном случае первой задачей при исследовании таких рукописных текстов и подписей является установление языка, на котором они выполнены, а это не совсем почерковедение, а скорее речеведение.

В заключение работы **начальник Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России Краснокутский Д. Н.** выразил признательность всем участникам за интересные доклады, которые обозначили новые пути решения отдельных проблем, и поблагодарил их за то, что они нашли время принять участие в этом мероприятии. Отдельную благодарность руководитель Ставропольского филиала выразил коллективу кафедры криминалистики и ее руководителю Гонтарю Сергею Николаевичу за отличную организацию и проведение X-го всероссийского научно-практического круглого стола «криминалистическое обеспечение раскрытия

и расследования преступлений».

На заседании выступила лишь малая часть ученых и практиков, заявивших себя на это мероприятие. По результатам работы научного форума были изданы Материалы X Всероссийского круглого стола в двух частях, в которых опубликованы статьи 84 авторов.

Mikhailov M. A., Omelchenko T. V. The X-th All-Russian Scientific and Practical Round Table «The Criminalistic Maintenance of the Disclosing and Investigation of the Crimes»: The Review of the Participants' Performance // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 211–224.

The review of the participants' performance on the scientific and practical forum of the criminalists does not replace the content of the materials which were transferred by the authors to the organizers of this event and published by the beginning of the round table meeting. The description of the round table session to all its participants conveys the atmosphere of the meeting of scientists and practitioners, the content of questions and discussions, the information voiced by the speakers, but not included into published materials.

The Xth All-Russian round table meeting held in Stavropol is well known not only among scientists and practitioners in criminalistics, but also among scientists and experts in criminal proceedings, forensic theory. It gathers representatives from different regions of the country to exchange their opinions, generate new ideas and proposals, which can improve the counteraction criminality with help of criminalistic methods.

The authors think that familiarization with the review, will give an idea about the course of the forum, cause interest to the content of the published materials, allow to get acquainted with the experience of organizing and conducting such activities.

It seems that this review will be useful for the organizers. It may give rise to thinking on the improvement of the work of future round tables, greater involvement of practitioners in their work, the productive use of attendance at the educational institution by the renowned scientists – experts in the field of forensic science, by organizing sessions with the students and meetings with the teaching staff of the university.

The speakers at the forum by reading the review, will be able to imagine whether they lucidly enough explained in their speeches the issues and the ways of its decisions and whether they have not been interpreted differently by the audience.

Key words: All-Russian round table meeting on criminalistics, Meeting of scholars and practitioners, problems of counteraction to criminality, Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

НАШИ АВТОРЫ

Акмоллаева А. Д.	студентка юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бугаев В. А.	к. ю. н., доц., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Буткевич С. А.	к. ю. н., старший научный сотрудник, заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе
Буткевич О. В.	к. ю. н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Волков Ф. М.	студент юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Волошин И. А.	старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Герасименко В. А.	доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Губанова Е. В.	к. ю. н., доцент к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Донская Л. Д.	к. ю. н., доц., декан юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Змерзлый Б. В.	д. и. н., д. ю. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Кащенко С. Г.	д. и. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Клименко Е. П.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Клименко П. М.	доктор медицинских наук, профессор, академик Крымской академии наук, заведующий курсом урологии кафедры хирургии № 1 Медицинской академии им. С. Г. Георгиевского (структурное подразделение) ФГАОУ «КФУ им. В. И. Вернадского»
Ключенко А. М.	студент магистратуры Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Легеза Л. А.	к. ю. н., доц. кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала ФГБОУВПО «Российский государственный университет правосудия» (г. Симферополь)
Лузик А. А.	магистрант юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Макаренко В. Г.	Московский институт юриспруденции, город Москва
Мидловец М. В.	преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Михайлов М. А.	к. ю. н., доц. заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Мухина М. С.	студентка 4 курса юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Коноплев В. В.	доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук, заслуженный юрист Автономной Республики Крым, заслуженный юрист Украины
Омельченко Т. В.	к. ю. н., доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Османова Л. С.	старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Пархоменко Л. В.	старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Панько Н. А.	магистр права, г. Донецк
Пасечник Е. С.	старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Поддубняк А. А.	к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Потапенко С. В.	д. ю. н., профессор к-ры гражданского и трудового права Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, заслуженный юрист РФ
Ревизская Ю. А.	магистр права, г. Донецк
Родителева Я. Н.	майор полиции, преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Ротань В. Г.	д. ю. н., проф., заведующий кафедрой гражданского и трудового права Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Таран П. Е.	к. фил. н., к. ю. н., доц., заведующий кафедрой истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Халилев Р. А.	д. ю. н., проф. кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялте
Чеботарева Г. В.	д. ю. н., проф. кафедры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Шармоянц А. Н.	к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Юрченко Л. В.	к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Губанова Е. В.	Исторический анализ норм уголовной ответственности за политические преступления в российском законодательстве XV–XVIII веков.....	3
Змерзлый Б. В., Таран П. Е.	Организация охраны государственных границ в Таврической области.....	10
Клименко Е. П., Клименко П. М.	Договорное сотрудничество государств в сфере борьбы с туберкулезом в XXI в.....	16
Шармоянц А. Н.	Создание в 1933 г. Центрального управления единой гидрометеорологической службы СССР	34

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Бугаев В. А., Волков Ф. М.	Отдельные особенности терроризма в современной России.....	41
Буткевич С. А.	Особенности информационного обеспечения деятельности органов охраны правопорядка в особых условиях.....	46
Волошин И. А., Акмоллаева А. Д.	Отдельные аспекты женской преступности.....	54
Герасименко В. А.	Реализация принципа справедливости при назначении наказания в виде лишения свободы за хищения.....	60
Макаренко В. Г.	Совершенствование технико-криминалистической деятельности в таможенных органах Российской Федерации.....	65
Мидловец М. В.	Проблемы определения вины участников дорожно-транспортного преступления.....	84
Лузик А. А., Омельченко Т. В.	Оправдательный приговор в системе правосудия.....	90
Пархоменко Л. В.	Актуальные вопросы наступления уголовной ответственности за несообщения о преступлении.....	97
Панько Н. А.	Результаты специального исследования: аспект модальности.....	103
Поддубняк А. А., Мухина М. С.	Досудебное соглашение о сотрудничестве: вопросы заключения «сделки с правосудием» с несовершеннолетними.....	109
Ревизская Ю. А.	Достоверность и объективность результатов оперативно-розыскной деятельности.....	114

Родителева Я. Н.	Предварительное расследование по уголовным делам с участием иностранцев, пользующихся дипломатическим иммунитетом.....	121
Халилев Р. А., Легеза Л. А., Османова Л. С.	Особенности криминалистической характеристики «этнических» преступлений.....	131
Чеботарева Г. В., Подкорытова Л. Н.	Объективные критерии преступного бездействия в сфере медицины.....	136
Юрченко Л. В., Ключенко А. М.	Проблемы реформирования института профессиональной юридической помощи в Российской Федерации.....	144

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Буткевич О. В.	О соотношении понятий «особая экономическая зона» и «свободная экономическая зона».....	163
Донская Л. Д., Кашенко С. Г.	Регулирование имущественных и связанных с ними личных отношений в Ветхом Завете Библии.....	170
Коноплев В. В.	Административный суд: прошлое и настоящее (на примере сравнительно-правового анализа положений Кодекса административного судопроизводства в Российской Федерации и в Украине).....	180
Пасечник Е. С.	Заключение договоров по поводу распоряжения исключительными правами интеллектуальной собственности.....	184
Потапенко С. В.	Гражданско-правовые способы защиты правовой репутации юридических лиц.....	195
Ротань В. Г.	О перспективах разработки, изучения и внедрения в судебную практику учения о толковании актов законодательства.....	203

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Михайлов М. А., Омельченко Т. В.	X Всероссийский научно-практический круглый стол «Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений»: обзор выступлений участников.....	211
---	---	-----

